

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2025. Т. 47, № 2

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025. Т. 47, № 2

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2025. Vol. 47, No 2

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2025

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYÜNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Federal State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Пустовойт И. С.</i>	
АРХЕОЛОГИЯ			
<i>Манько Н. В.</i>			
Новые энеолитические кремнеобрабатывающие мастерские с крупнопластинчатым компонентом в Северо-Западном Донбассе	8		
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ			
<i>Смирнова Н. В.</i>			
Ма Юйсинь о женщинах-журналистах в Цинском Китае конца XIX века	18		
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ			
<i>Серова Е. В.</i>			
Ограничения прав нейтральных держав в 1914–1918 годах в контексте западной историографии (на примере скандинавских стран)	25		
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ			
<i>Винокурова И. Ю., Дубровская Е. Ю.</i>			
Галина Николаевна Богданова: к 100-летию со дня рождения	33		
<i>Пашков А. М., Соколов А. А.</i>			
Василий Александрович Трошин: от эсера к создателю музея «Марциальные воды»	43		
<i>Годунов К. В., Волохова В. В.</i>			
«Демократия» против «буржуазии»: язык политического конфликта в марте – сентябре 1917 года	50		
ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ			
<i>Грачева Ю. Е.</i>			
Деятельность Главного правления училищ при министре графе А. К. Разумовском	59		
		<i>С. С. Уваров и «ученое сословие» Петербургского университета в 1810-х – начале 1820-х годов . . . . .</i>	65
		<i>Аишхмин А. В.</i>	
		<i>С. С. Уваров и «еврейский вопрос» в политике просвещения в Юго-Западном крае . . . . .</i>	76
		<i>Раковский Д. О.</i>	
		Выпускники Санкт-Петербургского (Петроградского, Ленинградского) университета – сотрудники Русского музея (1917–1934 годы)	86
		<i>Метель О. В.</i>	
		Проекты реорганизации советской высшей школы на страницах журнала «Научный работник»	91
		<i>Абдулина Б. М.</i>	
		120-летие Ленинградского государственного университета в фокусе идеологической политики Советского государства	96
		<i>Скворцов А. М.</i>	
		Введения к диссертациям по античности 1940-х годов и советская диссертационная культура	104
		Рецензии	
		<i>Гутнов Д. А.</i>	
		Рец. на кн.: Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье (сборник материалов и воспоминаний)	112
		<i>Архипова Т. Г.</i>	
		Рец. на кн.: Признание: сборник статей	115
		Contents	118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 28.02.2025. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 45 экз.). Изд. № 19

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор исторических наук,
профессор ПетрГУ
А. В. Антощенко

Alexander V. Antoshchenko,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (History), Professor,
Petrozavodsk State University

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА!

Центральное место в предлагаемом выпуске занимает тематическая рубрика «Из истории российской системы образования». Ее составляют статьи, написанные на основе докладов, прозвучавших на прошедшей в июне 2024 года международной конференции в Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН «Институционализация науки в России в XIX–XX веках». По своей хронологии публикуемые статьи как бы обрамляют тематику, показывая становление системы образования в России в начале XIX века и его развитие в советский период. В статьях Ю. Е. Грачевой, И. С. Пустовойта и А. В. Ашихмина дается характеристика вклада в этот процесс двух графов – А. К. Разумовского и С. С. Уварова. Использование биографического метода позволяет авторам рельефнее представить данный процесс с учетом личностных особенностей этих выдающихся организаторов российского образования. Представление советского периода более разнообразно. Если Д. О. Раковский на основе просопографического подхода характеризует вклад выпускников бывшего столичного университета в работу Русского музея, то О. В. Метель, анализируя публикации журнала «Научный работник», реконструирует не только желанный для советской власти образ университета, но и принципы его построения. Тема формирования образа университета, но теперь уже в связи с юбилейными торжествами, продолжена Б. М. Абдулиной, которая справедливо указывает на прагматические цели: использовать юбилей как повод привлечь внимание советских чиновников к своим нуждам. А. М. Скворцов использует введенное его старшими коллегами понятие «диссертационная культура» для того, чтобы показать, как меняется значение такого привычного для диссертаций раздела, как Введение: из сравнительно свободного определения путей исследования оно превращается в 1940-е годы в формализованный инструмент идеологизации исторического познания даже такого далекого от современности периода, как античность. В портфеле редколлегии имеются другие статьи по теме, что позволит продолжить рубрику в следующем историческом выпуске.

Не менее интересны статьи в традиционных рубриках журнала, авторами которых являются ученые из Петрозаводска, Санкт-Петербурга и Донецка. Номер завершают рецензии на новые издания.

НИКИТА ВЛАДИМИРОВИЧ МАНЬКО

ассистент кафедры археологии, историографии, источниковедения и методов исторического исследования
Донецкий государственный университет
(Донецк, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-8216-4938; nikita_manko98@mail.ru

НОВЫЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩИЕ МАСТЕРСКИЕ С КРУПНОПЛАСТИНЧАТЫМ КОМПОНЕНТОМ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ДОНБАССЕ

А н н о т а ц и я . В эпоху позднего каменного века Донбасс формируется как один из крупнейших центров древнего горного дела на территории Восточной Европы. Наибольшее скопление памятников кремнедобычи и кремнеобработки сегодня выявлено в районе Северо-Западного Донбасса, однако собранный здесь археологический материал по-прежнему не полностью отражен в современной научной литературе. Цель настоящей публикации – ввести в научный оборот материалы из местонахождений у села Малиновка и пруда Пустошь, тем самым дополнив карту археологических памятников Донецкой Народной Республики. Данные памятники локализованы в прибрежной зоне водораздела реки Беленькой и сопровождаются многочисленными кремневыми обнажениями, доступными для непосредственного сбора сырья на поверхности. Методом технико-типологического анализа были изучены местные археологические коллекции, состоящие из серии кремневых изделий в виде нуклеусов для производства пластин, продуктов их расщепления и заготовок бифасов, а также единичные фрагменты керамики, что позволило установить характер местных памятников. Они представляют собой комплекс, состоящий из жилого поселения и нескольких производственных зон – кремнеобрабатывающих мастерских, связанных с первичной обработкой кремня и изготовлением отдельных типов орудий труда. При помощи метода сравнительного анализа также было выявлено сходство с изделиями, обнаруженными на территории соседней специализированной мастерской-поселения Васильевская Пустошь и некоторыми энеолитическими мастерскими Краснянского горно-кремнеобрабатывающего комплекса. Полученный результат указывает на раннеэнеолитическую датировку рассматриваемых мастерских, а также на их возможную принадлежность к памятникам степного варианта среднестоговской культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Донбасс, ранний энеолит, кремнеобрабатывающие мастерские, крупнопластинчатый компонент, бифасы, среднестоговская культура

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено в рамках г/б темы «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса» (номер госрегистрации 124012400356-4).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Манько Н. В. Новые энеолитические кремнеобрабатывающие мастерские с крупнопластинчатым компонентом в Северо-Западном Донбассе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 8–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1140

ВВЕДЕНИЕ

Донбасс, центральной частью которого является возвышенный кряж, – крупная геологическая структура на юге Восточной Европы. Благодаря особенностям геологической истории Донецкий кряж обрамлен меловыми отложениями, содержащими значительное количество кремней, представленных жилами из конкреций различных форм и размеров. В нео-энеолитическую эпоху на территории Донбасса формируется крупный европейский центр по добыче и первичной обработке минеральных ресурсов [5], [17],

[18]. Начало систематического изучения горного дела в данном регионе приходится на середину 1960-х годов и связано с именем старшего преподавателя Донецкого государственного университета Д. С. Цвейбель, впервые открывшей ряд крупных памятников у г. Краматорска [15], [16]. К эпохе энеолита в регионе также относится значительное количество мастерских по первичной обработке кремня, в основном локализованных в районе Северо-Западного Донбасса [4]. Помимо мастерских в Северо-Западном и Южном Донбассе исследованы древние памятники горного

дела, непосредственно связанные с процессом кремнедобычи [3], [6], [7].

Крупное скопление энеолитических мастерских в Северо-Западном Донбассе отмечено к востоку от г. Краматорска в бассейне р. Беленькой, где в окрестностях с. Васильевская Пустошь было выявлено одноименное поселение-мастерская [8]. В 1992 году археологические разведки здесь проводил донецкий археолог А. И. Привалов, а в середине 1990-х годов – сотрудники Донецкого областного краеведческого музея А. В. Колесник, Ю. Г. Коваль и В. А. Подобед. В ходе их работ было выявлено несколько мастерских энеолитического времени. На сегодняшний день все собранные ими материалы хранятся в фондах Донецкого республиканского краеведческого музея. В рамках настоящей публикации в научный оборот вводятся материалы из двух энеолитических мастерских, рас-

положенных у с. Малиновка и пруда Пустошь, ранее в научной литературе не фигурировавших.

МАЛИНОВСКАЯ БАЛКА

Памятник локализован в районе с. Малиновка Славянского муниципального округа ДНР к северу от населенного пункта, на берегу Малиновской балки, впадающей в р. Беленькую. Балка длиной 5 км на данном отрезке течения реки прорезает соседний меловой массив (рис. 1: 1). Рельеф правого берега балки сильно расчленен и имеет высоту до 50 м по Балтийской шкале, что типично для ландшафта Северо-Западного Донбасса. Местные меловые породы представлены кремнем серого цвета с различными вариациями оттенков, в своей форме встречающегося в виде небольших округлых и уплощенных конкреций. В меньшей степени известны также образцы стекловидного полупрозрачного кремня

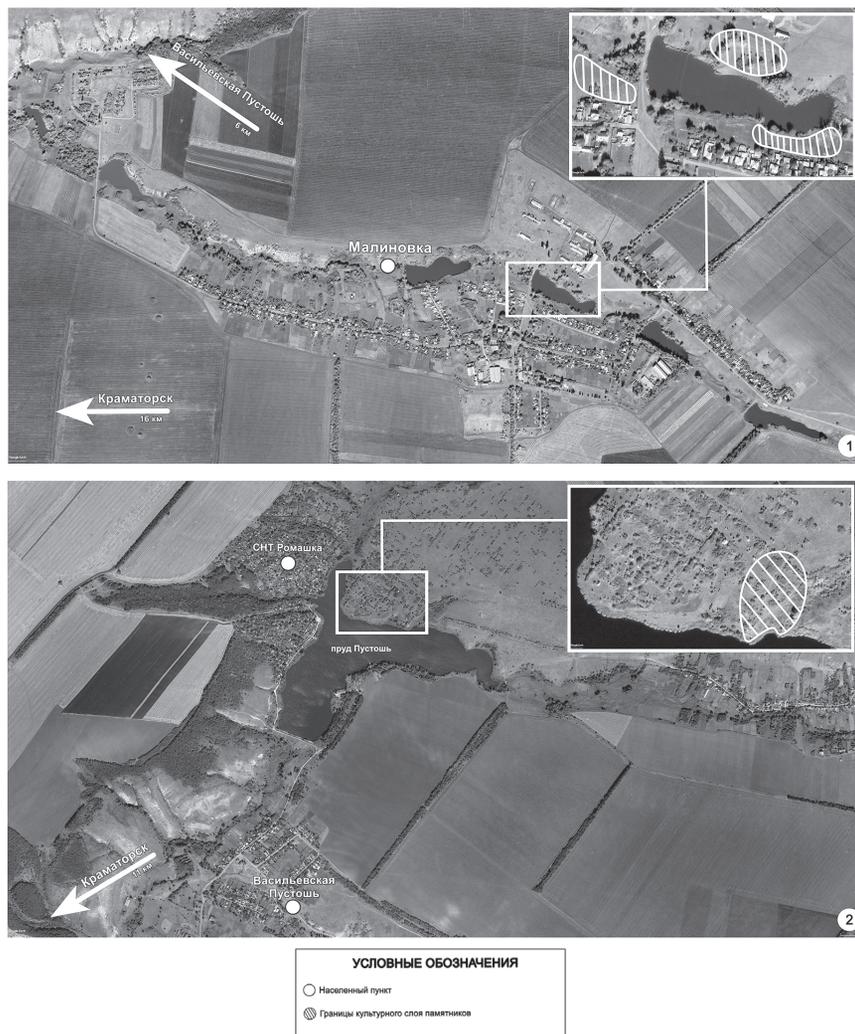

Рис. 1. Энеолитические памятники в Северо-Западном Донбассе: 1 – Малиновка; 2 – Постышево (Спутниковые снимки веб-геосервиса «Google Earth»)

Figure 1. Chalcolithic sites in Northwestern Donbass: 1 – Malinovka; 2 – Postyshevo (Google Earth satellite images)

светло-серого и медового цвета. В целом же местное сырье по своим характеристикам является типичным для верхнемеловых отложений туронско-коньякского генезиса и условно относится к так называемой краматорской сырьевой группе [11: 65].

Здесь, в месте слияния Малиновской балки с водотоком соседней балки, образовался крупный мыс с несколькими относительно пологими площадками разной высоты. Именно в низовьях данной балки и был обнаружен комплексный памятник со следами неоднократного заселения от каменного до позднего бронзового века. Интенсивному использованию этого участка местности на различных этапах истории способствовало сочетание удобных для заселения площадок, расположенных на левом террасированном берегу, с кремневыми источниками с крутого правого мелового берега. При сборе подъемного материала археологическое местонахождение было разделено на пять отдельных пунктов согласно топографическим критериям. Самый ранний этап заселения, вероятно, относится к эпохе финального палеолита. На распаханной поверхности пунктов 2 и 5 собраны единичные окатанные патинированные кремни, относящиеся к пластинчатому технокомплексу. Среди наиболее выразительных находок следует выделить одно косое острие на пластине.

Наиболее же интенсивно данный участок местности был заселен в энеолитическую эпоху. Материалы этого времени неравномерно рассеяны на всех трех условных пунктах памятника. Фрагменты керамики и кремневые изделия, характерные для поселенческих типов памятников, найдены на пункте 3, а также на пунктах 2 и 5 на участках пониженного рельефа на высоте до 4–5 м над водотоком. Остатки мастерской по первичной обработке кремня отмечаются только на пункте 2 на участке склона высотой от 4 до 10 м. Площадь мастерской составляет приблизительно 300 x 150 м. Таким образом, сохранились следы сложного энеолитического комплекса, состоящего из недолговременного поселка на берегах ручья и мастерской на склоне балочной террасы.

Коллекция энеолитического поселения широко представлена различными видами изделий и включает в себя ребристый скол и одноплощадочный призматический нуклеус размером 9,6 x 6,5 x 4,7 см (рис. 2: 12) из пункта 5, нож на отщепе размером 7,6 x 3,8 x 1 см (рис. 2: 2), фрагменты двух пластин (рис. 2: 3) и концевой скребка на ребристой пластине (рис. 2: 4) из пункта 3, ребристые пластины (рис. 2: 10, 11), одно-

площадочный призматический нуклеус размером 15,7 x 7,4 x 4,9 см (рис. 2: 5), четыре концевых скребка (рис. 2: 6–9) и один незаконченный наконечник копья (рис. 3: 4) из пункта 2. Кроме того, на территории пункта 3 были обнаружены фрагменты лепных сосудов, в том числе со шнуровым орнаментом (рис. 2: 1).

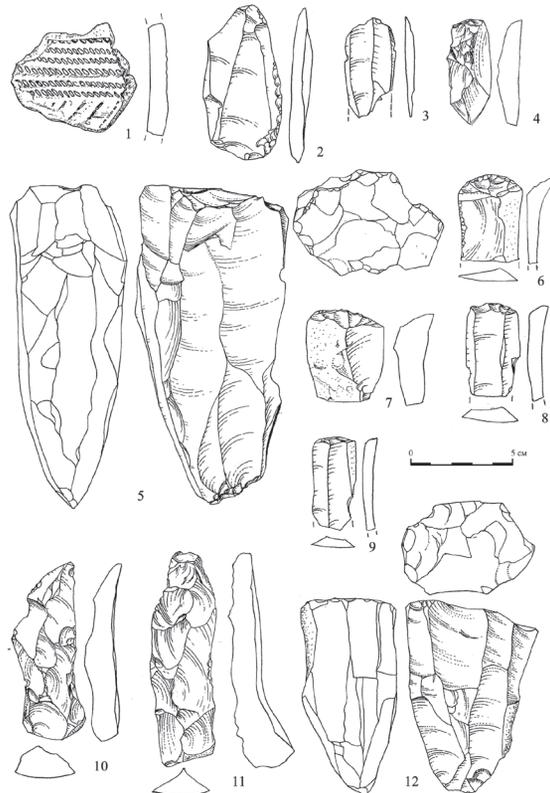

Рис. 2. Малиновка: 1 – керамика; 2–12 – кремневые изделия.
Рисунки А. В. Колесника

Figure 2. Malinovka: 1 – ceramics; 2–12 – flint tools.
Drawings by A. V. Kolesnik

Местные нуклеусы достаточно крупные по размерам, находятся в средней стадии сработанности и имеют следы подправки основания. Поперечные площадки оформлены для применения отжимной техники скола. Массивный наконечник копья размером 13,5 x 5,4 x 2,6 с округлым основанием и жалообразным острием не завершен из-за возникших заломов, исключая дальнейшее утончение корпуса. Скребки по своим размерам варьируются от 3,75 до 5,1 см в длину и от 2,1 до 3,8 см в ширину, имеют поперечные выпуклые лезвия. В качестве преформ при изготовлении скребков использовались отщеп (рис. 2: 7), пластины (рис. 2: 8, 9) и технический скол с призматического нуклеуса (рис. 2: 6).

Наиболее информативной находкой на поселенческом участке комплекса следует признать фрагмент лепного орнаментированного сосуда (рис. 2: 1). На нем сочетаются широкий горизон-

тальный пояс из параллельных оттисков витого шнура и пояс из косо поставленных оттисков зубчатого штампа. Черепок легкий, рыхлый, пористый, со следами выгоревшей органики в керамическом тесте. Схожие по композиции фрагменты керамики встречаются в поселении-мастерской Васильевская Пустошь [8: 152], а также фиксируются на территории Поднепровья во втором слое эпонимного памятника Средний Стог [9: 25–26] и в культурном слое памятников раннего этапа дереивской культуры [10]. Время существования памятников типа Средний Стог 2 и ранней дереивской культуры, по мнению Н. С. Котовой и ряда других исследователей, синхронно памятникам VI–II Триполья и относится к V тыс. до н. э. [9: 85–90], [10: 101–102].

Кремневые находки на мастерской по технико-типологическим признакам хорошо согласуются с материалами пойменного поселения. Выборка технологически и типологически значимых изделий включает в себя 15 артефактов, которые дают ясное представление о производственной направленности мастерской. Так, технология, связанная с созданием сколов определенного вида (то есть производство нуклеусов), представлена в коллекции из мастерской одним призматическим двуплощадочным нуклеусом высотой 8 см и пятью одноплощадочными заготовками. Наибольшей эффективностью отличаются заготовки со сформированными продольными бифасиально оббитыми ребрами и одной широкой поперечной площадкой (3 экз.). В качестве преформы использовались уплощенные кремневые конкреции овальной формы размерами до 15 см. Относительно небольшие размеры конкреций ограничивали максимальную высоту рабочего фронта. Наиболее крупный образец имеет высоту 16,5 см, неправильно-треугольный в плане корпус, два продольных бифасиально сформированных края, широкую поперечную площадку, оббитую центростремительными сколами. Именно из таких заготовок, в конечном счете, образовывались нуклеусы, найденные на соседнем «поселенческом» участке памятника. У нуклеуса с наибольшей высотой рабочего фронта (15,7 см) сохранились следы огранки продольных ребер (рис. 2: 5). Судя по заготовке высотой 13,7 см, функцию ребер могли выполнять естественные грани преформы. Перед целевым расщеплением заготовка нуклеуса приобретала округлую в поперечном сечении форму. Технические ребристые поверхности на таких заготовках имеют характерный тупой угол схождения негативов поперечных сколов (рис. 2: 10). В ходе экспериментов по расщеплению кремневого сырья из краматор-

ских источников такой эффект был достигнут при формировании продольного ребра с помощью костяного посредника¹. В целом же рабочий фронт призматических нуклеусов и заготовок из поселения и мастерской в Малиновской балке колеблется от 9,6 до 15,7 см. Максимальная ширина нескольких пластин из коллекции – до 2 см. Это показатели среднепластинчатой индустрии.

Вторая технологическая составляющая мастерской связана с производством бифасов. Она в равной степени ориентировалась на изготовление рубящих орудий, наконечников и кинжалов. Три относительно крупных дисковидных преформы, две из которых – кремневые и одна из кварцита, могли быть трансформированы как в рубящие орудия, так и в наконечники. Одна небольшая трапециевидная заготовка, похоже, предназначалась для изготовления небольшого топорика. Более определенно оформлены две удлиненные заготовки на стадии уплощения, в которых просматриваются будущие наконечники. Одна из них – это радиально оббитая плоская конкреция (рис. 3: 3). Вторая заготовка (рис. 3: 5) интересна тем, что сохранила продольную площадку, сколами с которой осуществлялось утончение корпуса. Этому, однако, помешали образовавшиеся заломы. Такой технический прием широко применялся в раннем и среднем палеолите. Продольные технические площадки двусторонних орудий нередко сохранялись в качестве площадок для упора пальца, то есть несли определенную функциональную нагрузку. Отщеповая заготовка (рис. 3: 1) наконечника стрелы имеет вполне оформленный контур в виде широкого треугольника с выемкой в основании. Типология задуманного мастером двусторонне обработанного орудия (рис. 3: 2) однозначно не определяется. Вероятнее всего, оно представляет собой фрагмент крупного асимметричного ножа-кинжала.

При рассмотрении технокомплекса местных памятников отдельно следует остановиться на таком параметрическом критерии двусторонне обработанных орудий, как коэффициент сечения, представляющем собой соотношение толщины изделия по отношению к его ширине [12], [13]. Данный параметр является вспомогательным методом при дифференциации бифасов и бифасиальных заготовок на отдельные орудийные кластеры, которые для многих регионов, включая территорию Донбасса и Северо-Восточного Приазовья, условно можно разделить на три категории: менее 30 % – малоразмерные либо утонченные (наконечники дротиков и стрел, ножи и кинжалы, маленькие рубящие орудия)

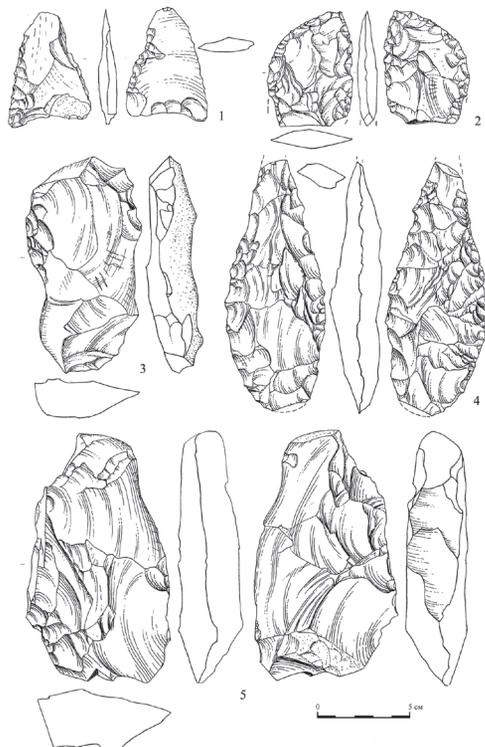

Рис. 3. Малиновка. Кремневые изделия: 1, 2, 4 – заготовки орудий с двусторонней обработкой; 3, 5 – преформы на ранней стадии обработки. Рисунки А. В. Колесника

Figure 3. Malinovka. Flint tools: 1, 2, 4 – preforms of bifacial tools; 3, 5 – preforms on the early stage of processing. Drawings by A. V. Kolesnik

изделия; 40–70 % – среднеразмерные рубящие орудия (тесла и топоры) и крупные наконечники копий, а также их заготовки на финальной стадии обработки; более 70 % – нуклеусы, в том числе с двусторонней обработкой, и слабо идентифицируемые заготовки бифасов на начальной стадии изготовления. Среди выразительных изделий с двусторонней обработкой Малиновского комплекса можно выделить упоминавшиеся выше заготовку наконечника стрелы с коэффициентом сечения 25 %, а также наконечник копья, чей коэффициент сечения в силу невозможности дальнейшего утончения составляет 48,1 %.

Кроме того, на мастерских в силу их производственной специфики достаточно часто встречаются обломки законченных орудий либо же изделий на финальной стадии обработки. Несмотря на свою фрагментарность, их коэффициент сечения также во многом схож с показателями полноразмерных изделий, что, к примеру, демонстрирует обломок ассиметричного ножа-кинжала с коэффициентом сечения в 21 %.

В целом же в едином энеолитическом комплексе из Малиновской балки в небольшом количественном выражении прослеживается

определенная структура кремневого инвентаря. В материалах мастерской зафиксировано изготовление средних по размеру одноплощадочных призматических нуклеусов для отжима пластин. Длина снимаемых пластин не превышала 15–16 см при ширине до 2 см. Размеры нуклеусов ограничивались размерами местных кремневых конкреций. Судя по четырем ребристым сколам и непропорционально малому количеству (3 экз.) обломков пластин, нуклеусы полностью подготавливались к расщеплению, но систематически утилизировались уже за пределами комплекса. Набор орудий на сколах исчерпывается концевыми скребками. Использование для производства орудий технических сколов, производимых на мастерской (концевые скребки на отщепе и реберчатых пластинах), подчеркивает взаимосвязь обоих комплексов. Кроме того, на мастерской изготавливались различные по типам наконечники метательного вооружения, а также, возможно, кинжалы, по своим параметрам не отличающиеся от аналогичных изделий других памятников поздненеолитического и энеолитического времени.

В последующее время, уже в период позднего бронзового века, на мысу возникает стационарный поселок срубной культуры. Он занимал пологую слегка наклонную площадку высотой до 10 м над водотоком балки вдоль ее русла (пункт 5). На сегодняшний день материалы данного поселения также не опубликованы.

ПОСТЫШЕВО

Памятник занимает территорию крупной мысовидной площадки на правом прибрежном склоне пруда Пустошь, выступающего частью водной системы р. Беленькой (см. рис. 1: 2). На противоположном берегу данного пруда расположено крупное энеолитическое поселение-мастерская Васильевская Пустошь [8], а в 6 км южнее памятника – энеолитическое местонахождение у с. Малиновка. Коллекция мастерской представлена продуктами расщепления кремня, в равной степени связанными с призматическими нуклеусами и орудиями с двусторонней обработкой.

Выборка изделий включает в себя 37 информативных предметов с признаками первичной обработки: три кремневых отбойника с характерной звездчатой забитостью, девять заготовок нуклеусов разных типов, скол оживления площадки нуклеуса и продольный скол с нуклеуса, 19 заготовок изделий с двусторонней обработкой, два пластинчатых скола и два скребка.

Процесс первичного расщепления был ориентирован на получение пластин различной вели-

чины. В местной технологии заметно тяготение к формированию нуклеусов с цилиндрическим корпусом. Для этого подвергались расщеплению конкреции соответствующей формы. Системная обработка касалась формирования поперечных площадок и продольных ребер. На двух крупных заготовках двусторонней обработкой сформированы единичные продольные ребра. Наиболее полно технология подготовки призматического одноплощадочного нуклеуса представлена на образце размером 16,9 x 9,7 x 6,2 с клиновидным корпусом (рис. 4: 4). Основой для него послужила плоская удлиненная кремневая конкреция, у которой в наиболее широкой срединной части (торец слома) сколами по периметру была сформирована поперечная площадка. Два продольных ребра с двусторонней обработкой переходят в округленное в плане основание. Сколы вдоль одного из ребер определили параллельную огранку рабочего фронта высотой не менее 17 см. Данный нуклеус в начальной стадии обработки входит в категорию крупнопластинчатых. Часть нуклеусов из коллекции в начальной стадии обработки имеют аморфные очертания. Скол подживания площадки нуклеуса относится к категории вторичных, так как подготавливает уже подправленную ранее площадку. На сколе сохранились негативы крупных пластин по периметру, а также участок продольного ребра с двусторонней обработкой.

Технология изготовления крупных бифасов представлена серией из 19 заготовок и разного рода незавершенных форм. В качестве исходного материала для них использовались относительно небольшие уплощенные кремневые конкреции либо же массивные отщепы, часто со следами первичной корки. В технике обработки применялись приемы бифасиальной оббивки и нуклеусного уплощения. Некоторые из образцов изделий этого класса имеют вполне законченную форму. Судя по данным предметам, на мастерской изготавливались удлиненно-миндалевидные наконечники копий (рис. 6: 1), а также рубящие орудия треугольной (рис. 4: 3; рис. 5: 4; рис. 6: 4), треугольно-параболической (рис. 4: 2; рис. 5: 1; рис. 6: 2) и овальной (рис. 4: 1; рис. 6: 3) формы. По своим параметрам местные заготовки копий и топоров можно отнести к средне- и крупноразмерным изделиям, длина которых варьировалась от 5,8 до 12,2 см, ширина – от 5,2 до 6,9 см, а толщина – от 2,6 до 3,4 см. Коэффициент сечения заготовок варьируется в диапазоне от 42 до 55 %. В равной степени в рубящее орудие либо наконечник копья также могла быть трансформирована массивная заготовка размером

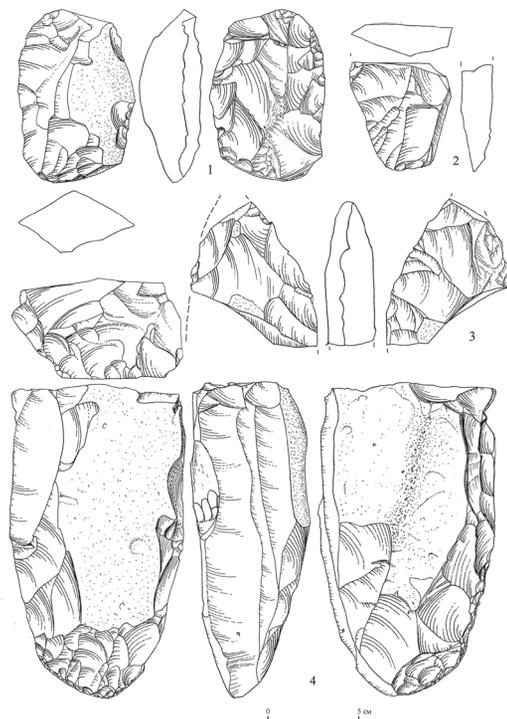

Рис. 4. Постышево. Кремневые изделия: 1 – заготовка рубящего орудия; 2–3 – обломки заготовок рубящих орудий; 4 – призматический одноплощадочный нуклеус.
Рисунки А. В. Колесника

Figure 4. Postyshevo. Flint tools: 1 – preform of a chopping tool; 2–3 – fragments of preforms of chopping tools; 4 – prismatic single-site core. Drawings by A. V. Kolesnik

12,1 x 6,5 x 3,5 с коэффициентом сечения 53,8 % (рис. 5: 6). Отметим также, что многие заготовки бифасов были оставлены мастером в незаконченном виде после распада по трещинам натяжения либо же из-за допущенных ошибок в ходе процесса расщепления.

Орудийный набор на памятнике представлен малым (2 экз.) количеством изделий – скребком на отщепе (рис. 5: 5) и крупным концевым скребком на базальной части пластины (рис. 5: 2). В коллекции также присутствует две пластины (рис. 5: 3, 7), одна из которых имеет редуцированную площадку (рис. 5: 3).

ДИСКУССИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В публикуемых коллекциях наиболее информативными для атрибуции и датировки представленных комплексов следует признать крупные заготовки нуклеусов, в начальной стадии имеющие вид крупных параболических бифасов с одной поперечной площадкой. В Северно-Западном Донбассе такие нуклеусы встречаются в энеолитических кремнеобрабатывающих мастерских у Васильевской Пустоши [8] и в Крас-

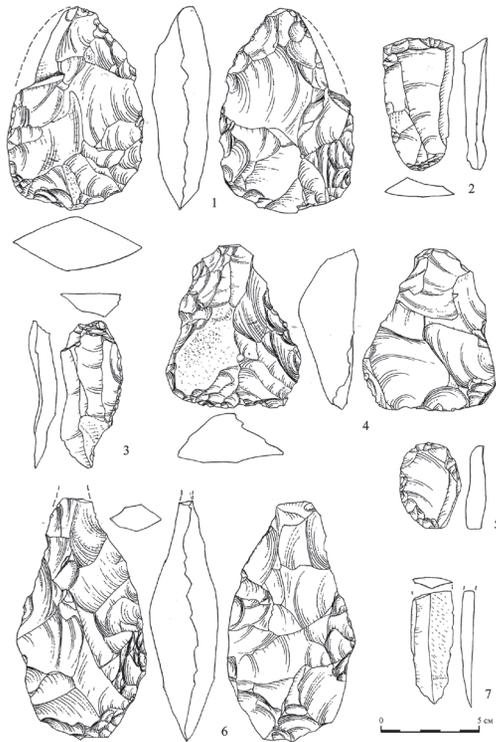

Рис. 5. Постышево. Кремневые изделия: 1, 4 – заготовки рубящих орудий; 2, 5 – скребки; 3 – пластина с редуцированной площадкой; 6 – массивная бифасиальная заготовка; 7 – фрагмент пластины. Рисунки А. В. Колесника

Figure 5. Postyshevo. Flint tools: 1, 4 – preforms of chopping tools; 2, 5 – end-scrapers; 3 – blade with reduced platform; 6 – massive bifacial preform; 7 – blade fragment. Drawings by A. V. Kolesnik

нянском горно-кремнеобрабатывающем комплексе (мастерская № 5) [6: 110–125]. Отметим, что схожие по морфологии заготовки нуклеусов известны в капсийских неолитических комплексах на территории Северной Африки [20], [21], [22], а также заготовки нуклеусов с подобным алгоритмом расщепления встречаются в позднеэнеолитических мастерских в Северной и Северо-Восточной Болгарии [14], [19]. Подобное сходство, вероятнее всего, обусловлено конвергентностью технологии формообразования артефактов, при которой определенный технологический критерий может быть присущ технокомплексу сразу множества синхронно существующих археологических культур на весьма широкой территории. На сегодняшний день известно несколько примеров технологической конвергентности, связанной с производством пластинчатых нуклеусов в эпоху позднего камен-

Рис. 6. Постышево. Кремневые изделия: 1 – заготовка наконечника копья; 2–4 – заготовки рубящих орудий. Фото В. Лемянского

Figure 6. Postyshevo. Flint tools: 1 – preform of a spear tip; 2–4 – preforms of chopping tools. Photo by V. Lemyansky

ного века [1]. Формирование у нуклеусов одного или нескольких продольных ребер на начальной стадии обработки применялось для параллельной огранки рабочего фронта.

Вполне вероятно, что энеолитические мастерские Северо-Западного Донбасса (Васильевская Пустошь, Малиновка, Постышево) относятся к похожему на Средний Стог II «степному энеолиту», по Ю. Г. Гурину [2], по крайней мере в части характеристик каменной индустрии. Немногочисленные фрагменты керамики из Малиновки с отпечатками витого шнура и косым зубчатым штампом также отчасти подтверждают данное предположение. Однако их малое количество и сильная фрагментированность все же не позволяют точнее атрибутировать культурную принадлежность исследуемых памятников.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Эксперименты по расщеплению кремневого сырья из меловых месторождений Северо-Западного Донбасса проводились научным сотрудником Донецкого областного краеведческого музея Ю. Г. Ковалем в 1990-е годы, большая часть полученных результатов не была опубликована (устное сообщение А. В. Колесника).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиря Е. Ю. Конвергентность одной категории изделий в материальной культуре неолита Евразии: причина или следствие? // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В. П. Третьякова. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 254–257.
2. Гури́н Ю. Г. Памятники раннего энеолита бассейна Северского Донца. Луганск: Осирис, 1998. 159 с.
3. Дегерменджи С. М. О возможных следах древней разработки кремня у с. Закотное в Подонцовье // Археологический альманах. Донецк, 2000. № 9. С. 179–184.
4. Дегерменджи С. М., Коваль Ю. Г. Кремнеобрабатывающая мастерская с индустрией среднестоговского облика у с. Красное // Северо-Восточное Приазовье в системе Евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): Материалы международной конференции. Часть первая. Донецк, 1996. С. 14–19.
5. Колесник А. В. Система расселения и кремневые сырьевые стратегии в энеолите Донбасса // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2017. № 2. С. 43–55.
6. Колесник А. В., Дегерменджи С. М., Манько Н. В. Краснянский горно-кремнеобрабатывающий комплекс неолита-энеолита в Северо-Западном Донбассе. Донецк: ФГБОУ ВО «ДонГУ»; М.: Перо, 2023. 197 с.
7. Колесник А. В., Коваль Ю. Г. Широкинский горный комплекс по добыче и обработке кремня (Донбасс. Донецк) // Археологический альманах. 1997. № 6. С. 85–97.
8. Колесник А. В., Манько Н. В. Васильевская Пустошь – специализированное энеолитическое поселение-мастерская в Северо-Западном Донбассе // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2021. № 2. С. 137–168.
9. Котова Н. С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья: Монография. Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2006. 328 с.
10. Котова Н. С. Деревская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев; Харьков: Майдан, 2013. 486 с.
11. Манько Н. В. Кремневое сырье в каменном веке и энеолите Донбасса // Геоархеология и археологическая минералогия-2019. Миасс; Екатеринбург: ООО «ФортДиалог-Исеть», 2019. С. 63–67.
12. Манько Н. В. К характеристике технологий изготовления двусторонне обработанных изделий в инвентаре неолитических культур Донбасса // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных: Материалы V Международной конференции молодых ученых. М.: ИА РАН, 2019. С. 31–32. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.31-32
13. Манько Н. В. Коэффициент сечения как диагностический признак при делении бифасов на заготовки и законченные орудия // Археология в исследованиях молодых: Сборник научных статей Четвертой международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора А. З. Винникова / Отв. ред. В. А. Сарапулкин. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. С. 51–54.
14. Скакун Н. Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна) / Труды ИИМК РАН. Т. XXI. СПб.: Нестор-История, 2006. 224 с.
15. Цвейбель Д. С. Древние кремнеобрабатывающие мастерские на окраине г. Краматорска: К истории каменного века Донбасса // Тезисы докладов и сообщений научной конференции преподавателей гуманитарных факультетов Донецкого университета. Харьков, 1967. С. 65–67.
16. Цвейбель Д. С. Древние кремнеобрабатывающие мастерские на окраине г. Краматорска // Материалы научной конференции кафедр исторических наук Донецкого университета. Харьков; Донецк, 1968. С. 177–186.
17. Kolesnik A. Donbass (South-East Ukraine) – an important East European center of flint-working // Man and flint. Proceeding of the VIIth International Flint Symposium. Warszawa-Ostrowiec Swietokrzyski. Warszawa, 1997. P. 209–216.
18. Kolesnik A. Neolithic – Chalkolithic flint exploitation in Donbass (South-East of the Ukraine) // Der Anschnitt: Zeitschrift für Kunst und Kultur im Bergbau: Beiheft 19: Stone Age – Mining Age. Bochum, 2006. P. 129–134.
19. Manolakkis L. Les industries lithiques énéolithiques de Bulgarie. Rahden/Westf.: Leidorf, 2005. 314 p.
20. Pelegrin J. Approche technologique expérimentale de la mise en forme de nucléus pour la débitage systématique par pression // Préhistoire de la pierre taillée. 2: Economie du débitage laminaire. Cercle de Recherches et Edites Préhistoriques. Paris, 1984. P. 93–103.
21. Rahmani N. Technological and cultural change among the last hunter-gatherers of the Maghreb: The Capsian (10,000–6000 B.P.) // Journal of World Prehistory. 2004. Vol. 18, No 1. P. 57–105. DOI: 10.1023/B:JOWO.0000038658.50738.eb
22. Tixier J. Glossary for the description of stone tools with special reference to the Épipalaeolithic of the Maghreb. (M. H. Newcomer, Transl.) // Newsletter of lithic technology: Special publication. 1974. P. 3–40.

Nikita V. Manko, Assistant, Donetsk State University (Donetsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-8216-4938; nikita_manko98@mail.ru

NEW CHALCOLITHIC FLINT WORKSHOPS WITH A LARGE BLADE COMPONENT IN NORTHWESTERN DONBASS

Abstract. In the Late Stone Age, Donbass was formed as one of the largest centers of ancient mining in Eastern Europe. Today, the largest concentration of flint mining and flintworking sites has been identified in the Northwestern Donbas region, but the archaeological material collected here is still not fully reflected in modern scientific literature. The purpose of this publication is to introduce into scientific circulation materials from the locations of Malinovka village and Pustosh pond, thereby completing the map of archaeological sites of the Donetsk People's Republic. Both sites are localized in the coastal zone of the watershed of the Belenkaya River and are accompanied by numerous flint outcrops accessible for direct collection of raw materials on the surface. Using the method of technical and typological analysis, archaeological collections were studied, consisting of a series of flint products in the form of blade cores, by-products of their cleavage, and preforms of bifaces, as well as single fragments of ceramics, which made it possible to establish the nature of local sites. They make up a complex consisting of a habitation settlement and several manufacturing areas – flint workshops related to the primary processing of flint, as well as producing certain types of tools. Using the method of comparative analysis, similarities were also revealed with the products found in the territory of the neighboring specialized workshop-settlement Vasilyevskaya Pustosh and some Eneolithic workshops of the Krasnyansky mining and flint-processing complex. The findings suggest the Early Neolithic dating of the workshops, as well as their possible belonging to the sites of the steppe variant of the Srednestogovskaya culture.

Key words: Donbass, Early Eneolithic, flint workshops, large blade component, bifaces, Srednestogovskaya culture

Acknowledgements. The research was conducted as part of the research project “Current issues of ancient and medieval history and archeology of Donbass” (State Registration No 124012400356-4).

For citation: Manko, N. V. New Chalcolithic flint workshops with a large blade component in Northwestern Donbass. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):8–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1140

REFERENCES

- Girya, E. Yu. Convergence of one category of products in material culture of Eurasia Neolithic: reason or consequence? *Neolithic cultures of Eastern Europe: chronology, paleoecology, and cultural traditions. Proceedings of the international conference dedicated to the 75th anniversary of Victor Petrovich Tretyakov*. St. Petersburg, 2015. P. 254–257. (In Russ.)
- Gurin, Yu. G. Sites of the Early Chalcolithic of the Seversky Donets basin. Lugansk, 1998. 159 p. (In Russ.)
- Degermendzhi, S. M. On possible traces of ancient flint mining near the village of Zakotnoye in Seversky Donets Region. *Archaeological Almanac*. 2000;9:179–184. (In Russ.)
- Degermendzhi, S. M., Koval', Yu. G. Flint workshop with industry of the Sredny Stog appearance near the village of Krasnoe. *Northeastern Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic–Bronze Age). Proceedings of the international conference. Part one*. Donetsk, 1996. P. 14–19. (In Russ.)
- Kolesnik, A. V. System of settling and raw material strategies in the Eneolithic of Donbass. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2017;2:43–55. (In Russ.)
- Kolesnik, A. V., Degermendzhi, S. M., Manko, N. V. Krasnyansky mining and flint-processing complex of the Neolithic–Chalcolithic in Northeastern Donbas. Donetsk; Moscow, 2023. 197 p. (In Russ.)
- Kolesnik, A. V., Koval', Yu. G. Shirokinsky mining complex for the extraction and processing of flint (Donbass). *Archaeological Almanac*. 1997;6:85–97. (In Russ.)
- Kolesnik, A. V., Manko, N. V. Vasilyevskaya Pustosh' – the specialized settlement-workshop of the Chalcolithic in the North-Western Donbas. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2021;2:137–168. (In Russ.)
- Kotova, N. S. Early Chalcolithic of the steppe Dnieper basin and Azov Sea area: Monography. Lugansk, 2006. 328 p. (In Russ.)
- Kotova, N. S. Dereivka culture and monuments of the Low Michaylovka type. Kiev; Kharkiv, 2013. 486 p. (In Russ.)
- Manko, N. V. Flint raw materials in the Stone Age and Chalcolithic of Donbass. *Geoarchaeology and archaeological mineralogy-2019*. Miass; Ekaterinburg, 2019. P. 63–67. (In Russ.)
- Manko, N. V. Revisiting the characteristics of the production technologies for bifacial tools in the inventory of Neolithic cultures of Donbass. *New materials and methods of archaeological research: From criticism of the source to generalization and interpretation of data. Proceedings of the V International Conference of Young Scientists*. Moscow, 2019. P. 31–32. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.31-32 (In Russ.)

13. Manko, N. V. Bifacial tools section factor as a diagnostic sign of division of bifaces into blanked and finished tools. *Archaeology in the research of the young: Proceedings of the Fourth International Scientific Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Prof. A. Z. Vinnikov*. (V. A. Sarapulkin, Ed.). Belgorod, 2022. P. 51–54. (In Russ.)
14. Skakun, N. N. Tools and economy of the ancient farming tribes of Southeastern Europe in the Eneolithic (with particular reference to the materials of the Varna culture). St. Petersburg, 2006. 224 p. (In Russ.)
15. Tsveibel, D. S. Ancient flint workshops on the outskirts of Kramatorsk: The history of the Stone Age of Donbass. *Proceedings of the scientific conference of teachers of departments of humanities of Donetsk University*. Kharkiv, 1967. P. 65–67. (In Russ.)
16. Tsveibel, D. S. Ancient flint workshops on the outskirts of Kramatorsk. *Proceedings of the scientific conference of the departments of historical sciences of Donetsk University*. Kharkiv; Donetsk, 1968. P. 177–186. (In Russ.)
17. Kolesnik, A. Donbass (South-East Ukraine) – an important East European center of flint-working. *Man and flint. Proceeding of the VIIth International Flint Symposium*. Warszawa-Ostrowiec Swietokrzyski. Warszawa, 1997. P. 209–216.
18. Kolesnik, A. Neolithic – Chalkolithic flint exploitation in Donbass (South-East of the Ukraine). *Der Anschnitt: Zeitschrift für Kunst und Kultur im Bergbau: Beiheft 19: Stone Age – Mining Age*. Bochum, 2006. P. 129–134.
19. Manolakakis, L. Les industries lithiques énéolithiques de Bulgarie. Rahden/Westf., 2005. 314 p.
20. Pelegrin, J. Approche technologique expérimentale de la mise en forme de nucléus pour la débitage systématique par pression. *Préhistoire de la pierre taillée. 2: Economie du débitage laminaire. Cercle de Recherches et Edites Préhistoriques*. Paris, 1984. P. 93–103.
21. Rahmani, N. Technological and cultural change among the last hunter-gatherers of the Maghreb: The Capsian (10,000–6000 B.P.). *Journal of World Prehistory*. 2004;18(1):57–105. DOI: 10.1023/B:JOWO.0000038658.50738.eb
22. Tixier, J. Glossary for the description of stone tools with special reference to the Épipalaeolithic of the Maghreb. (M. H. Newcomer, Transl.). *Newsletter of lithic technology: Special publication*. 1974:3–40.

Received: 9 September 2024; accepted: 13 January 2025

НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА СМИРНОВА

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5225-8543; burlana@mail.ru

МА ЮЙСИНЬ О ЖЕНЩИНАХ-ЖУРНАЛИСТАХ В ЦИНСКОМ КИТАЕ КОНЦА XIX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Анализируются взгляды профессора истории Восточной Азии Ма Юйсинь на зарождение женского движения в Китае. Цель исследования заключается в изучении истории женской прессы и деятельности женщин-журналистов в Цинском Китае конца XIX века в работе Ма Юйсинь «Женщины-журналисты и феминизм в Китае, 1898–1937» с применением историко-сравнительного и ретроспективного методов. Основной задачей является анализ тематики статей на страницах газеты «Женское образование» 1898 года. Женщины-журналисты выступали за гендерное равенство, привлекали внимание читателей к национальным проблемам и подчеркивали значение роли женщины в укреплении государственности. Результаты исследования позволяют прийти к выводу, что женщины-журналисты с 1898 года активно дискутировали на темы, касающиеся дальнейшей судьбы китайской женщины: бинтование ног, образование, независимость, равенство, брак, материнство, политические права.

Ключевые слова: зарубежная историография, Ма Юйсинь, Цинский Китай конца XIX века, реформа 1898 года, Кан Ювэй, Лян Цичао, женщины-журналисты

Для цитирования: Смирнова Н. В. Ма Юйсинь о женщинах-журналистах в Цинском Китае конца XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 18–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1141

ВВЕДЕНИЕ

Ма Юйсинь, профессор истории Восточной Азии Луисвиллского университета, исследователь роли выдающихся женщин Китая в общественной жизни страны, в работе 2010 года «Женщины-журналисты и феминизм в Китае, 1898–1937»¹ изучает женские периодические издания с 1898 по 1937 год [8]². В 1898 году китайские женщины-журналисты начали издавать первую газету «Женское образование» («Нюйсюэбао»), а к 1937 году редакторы и авторы статей превратились из женщин-литераторов (*цайнюй*) в профессиональных журналисток (*нюйбаожэнь*). Редактор газеты «Женское образование» Пань Сюань писала: «“Нюйсюэбао” знаменует собой начало миссии по спасению 200 миллионов китайских женщин и завоеванию для них равных прав». Женщины-журналисты выступали за гендерное равенство [8: 25], привлекали внимание читателей к национальным проблемам и подчеркивали значение роли женщины в укреплении государственности.

В статье анализируются взгляды профессора Ма Юйсинь на зарождение женского движения в Китае на примере изучения статей первого женского печатного издания «Женское образование» в работе «Женщины-журналисты и феминизм в Китае, 1898–1937». Ма Юйсинь рассматривает гендерные проблемы Китая в контексте государственного строительства и пытается найти ответы на вопросы: Что привело женщин в печатные СМИ? Как они могли продвигать феминистские идеи, настолько противоречащие конфуцианским нормам?

КИТАЙСКАЯ ПРЕССА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Ма Юйсинь считает, что историю китайской прессы можно рассматривать как борьбу между общественным мнением и государственной властью³. Изначально в Китае не существовало четкой границы между журналистом и писателем: и журналистов, и писателей называли литераторами (*вэнь жэнь*). Первые китай-

ские журналисты были в основном сыновьями *шэньши* из провинций Цзянсу и Чжэцзян, которые хорошо разбирались в китайской классике и искусстве красноречия. В 1860–1870-х годах китайские газеты успешно развивались под руководством вернувшихся из-за рубежа студентов У Тинфана (1842–1923) из Синьхуэя провинции Гуандун и Юн Вина (1828–1912) из уезда Сяншань провинции Гуандун. В 1858 году У Тинфан помогал с изданием в Гонконге первой китайской ежедневной газеты «Chinese and Foreign News» («*Чжунвай синьтань*»), а в 1864 году с его помощью Чэнь Айтун основал старейшую из китайских ежедневных газет «The Chinese Daily» («*Хуацзы жибао*»). В 1872 году английский коммерсант Эрнест Мейджор основал издававшуюся долгое время (30 апреля 1872 – 27 мая 1949) влиятельную китайскую ежедневную газету «*Шэньбао*». Первую ежедневную газету, основанную китайцами, издавал в 1873 году в Ханькой Ай Сяомэй под названием «Daily News Review» («*Чжаовэнь синьбао*»). В следующем году Ван Тао начал редактировать в Гонконге старейшую из существующих китайских газет «Universal Circulating Herald» («*Сюньхуань жибао*»). В 1893 году китайские и иностранные торговцы в Шанхае основали «The Daily News» («*Синьвэнь бао*») (17 февраля 1893 – май 1949), соперничающую с «*Шэньбао*» [8: 33].

Поражение Китая в войне с Японией в 1895 году вызвало бурный рост периодических изданий, китайских интеллектуалов охватил страх за судьбу нации. Возрождая неоконфуцианскую традицию, согласно которой ученые несут ответственность за судьбу империи, реформаторы периода Поздней Цин использовали прессу в политических целях. Кан Ювэй (1858–1927) из Наньхая провинции Гуандун и Лян Цичао (1873–1929) из Синьхуэя провинции Гуандун интересовались западными идеями свободы, демократии и конституционной реформы. Чжан Тайянь (он же Чжан Бинлинь; 1868–1936) из Юйхана провинции Чжэцзян и будущий президент Сунь Ятсен (1866–1925) из Сяншаня провинции Гуандун использовали национализм в борьбе с Цинами. Янь Фу (1854–1921) из Хогуаня провинции Фуцзянь пропагандировал западные идеи эволюции и социального дарвинизма. Лю Шипэй (1884–1917) из Янчжоу провинции Цзянси выступал за сохранение национальной культуры Китая.

В конце XIX века реформаторски настроенные китайские интеллектуалы рискнули заняться журналистикой, полагая, что образованные люди должны быть просветителями народа

и вершителями общественных дел. Мужчины-реформаторы публиковали полемические статьи с предложениями конституционной реформы или республиканской революции, а также придавали большое значение «женскому вопросу» для последующего вовлечения женщин в дискуссии по решению национальных проблем. «Женский вопрос» в Китае конца XIX века – это стремление мужчин-реформаторов превратить «традиционных китайских женщин», то есть домашних, в современных и сплотить их во имя китайского национализма. Реформаторы выступали за женское образование и отмену обычая бинтования ног, пропагандируя японский лозунг эпохи Мэйдзи – «хорошие жены и мудрые матери». Лян Цичао полагал, что китайские женщины внесут свой вклад в развитие нации, «улучшая расу» (*шаньчжун*) и «укрепляя нацию» (*цянго*), а также продолжат «помогать мужьям» (*сянфу*) и «обучать детей» (*цзяоцзы*). Кан Ювэй выступал за эмансипацию женщин, основываясь на своей вере в свободу личности, равенство и независимость. Реформатор ставил гендерные вопросы в центр социальных преобразований, поощрял образование женщин, гендерное равенство и право на занятие государственных должностей, а также предлагал свободу выбора супруга и сохранения девичьей фамилии после брака [8: 36]. Кан Ювэй считал, что первым шагом на пути к эмансипации женщин является отмена обычая бинтования ног⁴.

ПЕРВЫЕ ЖЕНЩИНЫ-ЖУРНАЛИСТЫ КОНЦА XIX ВЕКА

Первые статьи китайских женщин Цзя Фучу и Чжао Цзэнцзэ в 1896–1897 годах, осуждающие практику бинтования ног⁵, публиковались в миссионерском журнале «Новости всех наций» («*Ваньго гунбао*») [8: 37]. В отечественной историографии историей китайского женского движения занималась Эльвира Андреевна Синецкая (1939–2024). В 2019 году вышла ее работа «“Путешествие на Запад” китайской женщины, или Феминизм в Китае» [1], где автор связывает зарождение «женского вопроса» в Китае прежде всего с деятельностью миссионеров. Первая ежедневная газета провинции Хунань «Новости Хунани» («*Сянбао*»), издававшаяся радикальными реформаторами Тан Цайчаном (1867–1900) из Люяна провинции Хунань и Тань Сытуном (1865–1898) из Чанши провинции Хунань, распространяла идеи реформ и демократии, а также часто публиковала женские заметки. 29 мая 1898 года поэтесса Мулянь («Поклонница лотоса») опубликовала стихотворение «Поэма в защиту женских стоп» («*Вэй цзу ши*») [8: 39], в котором

оплакивала бинтование ног и сетовала на абсурдность высокой оценки маленьких ножек в сравнении с врожденными талантами женщины. Она утверждала, что женщина, обладающая четырьмя традиционными добродетелями: благопристойным поведением (смирение, послушание), прилежным отношением к работе (ведение хозяйства), мягкой речью и приятной внешностью, уже является подходящей партией для мудрого мужчины и размер ее стоп не должен иметь значения.

На страницах газеты «Новости Хунани» также обсуждались вопросы женского образования⁶. Зарубежные ученые Дороти Ко, Сьюзан Манн и Грейс С. Фонг приводят примеры определенного влияния в семье хорошо образованных женщин Китая района нижнего течения Янцзы еще в XVII–XVIII веках. Профессор Дороти Ко, автор таких работ, как «Учителя внутренних покоев: женщины и культура в Китае XVII века» [5], «Каждый шаг – лотос: обувь для связанных ног» [6], «Сестры Золушки: ревизионистская история бинтования ног» [7], считает, что уже в XVII веке образованные женщины Китая, так называемые «элитные женщины», могли консультировать мужей по многим вопросам карьеры и быта. Самое примечательное, по ее мнению, что эти женщины могли бы зарабатывать на жизнь и даже содержать семью, обучая девочек или продавая свои картины и каллиграфические работы. Дороти Ко утверждает, что грамотность женщин укрепляла семьи, позволяла создавать женские поэтические клубы, а также наделяла их неформальной властью в семье, не бросая открытого вызова конфуцианской гендерной иерархии.

Профессор Сьюзан Манн, автор таких работ, как «Драгоценные записи: женщины в долгом восемнадцатом веке Китая» [9], «Талантливые женщины из семьи Чжан» [10], изучала роль женщин-литераторов низовьев Янцзы в истории Китая XVIII века. Она утверждала, что жены и дочери своим поэтическим творческим началом поддерживали мужей и сыновей и способствовали их успехам как в семье, так и в карьере. Вслед за оригинальными исследованиями Дороти Ко и Сьюзан Манн о жизни и творчестве женщин-литераторов района Цзяннань рассказывает профессор китайской литературы Грейс С. Фонг в книге «Сама автор: Гендер, свобода воли и литературное мастерство в позднеимперском Китае» [4]. Она обнаруживает, что начиная с XVII века некоторые женщины-литераторы занимались редактированием и комментированием литературных произведений других женщин.

В XVII–XVIII веках женщины-литераторы были влиятельными фигурами в истории

Китая, однако их произведения оставались «словами внутренних покоев» (*нэйянь*). Лишь в конце XIX века китайские женщины получили возможность высказывать предложения по модернизации и выступили в поддержку реформы 1898 года.

ПОДДЕРЖКА ЖЕНЩИНАМИ РЕФОРМЫ 1898 ГОДА

Цю Юйфан (1871–1902) из Уси, известная в широких кругах как Мэйлюй, была активной сторонницей реформы 1898 года и введения женского образования [8: 39–40]. Она и ее дядя Цю Тинлян 11 мая 1898 года основали первую в Китае газету на родном языке «Новости Уси» («*Уси байхуа бао*»), выходявшую три раза в месяц. Цю Юйфан стала первой женщиной – редактором газеты, она опубликовала множество информационных статей и перевод книги миссионера Тимоти Ричарда (1845–1919) о реформах Петра Великого в России. Газета «Новости Уси» не специализировалась на обсуждении женских проблем, но поддерживала реформы 1898 года и продвигала женское образование.

Кан Тунвэй (1879–1974), известная как Вэйсянь из уезда Наньхай провинции Гуандун, была старшей дочерью Кан Ювэя и женщины-журналиста. Кан Тунвэй получила отличное образование, сочетавшее классическую китайскую литературу с английским и японским языками, и поддержала усилия своего отца по проведению реформ, став образцом для подражания китайским женщинам. Кан Тунвэй не бинтовала ноги, посещала школу в США и выступала публично. В 1897 году она работала переводчиком в газете отца «*Learning New Knowledge*» («*Чжисинь бао*»). Кан Тунвэй доказывала роль и значение женского образования для благополучия нации в статье от 11 мая 1898 года, ссылаясь на неспособность необразованных матерей дать сыновьям надлежащее домашнее образование [8: 40]. С основанием 24 июля 1898 года первой китайской женской газеты «Женское образование» Цю Юйфан и Кан Тунвэй стали ее главными авторами.

24 июля 1898 года женщины-реформаторы Ли Жунь, Хуан Цзиньюй, Кан Тунвэй, Цю Юйфан и жена Лян Цичао Ли Хуэйсянь (1868–1924) основали в Шанхае собственную газету «Женское образование»⁷ [8: 43–45], которая одновременно являлась печатным органом Общества распространения знаний среди китайских женщин (*Ньюйсюэхуэй*)⁸ и школьной газетой⁹. Девичьи фамилии с почетным званием *ньюйши* («женщина-ученый») авторов статей первого номера указывались в заголовке газеты. Женщины-журна-

листы тем самым заявили о своей независимости от мужчин. Больше всего статей в газету написали Пань Сюань (известная как Даофан) из Шанхая, Сюэ Шаохуэй (1866–1911) [3] из Хоугуаня провинции Фуцзянь, Кан Тунвэй и Цю Юйфан.

ПЕРВОЕ ЖЕНСКОЕ ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ КОНЦА XIX ВЕКА

Немецкий китаевед Барбара Миттлер в работе «Газета для Китая? Власть, идентичность и переменны в новостных СМИ Шанхая (1872–1912)» [11] пишет, что появление китайских женских периодических изданий на рубеже XIX–XX веков было естественным развитием СМИ и женская пресса не создала движения китайских женщин. Ма Юйсинь оспаривает точку зрения Барбары Миттлер, акцентируя внимание на том, что в отличие от мужчин-реформаторов, которые обсуждали проблемы женщин в духе национализма, женщины-журналисты продвигали женское образование и выступали за права женщин [8: 47]. Газета знакомила читателей с образовательными системами Европы, Америки и Японии, правилами разведения шелкопряда и посадки шелковичных деревьев, ткачеством и вязанием, изготовлением вышивки и использованием швейных машин, достижениями студенток и работниц, возможностью выбора будущего супруга.

Ма Юйсинь, анализируя тематику статей, замечает, что бинтованные ноги и образование не были главными заботами большинства китайок, их больше беспокоили несчастливые браки и проблемы доминирования-подчинения в семье [8: 51]. Газета предоставила возможность обсудить вопросы гендерного равенства, прав женщин и заключения брака по обоюдному согласию. Ван Чуньлинь была первой женщиной, которая открыто провозгласила принцип гендерного равенства. 27 августа 1898 года в статье «О гендерном равенстве» в газете «Женское образование» она утверждала, что

«древние конфуцианские классики рассматривали мужчин и женщин как отличных физиологически, но дополняющих друг друга функционально. Не было никакого предпочтения мужчин перед женщинами. В более поздние времена, когда древнее учение было утрачено, появился обычай отдавать предпочтение мужчинам перед женщинами, что усугубило отношения между мужем и женой» [8: 51].

Ван Чуньлинь перечислила абсурдные примеры гендерного неравенства: женщины не имеют никаких прав и должны во всем подчиняться мужчинам; мужчины берут наложниц, но женщины подвергаются позору, если вступают в брак повторно; в случае убийства закон

наказывает жен гораздо суровее, чем мужей. Ее беспокоило, что женщины угождали мужчинам, прокалывая уши, бинтуя ноги и пудря лица, в то время как мужчины относились к ним либо как к игрушкам, либо как к рабыням. Ван Чуньлинь утверждала, что отсутствие образования и навыков зарабатывать на жизнь делает китайских женщин зависимыми от мужчин. Она выступала за гендерное равенство, основываясь на двух наблюдениях: практика гендерного равенства сделала западные семьи более регулируемы, чем китайские, а также то, что в первом словаре китайского языка «Толкование слов» («*Шовэнь цзецзы*»), изданном во времена Хань, иероглиф «жена» определялся как «равный».

Женщины-журналисты пересмотрели неоконфуцианское утверждение «каждый мужчина несет ответственность за судьбу империи» («*тянься синван, пифу юцзэ*») и заявили об обоюдной ответственности как мужчин, так и женщин за судьбу нации. Писательница Лу Цуй из Синьхуэя провинции Гуандун утверждала, что политические взгляды женщин имеют значение. 27 августа 1898 года она написала статью «О женском патриотизме» («*Нюйцзы айго шо*») и обратилась с призывом к женщинам из знатных семей представить совместный меморандум о содействии женскому образованию.

Лу Цуй выступила с предложением основать в Летнем дворце Пекина Палату благородных женщин для встреч раз в год королевских особ, жен чиновников и приглашенных иностранок для обсуждения проблемы женского образования по следующим вопросам: создание женских школ, редактирование женских газет, организация женских обществ, открытие женских библиотек, поощрение женщин к труду, выплата стипендий вдовам, поощрение целомудрия и сыновней почтительности, награждение талантливых женщин, открытие женских книжных клубов, женских больниц, салонов красоты и подготовка женской армии [8: 51–53]. Лу Цуй выразила надежду на то, что будет учрежден департамент для содействия женскому образованию, а также просила императора Гуансюя разработать специальный государственный экзамен для женщин и запретить родителям бинтовать ноги дочерям.

Свобода выбора супруга обсуждалась в газете 27 августа 1898 года. В статье «Брак знати» («*Гуйцзу лянбинь*») неизвестная женщина (что свидетельствует о деликатности темы) утверждала, что брак по договоренности не приведет к долговому и прочному союзу. Автор сетовала, что брак по расчету основан на родительской воле и сватовстве: «Очень жаль, когда феникс выходит замуж за ворона по ошибке. Несовпаде-

ние темпераментов в паре приводит к разладу» [8: 53].

Газета «Женское образование» явилась важной вехой в истории становления борьбы китайских женщин за свои права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период реформ 1898 года национализм, как правило, был главной заботой реформаторов. Обсуждение вопросов, касающихся даль-

нейшей судьбы китайской женщины, проходило в контексте новых политических и социальных проблем. Профессор Ма Юйсинь в работе 2010 года «Женщины-журналисты и феминизм в Китае, 1898–1937» затрагивает тему участия женщин в политической жизни страны и делает вывод, что на страницах газеты «Женское образование» в 1898 году впервые был провозглашен принцип гендерного равенства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перевод фрагментов книги с английского на русский язык выполнен автором статьи.

² Монография ученого «Женщины-журналисты и феминизм в Китае, 1898–1937» снабжена многочисленными иллюстрациями: Фото 1. Первая страница первого номера журнала «*Нюйсюзбао*» («Женское образование») за июль 1898 года; Фото 2. Учащиеся и учителя женской школы *Цзинчжэнь* в 1899 году перед закрытием школы; Фото 3. «*Нюйцзы шицзе*» («Мир женщины») под редакцией Дин Чуво и Чэнь Чжицюнь; Фото 4. Женщины-директора женской школы Сучжоу Чжэньхуа Се Чанда и Цзян Чжэньно выступили с речами о восстановлении железных дорог в 1907 году; Фото 5. Женщины – участницы Республиканской женской организации *Шэньчжоу* в Шанхае в 1912 году; Фото 6. Фотография Тан Цюньин; Фото 7. Обложка первого номера журнала «*Фунюй цзачжи*» («Дамский журнал») за январь 1915 года; Фото 8. Две обложки журнала «*Фунюй шибао*», которые отражали изменения в его редакционной политике; Фото 9. Фотография Ли Чжишань; Фото 10. Фотография некоторых членов-основателей «Общества пробуждения» в 1920 году; Фото 11. Фотография журнала «*Нюйсин*» («Женская звезда») в 1923 году и его редакционного сайта; Фото 12. Обложка номера журнала «*Фунюй чжюю*» («Друг женщин») за 1926 год; Фото 13. Фотография женщины-воина Се Бинин; Фото 14. Первый выпуск выходящего раз в две недели журнала «*Фунюй гунмин*» («В поддержку женщин») за 1929 год; Фото 15. Женский книжный магазин в Шанхае в 1933 году; Фото 16. Обложка первого номера журнала «*Нюйцзы юэкань*» («Ежемесячник для женщин») и его редакционная коллегия в 1934 году.

³ В первой половине XIX века христианские миссионеры Уильям Милн, Роберт Моррисон, Чарльз Фридрих, Август Гутцлафф, Джеймс Легг и Уолтер Генри Медхерст редактировали журналы в Китае для распространения новостей о деятельности церкви [8: 32]. Первый ежемесячный журнал на китайском языке «*Chinese Monthly Magazine*» («*Ча шису мэюэ тунцзичжюань*») под редакцией Уильяма Милна вышел 6 августа 1815 года в Малакке. В августе 1833 Август Гутцлафф начал издавать в Кантоне ежемесячный журнал «Восток – Запад» («*Дунсян као мэюэ тунцзичжюань*»). Во второй половине XIX века Чарльз Наттен Хиллиер, Александр Уайли, Джек Эдкинс, Тимоти Ричард и, прежде всего, Янг Джон Аллен стали ведущими журналистами Китая. Иностранцы часто нанимали китайских редакторов и авторов, чтобы адаптировать свои журналы к местным вкусам. Роберт Моррисон работал с Лян Афа (1788–1855), первым китайским пастором; Джеймс Легг – с Ван Тао (1828–1897) из Сучжоу; а Янг Джон Аллен – с Цай Эркном (1851–1921) из Цзядина провинции Цзянсу. Поскольку большинство первых журналов принадлежало миссионерам, ранние печатные СМИ не получили большого отклика в китайском обществе. Многие статьи имели коммерческую цель и не выражали общественного мнения.

⁴ В 1883 году Кан Ювэй организовал первое общество по борьбе с бинтованием ног в своем родном городе в уезде Наньхай провинции Гуандун. В меморандуме 1895 года, одобренном императором Гуансюем в 1898 году, содержался призыв запретить бинтовать ноги девочкам.

⁵ В августе 1896 года Цзя Фучу (псевдоним Юаньху *тундин нюйши*, ‘леди, успокоившая свою боль на Озере мандариновых уток’) опубликовала в журнале «Новости всех наций» статью, сравнив боль от бинтования ног с болью «не меньшей, чем при кремации или утоплении». Цзя Фучу хвалила миссионеров за основание Общества естественной стопы (*Тянь цзу хуэй*) для спасения китайских женщин. Цзя Фучу выделила женщину в отдельную социальную категорию наряду с четырьмя конфуцианскими социальными слоями: «Сейчас наша нация бедна и слаба. Ученые, земледельцы, ремесленники и торговцы должны сделать все возможное для укрепления нации, а женщинам следует сотрудничать с ними». Цзя Фучу предложила женское образование в качестве окончательного решения проблемы бинтования ног [8: 37–38].

Чжао Цзэнцэ из южной Сычуани выступила против бинтования ног, обратившись к конфуцианским представлениям о сыновней почтительности, благожелательности и женском целомудрии. В апреле 1897 года она опубликовала «Обоснование против бинтования ног» в журнале «Новости всех наций». Чжао Цзэнцэ писала, что бинтование ног делает женщин инвалидами на всю оставшуюся жизнь, отмечала, что это более поздняя практика и она противоречила учениям древних царей-мудрецов и Конфуция. Чжао Цзэнцэ связывала бинтование ног с женским целомудрием: «Во время войн или беспорядков женщины

- со связанными ногами не могут быстро передвигаться и вынуждены покончить с собой, прыгнув со скалы или утопившись в колоде. Сохраняя жизни, они лишаются целомудрия». Чжао Цзэнцзэ выразила надежду, что женщины с естественными стопами смогут заниматься боевыми искусствами для самозащиты [8: 38–39].
- ⁶ 2 июля 1898 года Лю Цзэнцзянь из Чанши провинции Хунань написала в газету «Новости Хунани» статью «О причине, по которой женские школы и общества по борьбе с бинтованием ног не получили широкого распространения», где советовала женщинам отложить вступление в брак до 20 лет, получить сначала образование и освоить практические навыки [8: 39].
- ⁷ В работах профессора китайской литературы Центра азиатских исследований Чао Школы гуманитарных наук американского Университета Райса Наньсю Цянь по истории движения за реформы в Китае в конце XIX века «Возрождение традиции сяньюань (достойные дамы): женщины в реформах 1898 года», «Политика, поэтика и гендер в позднем Цинском Китае: Сюэ Шаохуэй (1866–1911) и эпоха реформ» выделяется вклад активных, оптимистичных и самодостаточных женщин-реформаторов в обновление страны, акцентируется внимание на том, что в 1898 году был затронут вопрос о правах женщин в Китае [2], [3].
- ⁸ 6 декабря 1897 года мужчины-реформаторы основали в Шанхае Общество распространения знаний среди китайских женщин («Нюйсюэжуэй») для содействия получения образования и защиты прав женщин [8: 41]. Ли Жунь (1866–1925), жена Тань Сыгуна, и Хуан Цзиньюй (1869–1936), жена Кан Гуанжэня (1867–1898), были директорами общества. Оно отличалось от женских поэтических клубов позднеимперского Китая тем, что традиционные женские поэтические клубы создавались в литературных и эстетических целях, а Общество распространения знаний было основано мужчинами-реформаторами для своих женщин с целью содействия женскому образованию.
- ⁹ В ноябре 1897 года начальник Шанхайского телеграфного бюро Цзин Юаньшань (1841–1903) из Шаньюя провинции Чжэцзян и около двухсот мужчин и женщин-реформаторов в Шанхае организовали кампанию по созданию первой китайской женской школы [8: 42–43]. С 15 ноября по 9 декабря 1897 года они провели четыре встречи, на которых обсудили финансирование, место и план строительства, устав, педагогический состав и учебную программу школы. Четвертое собрание стало известно, как «женское собрание» (*чайцюнь дахуэй*), в нем приняли участие 122 человека. Более половины из них были женщинами-миссионерами. Реформаторы прислушивались к мнению миссионеров о курсах и учебных программах, методах преподавания и управления школой. 31 мая 1898 года школа официально открылась в южной части Шанхая недалеко от храма Гаочан. Школа называлась *Цзинчжэнь Нюйсюэтан* (Женская школа классических принципов), что отражало философию основателя Цзин Юаньшаня, согласно которой молодым девушкам следует преподавать знания Конфуция и Мэн-цзы. Однако преподавание велось не только для подготовки «хороших жен и мудрых матерей», но и с целью присвоения ученых степеней с правом преподавания. С созданием школы женское образование, которое раньше было семейным делом, теперь стало общедоступным и было нацелено на укрепление китайской нации. В школу принимали только девочек из элитных семей. В заявлении Лян Цичао утверждалось, что образование сделает женщин в равной степени ответственными за судьбу нации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Синецкая Э. А. «Путешествие на Запад» китайской женщины, или Феминизм в Китае. М.; СПб.: Институт востоковедения РАН: Нестор-История, 2019. 432 с.
2. Смирнова Н. В. Наньсю Цянь о деятельности женщин-реформаторов в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, №. 2. С. 24–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.728
3. Смирнова Н. В. Роль цинской писательницы Сюэ Шаохуэй в реформах 1898 года в Китае в работах Наньсю Цянь // Россия – Китай: история и культура: Сборник статей и докладов участников XIV Международной научно-практической конференции. Казань: АН РТ, 2021. С. 280–286.
4. Fong G. Herself an author: Gender, agency, and writing in late imperial China. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2008. 238 p.
5. Ko D. Teachers of the inner chambers: Women and culture in seventeenth-century China. Stanford: Stanford University Press, 1994. 395 p. DOI: 10.2307/369456
6. Ko D. Every step a lotus: Shoes for bound feet. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. 162 p. DOI: 10.2307/3591776
7. Ko D. Cinderella's sisters: A revisionist history of footbinding. Berkeley: University of California Press, 2005. 332 p. DOI: 10.1017/S0305741006001159
8. Ma Y. Women journalists and feminism in China, 1898–1937. Amherst: Cambria Press, 2010. 472 p. DOI: 10.1017/S0305741010000937
9. Mann S. Precious records: Women in China's long eighteenth century. Stanford: Stanford University Press, 1997. 326 p. DOI: 10.2307/2659432
10. Mann S. The talented women of the Zhang family. Berkeley: University of California Press, 2007. 322 p. DOI: 10.1017/S0021911809992026

11. Mittler B. A newspaper for China? Power, identity and change in Shanghai's news media (1872–1912). Cambridge: Harvard University Asia Center, 2004. 504 p. DOI: 10.1017/S0305741005380593

Поступила в редакцию 03.10.2024; принята к публикации 13.01.2025

Original article

Natalia V. Smirnova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5225-8543; burlana@mail.ru

YUXIN MA ON WOMEN JOURNALISTS IN QING CHINA DURING THE LATE XIX CENTURY

Abstract. This article examines the views of Yuxin Ma, Professor of East Asian History, on the emergence of the women's movement in China. The study aims to investigate the history of the women's press and the activities of women journalists in late nineteenth-century Qing China, as presented in Yuxin Ma's work *Women Journalists and Feminism in China, 1898–1937*, using comparative and retrospective methods. The primary objective is to analyze the content of articles published in the *Chinese Girls' Progress* newspaper in 1898. Women journalists of this era advocated for gender equality, drew readers' attention to national issues, and underscored the vital role of women in strengthening statehood. The findings indicate that since 1898, women journalists have actively engaged in discussions surrounding critical issues affecting the future of Chinese women, including footbinding, education, independence, equality, marriage, motherhood, and political rights.

Keywords: foreign historiography, Ma Yuxin, late nineteenth-century Qing China, 1898 Reform, Kang Yuwei, Liang Qichao, women journalists

For citation: Smirnova, N. V. Yuxin Ma on women journalists in Qing China during the late XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):18–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1141

REFERENCES

1. Sinetskaya, E. A. Chinese women's "journey to the West", or Feminism in China. Moscow; St. Petersburg, 2019. 432 p. (In Russ.)
2. Smirnova, N. V. Nanxiu Qian on female reformers in China in the late XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):24–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.728 (In Russ.)
3. Smirnova, N. V. The role of the Qing writer Xue Shaohui in China's Reforms of 1898 in some works of Nanxiu Qian. *Russia – China: history and culture: Proceedings of the XIV international research and practical conference*. Kazan, 2021. P. 280–286. (In Russ.)
4. Fong, G. *Herself an author: Gender, agency, and writing in late imperial China*. Honolulu, 2008. 238 p.
5. Ko, D. *Teachers of the inner chambers: Women and culture in seventeenth-century China*. Stanford, 1994. 395 p. DOI: 10.2307/369456
6. Ko, D. *Every step a lotus: Shoes for bound feet*. Berkeley; Los Angeles; London, 2001. 162 p. DOI: 10.2307/3591776
7. Ko, D. *Cinderella's sisters: A revisionist history of footbinding*. Berkeley, 2005. 332 p. DOI: 10.1017/S0305741006001159
8. Ma, Y. *Women journalists and feminism in China, 1898–1937*. Amherst, 2010. 472 p. DOI: 10.1017/S0305741010000937
9. Mann, S. *Precious records: Women in China's long eighteenth century*. Stanford, 1997. 326 p. DOI: 10.2307/2659432
10. Mann, S. *The talented women of the Zhang family*. Berkeley, 2007. 322 p. DOI: 10.1017/S0021911809992026
11. Mittler, B. A newspaper for China? Power, identity and change in Shanghai's news media (1872–1912). Cambridge, 2004. 504 p. DOI: 10.1017/S0305741005380593

Received: 3 October 2024; accepted: 13 January 2025

ЕКАТЕРИНА ВАДИМОВНА СЕРОВА

старший преподаватель кафедры зарубежной истории Института истории, политических и социальных наук
заместитель директора Арктического центра Института североамериканских и арктических исследований
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-6137-4175; katar.serova@gmail.com

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ НЕЙТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В 1914–1918 ГОДАХ В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (на примере скандинавских стран)

А н н о т а ц и я . Внимание автора сосредоточено на оценках политических и правовых ограничений экономической войны в западной историографии. На примере развития торгово-экономических связей скандинавских стран, прежде всего с Великобританией и Германией, до 1914 года и в период Первой мировой войны исследуется специфика «нейтральной торговли» и попытки ограничить ее странами Антанты с целью экономического удушения противника. Особое внимание уделяется правовым аспектам «нейтральной торговли», борьбе с контрабандной торговлей с Центральными державами через нейтральные страны, деятельности Министерства блокады. Автор резюмирует, что предпосылки для «нейтральной торговли» в военное время были созданы усилиями самой Антанты на конференциях в Гааге и Лондоне в 1907–1909 годах, однако в период союзнической блокады достигнутые договоренности не раз нарушались противоборствующими сторонами. Стремление контролировать торговлю и вовлечь экономику нейтральных стран в военно-экономические усилия Антанты в целом обусловило значение североамериканского региона в стратегии втягивания скандинавских стран на сторону Антанты.

К л ю ч е в ы е с л о в а : нейтралитет, экономическое сдерживание, Гаагские конвенции, Первая мировая война, скандинавские страны, Северная Европа

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00617, <https://rscf.ru/project/23-28-00617/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Серова Е. В. Ограничения прав нейтральных держав в 1914–1918 годах в контексте западной историографии (на примере скандинавских стран) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 25–32. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1142

ВВЕДЕНИЕ

По мере того как в первое десятилетие XX века усиливались противоречия в отношениях между ведущими европейскими державами, малые (по населению) государства на севере Европы были заинтересованы в сохранении дружественных политических отношений и развитии торгово-экономических связей с ними, прежде всего с Германией, Великобританией, Россией и Францией. Международные связи обеспечивались за счет приверженности правительств Швеции, Норвегии и Дании нейтралитету, который стал частью их вполне самостоятельной политики задолго до 1914 года. Благодаря статусу нейтралитета и уважению норм международного права правительства нейтральных держав получили гарантии защиты от втягивания в большую политику, основанную на угро-

зе применения силы, сохраняя за собой определенную свободу в обеспечении собственных экономических интересов. Во время войны, однако, противоборствующие стороны попытались подорвать внешнюю торговлю друг друга и, с введением ряда ограничений, внесли серьезные коррективы в теорию и практику «нейтральной торговли».

С 1880-х годов ориентированная на экспорт экономика Германии постепенно вытесняла британские товары на североамериканских рынках более конкурентоспособными немецкими товарами. Характеризуя обстановку на рынках и в портах скандинавских стран в 1907–1910 годах, американский историк Росс Дж. С. Хоффман сообщает, что

«в Стокгольме на каждого британца приходится десять немецких коммивояжеров», в Норвегии «толпа на-

стойчивых немецких коммивояжеров, бегло говорящих по-норвежски, нередко предлагала искусные подделки более ходовых английских товаров», «немецкие суда в порту Стокгольма очень сильно превосходили британские по тоннажу», а в Дании «большая часть импортируемых немецких товаров предназначалась для реэкспорта (здесь и далее перевод наш. – Е. С.)» [7: 103–112].

О предприимчивости немцев в торгово-экономических сношениях со скандинавами говорит британский историк М. Флинн, описывая интересы английских и немецких компаний в разработке железорудных месторождений на севере Швеции и в Норвегии в последней четверти XX века. Для британских инвесторов эта история обернулась неудачей, поскольку, как оказалось, сталелитейная промышленность Великобритании была не готова переориентировать свои технологические мощности на обработку железной руды с высоким содержанием фосфора. Говоря о Германии, исследователь выделяет более высокие темпы развития металлургических предприятий и относительно близкое расстояние между шведскими портами на Балтике и северогерманскими речными портами, что в конечном счете приспособило шведскую руду для нужд германской экономики [6: 36].

Оборотной стороной расширения торговых связей с Германией в мирное время могло стать поглощение скандинавских рынков путем их возможного присоединения к германскому таможенному союзу (нем. *Deutscher Zollverein*). Анализируя позиции датских и шведских дипломатов, британский исследователь П. Салмон приходит к выводу, что скандинавы, хоть и допускали некоторое сближение с Германией по вопросам экономической и оборонной политики, все же опасались проникновения немецкого капитала в экономику стран Северной Европы [10: 46]. Датский исследователь К. Дуэ-Нильсен отмечает, что общей чертой для датских правительств в 1871–1914 годах стало то, что они «не осмеливались разыграть французскую, русскую или британскую карту» из-за высоких рисков национальной катастрофы [5: 10]. Датчанин резюмирует, что в определенном смысле продолжение мирного сосуществования для малых государств на северной периферии Европы было опаснее военного столкновения.

Пожалуй, объединяющим фактором для скандинавских стран в рассматриваемый период стало чувство национальной гордости, стремление к нейтралитету и реализация собственных экономических интересов. Важная деталь, которую скандинавские правительства, в силу существовавшей экономической зависимости от немецкого

и английского экспорта, могли недооценивать, – это их место и роль в планах Великобритании по осуществлению контроля над немецкой торговлей в регионе. Британская стратегия экономической войны требовала радикального переосмысления прав нейтральных держав в военное время. Чтобы контролировать германскую торговлю, англичане должны были контролировать и торговлю соседних нейтральных держав, в первую очередь Голландии, Дании, Норвегии и Швеции, через которые Германия получала зарубежные поставки. Очевидно, что Д. Ллойд Джордж и У. Черчилль уже к началу войны понимали, что англичанам предстоит ограничивать или, как это принято называть в западной историографии, «нормировать» скандинавский импорт, чтобы излишки не шли на реэкспорт в Германию [10: 46].

ГААГСКИЕ КОНВЕНЦИИ 1907 ГОДА И ПРАВА НЕЙТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ

На Гаагской конференции 1907 года были пересмотрены конвенции 1899 года и разработаны в общей сложности тринадцать новых конвенций, которые регламентировали порядок открытия военных действий (Конвенция III), права и обязанности нейтральных государств в условиях сухопутной и морской войны (Конвенции V и XIII), условия обращения торговых судов в военные (Конвенция VII), вводили ограничения пользования правом захвата в морской войне (Конвенция XI), также была предпринята попытка учредить международный призовой суд (Конвенция XII)¹. Эти конвенции впервые признавали, что воюющие стороны имели права и обязанности по отношению к нейтральной стороне. Подчеркивалось, что для поддержания мирных отношений со всеми сторонами нейтральные державы обязаны признавать право воюющей стороны объявлять контрабанду, устанавливать блокаду и контролировать нейтральную торговлю, которая осуществляется в интересах противника. В конференции, которую иногда называют второй конференцией мира, приняли участие 230 делегатов из 43 стран [2: 210]. Важным достижением Гаагской конференции стали положения, которые уточнили содержание политики нейтралитета в военное время и по сути зафиксировали права нейтральных держав на ведение контрабандной торговли. Статья 7, идентичная по своему содержанию в Конвенциях V и XIII, наделяла нейтральные державы правом осуществлять «экспорт или транзит оружия, боеприпасов и прочих предметов, которые могут быть полезны для армии или флота в интере-

сах той или иной воюющей стороны»². В научной литературе, посвященной событиям рассматриваемого периода, говорится о стремлении участников конференции определить категорию контрабандных грузов. Особое внимание уделяется предложениям французского дипломата Луи Рено, который призвал разделить контрабанду на абсолютную, условную и остальные товары, которыми нейтралы могли свободно торговать во время войны. Хотя предложения Рено не были оформлены в виде отдельных положений конвенции в Гааге, они легли в основу Лондонской декларации 1909 года [9: 33].

Согласно положениям Конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав в сухопутной войне, территория нейтральной державы объявлялась неприкосновенной. Конвенция запрещала воюющим сторонам использовать эту территорию для перемещения своих войск, боеприпасов и военной техники, а также для создания сетей связи (ст. 2, 3). В то же время оговаривалось, что нейтральная держава не обязана была препятствовать вывозу или транзиту в интересах воюющей стороны оружия, боеприпасов, прочих товаров (ст. 7), как и не обязана воспрещать или ограничивать в интересах того или иного воюющего пользование телеграфными или телефонными кабелями, другими средствами связи, которые составляют либо его собственность, либо собственность компаний или частных лиц (ст. 8). Как и в случае с сухопутными территориями, Конвенция о правах и обязанностях нейтральных государств в условиях морской войны объявляла территориальные воды нейтральной державы неприкосновенными. Воюющие стороны не могли использовать нейтральные воды в военных целях. Более того, «любой акт враждебности, включая захват и осуществление права на обыск, совершенный военными кораблями воюющих сторон» в нейтральных водах, рассматривался как нарушение нейтралитета (ст. 1, 2). Конвенция предусматривала обязанности нейтральной стороны по защите своих вод от таких нарушений: она могла интернировать воюющие суда, их экипажи и груз.

Примечательно, что нейтральная держава обязана была предотвращать поставки военных материалов и военных кораблей воюющему флоту, используя «все имеющиеся в ее распоряжении средства», чтобы не допустить оснащения или перевооружения судна, которое могло бы использоваться воюющей стороной (ст. 3). Тем не менее, как уже отмечалось, нейтральная сторона была вправе разрешать экспорт и транзит военных материалов через свои воды, а также проход вою-

ющих судов, хотя воюющие суда обязаны были покинуть нейтральную территорию в течение 24 часов (ст. 12). Воюющим сторонам также разрешалось, например, ремонтировать и дозаправлять свои корабли в порту нейтральной державы (ст. 17, 18).

ЛОНДОНСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ 1909 ГОДА И ПРАВА НЕЙТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ

Обеспечение воюющими державами гарантий нейтралитета, подкрепленного Гаагскими конвенциями 1907 года, продвинулось еще дальше в Лондонской декларации 1909 года. На заседаниях морской конференции, проходившей с декабря 1908 по февраль 1909 года в Лондоне, делегаты от десяти держав усовершенствовали правовые основы морской блокады и выработали положения, руководствуясь которыми, как ожидалось, воюющие стороны могли бы обеспечить защиту судов и торговли нейтральных держав в военное время. Декларация была подписана 26 февраля 1909 года всеми сторонами в единственном экземпляре, но по решению верхней палаты британского парламента она не была ратифицирована правительством Великобритании, поэтому официально документ не имел юридической силы³. Это означало, что достигнутые договоренности по итогам конференции 1908–1909 годов носили в большей степени рекомендательный характер.

Блокада как инструмент экономической войны была направлена не только против прямой торговли с Германией, но и предполагала пресечение торговых и финансовых операций Германии через посредников. Для обеспечения эффективности блокады союзники направили ее и против нейтральных стран. Так, декларация вводила две категории запрещенных или контрабандных грузов: товары и материалы, именуемые абсолютной контрабандой, и предметы так называемой условной контрабанды. В документе были указаны также не контрабандные товары (ст. 28), в основном материалы легкой промышленности, различное сырье и неорганические соединения, бумага, удобрения, предметы роскоши.

Перечень грузов абсолютной контрабанды (ст. 22) включал товары военного назначения (оружие, боеприпасы и приборы для их изготовления, порох и взрывчатые вещества, военное обмундирование, военные суда и пр.). Они подлежали захвату и конфискации, даже если пунктом назначения судна служил нейтральный порт (ст. 31, п. 2). Под условной контрабандой понимались грузы двойного назначения, которые могли быть использованы как для военных,

так и гражданских нужд. Речь шла о продовольственных товарах, фураже, топливных и смазочных материалах, драгоценных металлах, авиа- и железнодорожных материалах и пр. (ст. 24). Эти грузы подлежали конфискации только в тех случаях, когда судовые бумаги не подтверждали гражданское назначение грузов и они могли быть использованы противником в военных целях (ст. 33), а также когда пунктом назначения судна был порт противника, при этом пресекались любые попытки зайти в промежуточный порт нейтральной державы (ст. 35, 37). Нередко в условиях войны товары, классифицированные как «условная контрабанда», перемещались в категорию «абсолютная контрабанда». Лондонская декларация предусматривала возможность расширения перечня товаров абсолютной контрабанды (ст. 23). Исследователи перечисляют десятки правительственных распоряжений, так называемых «Указов в совете», в период с августа по октябрь 1914 года, в соответствии с которыми Великобритания в одностороннем порядке расширяла списки контрабандных товаров [12].

Несмотря на то что декларация так и не вступила в силу, Великобритания первоначально придерживалась ее положений. В ходе войны британцы, однако, ужесточали меры по экономическому сдерживанию противника, пытаясь извлечь из нейтралитета скандинавских стран максимальные выгоды, и еще больше ограничивали права нейтральных держав, чем это было предусмотрено Гаагскими конвенциями и Лондонской декларацией. В одной из своих работ нидерландский историк Хейн А. М. Клеманн, освещая деятельность голландской зарубежной трастовой компании (англ. The Netherlands Oversea Trust, сокр. NOT) в годы Первой мировой войны, пишет, что Лондон предпринял шаги, которые в конечном итоге «превратили декларацию в клочок бумаги» [8].

В октябре 1914 года британский посол в Париже Ф. Берти допускал мысль, что можно «взять Германию измором», заключив с Норвегией, Швецией, Данией и Голландией соглашение, обязывавшее эти страны запретить вывоз тех товаров, которые бы указало британское правительство. Однако уже тогда, как писал лорд Берти, англичане опасались возможной реакции другого «нейтрального» игрока – Соединенных Штатов, которые могли возразить, что «мы [британцы] не в праве определять окончательное назначение грузов, направляемых в нейтральный порт на нейтральном судне»⁴.

К концу октября 1914 года союзническая блокада достигла определенных успехов в своей во-

енной организации, но она не была экономически эффективной, и еще многое предстояло сделать в переговорном процессе. Отношения с нейтральными державами оказались более сложными, чем считалось в довоенной Великобритании. Американский исследователь Э. Осборн называет их «проблемными», особенно выделяя отношения со Швецией, Данией, Испанией, Швейцарией и Соединенными Штатами (до 1917 года), где усилия Министерства блокады в течение 1916 года не давали больших результатов.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ АНТАНТЫ ПО ОГРАНИЧЕНИЮ ПРАВ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

Триггером для более решительных действий союзников стало официальное объявление Германии о начале подводной торговой войны 18 февраля 1915 года [1]. 1 марта 1915 года Великобритания и Франция ответили совместной декларацией о запрете торговли с Германией, а «Указом в Совете» от 11 марта было объявлено о конфискации всех товаров, шедших в Германию и из нее. Осенью англичане начали расширение блокады германского побережья Балтийского моря, включив в контрабандные товары весь реэкспорт в страны противного лагеря. Теперь судовладельцы были обязаны гарантировать, что перевозимые ими грузы не предназначались для Германии, в противном случае судно задерживалось. Кроме того, суда нейтральных государств обязали заходить в английские порты для проверки, а для захода в «закрытую зону» Северного моря требовалось специальное разрешение британских властей. Очевидно, что переговоры не были простым делом для союзников в условиях, когда интересы нейтральных государств, как казалось, обеспеченные гаагскими конвенциями и Лондонской декларацией, задевались экономической войной. В Лондоне существовали опасения, что нейтральные страны могут выступить единым фронтом против политики блокады, особенно памятуя негодования правительства Швеции, Дании и Норвегии в связи с объявлением британцами Северного моря зоной военных действий [9: 76]. Поэтому борьба с проблемой контрабандной торговли с Германией через нейтральные страны была сопряжена с уступками со стороны некоторых союзников, в основном англичан, французы были менее уступчивы. Например, Голландской зарубежной трастовой компанией правительство Великобритании летом 1915 года санкционировало торговлю с Германией некоторыми продовольственными товарами, включая кофе, апельсины, лимоны, изюм,

миндаль и табак. Как и в случае с находившимся под контролем Антанты Швейцарским обществом по экономическому надзору (*Sociètéde Surveillance Suisse*, сокр. SSS), в соглашение с которым при посредничестве лорда Грея был добавлен «секретный пункт» об условиях продолжения торговли с Германией [9: 96–97].

Британские историки Р. Гибсон и М. Прендергаст анализируют обвинения, выдвинутые в адрес Великобритании в связи с конфискацией германской собственности на нейтральных судах, а также включением в список контрабанды предметов, не предназначенных для удовлетворения военных потребностей. Англичане, по мнению германского руководства, в целях собственной выгоды «злоупотребляли доктриной конечного назначения» [1]. Описывая реакцию Соединенных Штатов на меры по регламентации торговли, Э. Осборн особенно выделяет ноту правительства от 5 ноября 1915 года (но она была не единственной), в которой сказано, что «политика Лондона практически уничтожила экспортную торговлю Соединенных Штатов с Европой» [9: 136]. В действительности американцы хоть и оспаривали захват судов англичанами и конфискацию грузов, которые направлялись в порты нейтральных стран, никаких серьезных действий против блокады с их стороны не последовало. Показательно, что в 1915 году объем американского экспорта в скандинавские страны увеличился более чем вдвое по сравнению с показателями 1913 года. С другой стороны, как отмечает норвежский историк С. Тэннольд, в скандинавском обществе доминировало некое предвзятое отношение к Великобритании, связанное с развитым судоходством, системой соглашений о поставках критически важных ресурсов и общей позицией Великобритании как центра мировой торговли. Исследователь подчеркивает, что именно эти представления стали фактором сближения скандинавских стран с Антантой. Например, опасения о том, что хлопок может пополнить список контрабандных товаров, склонили Ассоциацию хлопчатобумажных фабрик (норвеж. *Vomuldsvarefabrikkenes forening*) к подписанию соглашения с британским правительством в августе 1915 года [11]. Подобные соглашения по снабжению хлопком заключили правительства Дании и Голландии в августе и в сентябре того же года [12].

СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ В СТРАТЕГИИ МИНИСТЕРСТВА БЛОКАДЫ

В связи с осложнением положения на фронтах в ноябре 1915 года союзники потребовали от нейтральных стран ограничить объем вво-

зимых товаров «нормальными потребностями». Нормирование в соответствии с «потребностями» должно было определяться средним уровнем порта каждой страны в предвоенное время. Западные исследователи выделяют добровольное нормирование (англ. *voluntary rationing*) и принудительное нормирование (англ. *forcible rationing*), или систему «рацион-пайка», которая легла в основу соглашений между нейтральными государствами и Великобританией. Эти и другие задачи по экономическому сдерживанию вменялись в ответственность особого ведомства – Министерства блокады под руководством лорда Роберта Сесила. Новое министерство стало координировать работу Департамента военной торговли, Департамента контрабанды при Министерстве иностранных дел и других соподчиненных комитетов, занимавшихся торговыми и финансовыми вопросами.

Британское правительство предпринимало несколько попыток по ужесточению ограничений, чтобы остановить шведскую торговлю контрабандными товарами с Центральными державами. Однако Стокгольм был непреклонен в этом вопросе. В январе 1916 года шведы отклонили очередную британскую инициативу о добровольном нормировании экспорта. Эта позиция вызвала серьезную обеспокоенность в Лондоне, особенно когда представители скандинавских стран встретились в марте того же года для обсуждения вопроса о Лиге нейтралитета, создание которой, вероятно, могло нарушить британские планы. К счастью для Антанты, решение о создании Лиги так и не было принято.

Ситуация усугубилась, когда в качестве разменной монеты на переговорах со шведами британцы решили использовать вопрос о снабжении углем. Зависимость скандинавов от британского угля была основным средством, с помощью которого Лондон мог заставить Швецию пойти на уступки. Поставки в Швецию немецкого угля усугубили ситуацию. Как отмечают исследователи, он был дешевле и качественнее британского, что представляло угрозу дальнейшим усилиям Антанты по экономическому сдерживанию Германии [9: 136]. Так, под нажимом Великобритании Швеция ввела ограничения на торговлю с Центральными державами, но в действительности не соблюдала договоренностей. В качестве ответных мер Великобритания прекратила экспорт меди и нефти в Швецию в мае 1916 года. В действительности зависимость Великобритании от импорта шведского железа и стали перечеркивала любые попытки Министерства блокады помешать торговле с Германией.

По некоторым оценкам, правительство закупило от 500 000 до 600 000 тонн шведской железной руды в год, в то время как национальный запас Великобритании в середине 1916 года составлял 253 000 тонн [9: 137]. Ситуация начала меняться примерно с августа, когда были достигнуты договоренности о поставках смазочных материалов в Швецию. Однако декабрьские победы немцев в Румынии усилили прогерманские настроения в Швеции, что осложнило дальнейшие переговоры Лондона и Стокгольма. Как и Швеции, Дании в значительной степени удалось обойти меры британского правительства по установлению контроля над своей торговлей. Германия закупала у датчан сельскохозяйственную продукцию и скот на более выгодных условиях, что привело к увеличению поставок продовольствия в Германию и снижению объемов торговли с Великобританией. Товарооборот с Германией в 1916 году составил 690 миллионов датских крон, что почти в четыре раза больше по сравнению с 1913 годом [9: 144–145].

В попытках еще больше ограничить торговлю с Германией Министерство блокады опубликовало списки нежелательных компаний и их торговых представительств в нейтральных державах, с которыми запрещалось вступать в торговые или иные деловые отношения. Позднее министерство представило список доверенных компаний, известный как «Форма К», у которых имелись специальные разрешения английских консулов на экспортную деятельность. Предложенная англичанами схема создавала серьезный барьер для торговли с другими фирмами, которые по тем или иным причинам не вошли в «белый список» [4: 12]. Кроме того, Министерство блокады ввело схемы закупок, в соответствии с которыми нейтральные страны были вынуждены продавать товары отечественного производства странам Антанты, с угрозой введения санкций на торговлю другими товарами, если впоследствии было принято решение передать эту продукцию Германии и ее союзникам. Так, например, до 85 % годового улова Норвегии доставалось державам Антанты по соглашению с Великобританией о поставках рыбы, подписанному в августе 1916 года [11]. По мнению некоторых исследователей, этим соглашением Антанта нанесла вред нейтральным державам, используя его как средство экономической войны. Отмечается, что норвежская рыболовная отрасль потеряла 3 750 000 фунтов стерлингов из-за продажи рыбных ресурсов Великобритании вместо Германии [9: 138–139]. С другой стороны, несмотря на то что Германия и континентальные державы были приоритетными

экспортными рынками Норвегии, страна импортировала уголь, нефть, соль, олово, пеньку и хлопок из Великобритании для изготовления рыболовных снастей и обслуживания своих кораблей (норвежский флот был третьим по величине после британского и немецкого). Норвежские рыбаки оказались перед сложным выбором: они могли потерять рынок Германии, на котором продавали свою рыбу, или лишиться британских ресурсов, необходимых для удовлетворения спроса на этом рынке. Добавим, что умеренная пробританская позиция и постепенное сближение с Антантой были обусловлены соображениями экономической безопасности на фоне опасений, что немцы могли монополизировать норвежский рынок. За рыболовным соглашением последовало соглашение об экспорте норвежской медной руды и пирита, подписанное с союзными странами в конце августа 1916 года [11].

Важной вехой в истории экономической блокады стало отслеживание и пресечение финансовых транзакций Германии, которые осуществлялись через иностранные дочерние компании и банки-корреспонденты в нейтральных государствах.

«Голландские и скандинавские банки проводят операции невероятного масштаба. Небольшие банки Амстердама, Роттердама, Копенгагена, Христиании, Бергена, Мальмё, Тронхейм и Стокгольма в день осуществляют столько операций, сколько в обычное время они бы провели за месяц. У всех этих финансовых операций нет другого назначения, кроме как торговля с Германией»,

– сообщается в одном из циркуляров Министерства блокады за январь 1916 года [3: 22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вступление в апреле 1917 года в войну Соединенных Штатов на стороне Антанты повлияло на ход войны и отразилось на торгово-экономических связях нейтральных держав. Ухудшение экономической ситуации в нейтральных державах в связи с блокадой, эмбарго союзников и неограниченной подводной войной Германии стало почвой для переговорного процесса, инициированного на рубеже 1917–1918 годов. Эти переговоры можно рассматривать как кульминацию усилий Антанты в экономической войне, результатом которых стало подписание централизованных соглашений с правительствами Норвегии, Швеции и Дании, заменивших более ранние соглашения союзников с отдельными торговцами и производителями. Таким образом, только на четвертый год войны союзникам удалось поставить «нейтральную торговлю» на службу интересам Антанты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Final Act of the Second Peace Conference. The Hague, 18 October 1907. Available at: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/hague-finact-1907/final-act?activeTab=historical> (accessed 25.10.2024).
- ² Convention (V) respecting the Rights and Duties of Neutral Powers and Persons in Case of War on Land. The Hague, 18 October 1907. Available at: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/hague-conv-v-1907>; Convention (XIII) concerning the Rights and Duties of Neutral Powers in Naval War. The Hague, 18 October 1907. Available at: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/hague-conv-xiii-1907> (accessed 21.10.2024).
- ³ Declaration concerning the Laws of Naval War. London, 26 February 1909. Available at: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/london-decl-1909?activeTab=historical> (accessed 17.10.2024).
- ⁴ Лорд Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже: 1914–1919 / Пер. и примеч. Е. С. Берловича. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 35.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гибсон Р., Прендергаст М. Германская подводная война 1914–1918 гг. Мн.: Харвест, 2002. 464 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://militera.lib.ru/h/gibson_prendergast/01.html (дата обращения 12.10.2024).
2. Abbenhuis M. An age of neutrals: Great power politics, 1815–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 289 p.
3. Connolly J. The Fourth Fighting Service: An early history of British economic statecraft. Oxford: University of Oxford, 2024. 40 p.
4. Dehne P. The Ministry of Blockade during the First World War and the demise of free trade // Twentieth Century British History. 2016. Vol. 27 (3). 24 p. Available at: <https://sci-hub.ru/10.1093/tcbh/hww027> (accessed 02.10.2024).
5. Due-Nielsen C. Denmark and the First World War // Scandinavian Journal of History. 1985. Vol. 10/1. P. 1–18.
6. Flinn M. Scandinavian iron ore mining and the British steel industry 1870–1914 // Scandinavian Economic History Review. 1954. Vol. 2 (1). P. 31–46.
7. Hoffman J. S. R. Great Britain and the German trade rivalry: 1875–1914. N. Y.: Routledge, 2020. 382 p.
8. Klemann H. A. M. The book review: Kruizinga S. Overlegeconomie in oorlogstijd. De Nederlandsche Overzee Trustmaatschappijen de Eerste Wereldoorlog. Zutphen: Walburg Pers, 2012. 404 p. // Low Countries Historical Review. 2014. Vol. 129 (2). Available at: https://www.researchgate.net/publication/290114519_Samuel_Kruizinga_Overlegeconomie_in_oorlogstijd_De_Nederlandsche_Overzee_Trustmaatschappij_en_de_Eerste_Wereldoorlog (accessed 12.10.2024).
9. Osborne E. W. Britain's economic blockade of Germany, 1914–1919. London; N. Y.: Routledge, 2014. 232 p.
10. Salmon P. Between the sea power and the land power: Scandinavia and the coming of the First World War // Transactions of the Royal Historical Society. 1993. Vol. 3. P. 23–49.
11. Tenold S. The First World War: The neutral ally // Norwegian shipping in the 20th century. Palgrave Studies in Maritime Economics. Palgrave Macmillan, Cham, 2019. P. 63–89. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-95639-8_3#Fn24 (accessed 07.10.2024).
12. The maritime blockade of Germany in the Great War. The Northern Patrol, 1914–1918 / John D. Grainger, Ed. Ashgate Publ., 2003. 856 p.

Поступила в редакцию 26.11.2024; принята к публикации 24.01.2025

Original article

Ekaterina V. Serova, Senior Lecturer, Deputy Director, Arctic Center of the Institute of Northern European and Arctic Studies, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-6137-4175; katar.serova@gmail.com

THE LIMITS OF RIGHTS OF THE NEUTRAL STATES IN 1914–1918 IN THE CONTEXT OF WESTERN HISTORIOGRAPHY (the case of the Scandinavian countries)

Abstract. This article focuses on the assessments of political and legal restrictions on economic warfare in Western historiography. The article employs the example of the development of trade and economic relations between Scandinavian countries, primarily with Great Britain and Germany, before 1914 and during the First World War, to examine the specifics of “neutral trade” and the attempts by the Entente countries to limit it to economically strangle the enemy. Particular attention is paid to the legal aspects of “neutral trade”, the fight against smuggling with the Central Powers through neutral countries, and the activities of the Ministry of Blockade. The author concludes that the prerequisites for “neutral trade” in wartime were established by the efforts of the Entente powers at the Hague and London conferences between 1907 and 1909. However, during the period of the blockade, the agreements were

repeatedly violated by the opposing parties. The imperative to exercise control over trade and engage the economies of neutral countries in the military and economic endeavors of the Entente, in general, underscores the pivotal role of the Northern Europe in the strategy of drawing the Scandinavian countries onto the side of the Entente.

Key words: neutrality, economic containment, Hague Conventions, World War I, Scandinavian countries, Northern Europe

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation's grant No 23-28-00617 (<https://rscf.ru/project/23-28-00617/>).

For citation: Serova, E. V. The limits of rights of the neutral states in 1914–1918 in the context of Western historiography (the case of the Scandinavian countries). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):25–32. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1142

REFERENCES

1. Gibson, R., Prendergast, M. The German submarine war, 1914–1918. Minsk, 2002. 464 p. Available at: https://militera.lib.ru/h/gibson_prendergast/01.html (accessed 12.10.2024). (In Russ.)
2. Abbenhuis, M. An age of neutrals: Great power politics, 1815–1914. Cambridge, 2014. 289 p.
3. Connolly, J. The Fourth Fighting Service: An early history of British economic statecraft. Oxford, 2024. 40 p.
4. Dehne, P. The Ministry of Blockade during the First World War and the demise of free trade. *Twentieth Century British History*. 2016;27(3):24 p. Available at: <https://sci-hub.ru/10.1093/tcbh/hww027> (accessed 02.10.2024).
5. Due-Nielsen, C. Denmark and the First World War. *Scandinavian Journal of History*. 1985;10/1:1–18.
6. Flinn, M. Scandinavian iron ore mining and the British steel industry 1870–1914. *Scandinavian Economic History Review*. 1954;2(1):31–46.
7. Hoffman, J. S. R. Great Britain and the German trade rivalry: 1875–1914. N. Y., 2020. 382 p.
8. Osborne, E. W. Britain's economic blockade of Germany, 1914–1919. London; N. Y., 2014. 232 p.
9. Klemann, H. A. M. The book review: Kruizinga, S. Overlegeconomie in oorlogstijd. De Nederlandsche Overzee Trustmaatschappijen de EersteWereldoorlog. Zutphen, 2012. 404 p. *Low Countries Historical Review*. 2014;129(2). Available at: https://www.researchgate.net/publication/290114519_Samuel_Kruizinga_Overlegeconomie_in_oorlogstijd_De_Nederlandsche_Overzee_Trustmaatschappijen_de_Eerste_Wereldoorlog (accessed 12.10.2024).
10. Salmon, P. Between the sea power and the land power: Scandinavia and the coming of the First World War. *Transactions of the Royal Historical Society*. 1993;3:23–49.
11. Tenold, S. The First World War: The neutral ally. *Norwegian shipping in the 20th century. Palgrave Studies in Maritime Economics*. Palgrave Macmillan, Cham, 2019. P. 63–89. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-95639-8_3#Fn24 (accessed 07.10.2024).
12. The maritime blockade of Germany in the Great War. The Northern Patrol, 1914–1918. (J. D. Grainger, Ed.). Ashgate Publ., 2003. 856 p.

Received: 26 November 2024; accepted: 24 January 2025

ИРИНА ЮРЬЕВНА ВИНОКУРОВА

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1967-7911; irvin@sampo.ru

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ДУБРОВСКАЯ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1893-7873; lendubrovskaya@inbox.ru

ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА БОГДАНОВА: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

А н н о т а ц и я . Статья посвящена памяти Г. Н. Богдановой – историка Карелии, которой 28 февраля 2025 года отмечается 100 лет со дня рождения. На основе контекстуального подхода к биографическим источникам представлены важнейшие вехи ее жизненного пути и деятельности в сфере науки и образования. Г. Н. Богданова относится к первому поколению женщин-ученых из национальных окраин России, которые в советский период получили высшее образование, стали кандидатами наук и занимались исследованиями и преподаванием. Основными направлениями ее научной деятельности были история Карелии во второй половине XVIII века, в первые годы советской власти и история Европейского Севера России в годы военной интервенции и Гражданской войны. В контекстуальной биографии Г. Н. Богдановой отразились судьбоносные моменты в истории вепского народа, связанные с резкими переменами в национальной политике, тяжелые годы Великой Отечественной войны, исследования советских историков Карелии, история Петрозаводского университета.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Г. Н. Богданова, биография, вепсы, наука, женщины, история Карелии

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН, № 124022000029-0.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Винокурова И. Ю., Дубровская Е. Ю. Галина Николаевна Богданова: к 100-летию со дня рождения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 33–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1143

ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена памяти историка Карелии Галины Николаевны Богдановой (28.02.1925–29.05.2007), которой 28 февраля 2025 года исполняется 100 лет со дня рождения. С 1953 по 1964 год она работала научным сотрудником в Институте языка, литературы и истории (ИЯЛИ)¹ и 21 год – преподавателем кафедры истории КПСС в Петрозаводском государственном университете (ПетрГУ). В круг ее научных интересов входили история Карелии во второй половине XVIII века и в первые годы советской власти, а также история Европейского Севера России в годы военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920).

ДЕТСТВО В ШИМОЗЕРЕ

Г. Н. Богданова относится к первому поколению женщин-ученых из национальных окраин России, которые в советский послевоенный период получили высшее образование, стали кандидатами наук и занялись научными исследованиями. Она родилась в глухой вепской деревне Сюръяг Шимозерского сельсовета Оштинского района Ленинградской области. Малая родина Галины Николаевны путешественниками описывалась как медвежий край, «со всех сторон верст на 40 и более» окруженный дремучими лесами². Население Шимозерья в большинстве своем говорило на вепском языке. По сведениям бывшего директора Шимозерской школы С. Я. Гаврилова,

«до революции во всей Шимозерской волости не было ни одного человека со средним образованием, не говоря о высшем. Немало было мужчин неграмотных и малограмотных, а среди женщин – большинство были неграмотные и малограмотные. Лишь в с. Шимозере, центре волости, была церковноприходская школа на 40 учащихся, в которой можно было получить начальное образование (4 класса)»³.

С установлением советской власти стали открываться начальные школы – сначала в крупных селах, а потом и в удаленных деревнях.

Отец Галины Николаевны – Николай Иванович Богданов (1904–1959) – известный исследователь прибалтийско-финских языков [3] – в то время, имея за плечами шесть классов, работал в Шимозерской школе учителем начальных классов; мать – Пелагея Ивановна – была неграмотной, трудилась в крестьянском хозяйстве, а позже – в колхозе.

В 1931 году в истории вепсов начался важный период, связанный с проводимой советской властью политикой коренизации, направленной на ускоренное развитие отсталых нерусских народов. Одна из ее задач состояла в ликвидации неграмотности через создание письменности у бесписьменных этносов, открытие национальных школ и обучение на родном языке.

Коренизация школы в значительной мере затронула и семью сельского учителя Богданова. В феврале 1932 года он был назначен инспектором, а через четыре месяца – заведующим Оштинским РОНО и вошел в организованную при Комитете нового алфавита Ленинградской области вепскую языковую комиссию из десяти человек по подготовке учебников для вепских школ. Кроме того, он занимался подготовкой педагогических кадров для вепских школ. В 1933 года провел краткосрочные курсы вепских учителей в с. Доможирове, а затем участвовал в организации при Лодейнопольском педагогическом техникуме вепского отделения для подготовки учителей родного языка. Здесь Николай Иванович более года был заведующим и преподавал вепский язык и географию. В 1934 году, уже в возрасте 30 лет, он решил получить высшее образование на финно-угорском отделении ЛГУ, необходимое ему для дальнейшей работы. Это было очень трудное решение, поскольку в то время у него уже была большая семья, находившаяся в Шимозере: мать, жена и трое дочерей-погодков. Поэтому Николаю Ивановичу приходилось совмещать учебу и работу. Пятилетний курс обучения он закончил за четыре года, получив диплом с отличием по специальности филолог-финно-угровед [3: 38–40].

Несмотря на огромную загруженность на работе, частое отсутствие дома, Николай Иванович никогда не забывал о семье, был ее опорой. Он пользовался огромным авторитетом у своих дочерей. Особенно духовно близок Николай Иванович был со своей старшей дочерью Галиной, о чем говорит переписка, сохранившаяся в семейном архиве. Для Галины Николаевны на протяжении всей ее жизни отец был идеалом человека и примером во всех делах.

Уже в детстве Николай Иванович приобщал дочь к своей работе. Галина Николаевна вспоминала, как помогала ему в составлении картотеки вепских слов. Политика коренизации оказала влияние и на ее жизнь. В 1932 году в 37 начальных школах началось обучение грамоте вепских детей на родном языке [12: 114]. В одну из таких начальных школ в родной д. Сюръя Галина пошла в первый класс. После окончания начальной школы с 1936 года по 1939 год она училась в Шимозерской неполной средней школе⁴. Эта семилетка была открыта в 1931 году и представляла собой «прекрасное двухэтажное здание в центре села, в котором могли учиться в одну смену более 300 учащихся» со всего Шимозера⁵. Во время учебы Галины в 5-м классе и первом полугодии 6-го класса преподавание вепского языка еще продолжалось. Но после вышедшего 20 декабря 1937 года постановления «О национальных школах и других культурно-просветительных учреждениях» в наступившем 1938 году обучение было переведено на русский язык, а родной язык полностью исключался из программы [12: 121]. Успев пройти пять с половиной лет обучения в вепской школе, Галина Николаевна не только хорошо говорила на вепском языке, но и владела вепской письменностью на латинской основе. О своих учителях она всегда отзывалась с большой теплотой и даже начала писать о них свои воспоминания:

«В нашей Шимозерской школе, в которой я училась в 1936–1939 гг., был создан исключительно работоспособный спаянный коллектив местных учителей-вепсов и учителей, направленных из Ленинграда. Ленинградский отдел народного образования направлял в школу лучших выпускников ленинградских вузов.

Среди местных учителей были прекрасные преподаватели русского языка и литературы – В. И. Петухов (директор школы), затем директором стал В. В. Макаров (погиб на фронте в Великую Отечественную войну), С. Я. Гаврилов – преподаватель родного языка и конституции, выпускник первых курсов вепских учителей в Доможирове и крестник Н. И. Богданова. Среди многих учителей, приехавших из Ленинграда, особенно запомнились мне преподаватель истории И. П. Сивков (благодаря которому я и стала историком), П. А. Иванов, преподававший русский язык и литературу, Л. А. Ипатов

(преподаватель алгебры, геометрии и физики), С. А. Громов (учитель арифметики), И. Н. Николаев (преподаватель ботаники и зоологии).

Все они были молодыми, прекрасно знали свой предмет, проявляли огромный энтузиазм в разработке методики и на уроках отдавали всю щедрость своей души детям. Им приходилось много работать над методикой изложения, чтобы дети-вепсы, плохо знающие русский язык, могли понять и усвоить основы преподаваемых предметов. В. В. Макаров, С. Я. Гаврилов, И. П. Сивков, П. А. Иванов, Л. А. Ипатов, И. Н. Николаев сражались на фронте войны. Половина из них – В. В. Макаров, П. А. Иванов, Л. А. Ипатов – с нее не вернулись.

Помню уроки по истории, дававшиеся И. П. Сивковым. Он всегда на урок приносил нам пособия, изготовленные им самим. В самом начале урока или в процессе изложения материала обращался ко всему классу с вопросами. Весь класс думал и поднимал руки. Я не помню, чтобы кто-нибудь отвечал по истории в течение долгого времени, стоя у доски.

Л. А. Ипатов всегда тщательно проверял домашние задания. Всегда ставил оценку. При проведении проверки он выяснял, кто из учеников плохо усвоил материал, и тут же на уроках доводил главное до сознания учащихся. Часто проводил контрольные работы.

Очень запомнилась мне наша обаятельная и жизнерадостная пионервожатая Елена Семеновна Фабрикова. Она готовила школьные вечера, руководила хором, подготавливая танцевальные номера. Учащиеся выступали с концертами перед колхозниками в местном клубе, выезжали даже на лесопункты⁶.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Отец Г. Н. Богдановой после окончания Ленинградского университета в августе 1938 году был направлен в Карельский научно-исследовательский институт культуры. В 1939 году он перевез в Петрозаводск свою семью, где Галина успешно закончила 8-й и 9-й классы 9-й средней школы. В десятый класс идти не пришлось, началась война⁷. Н. И. Богданов сразу же ушел на фронт. Он прошел по военным дорогам от Карелии до Германии, начав с должности старшего адъютанта батальона и закончив войну помощником командира дивизии. Только 29 марта 1946 года Н. И. Богданов был демобилизован из армии [3: 45–46].

Галина вместе с матерью и двумя сестрами эвакуировалась на родину в Шимозеро. Эта местность оказалась прифронтовой. Осенью и зимой 1941 года ей и другим шимозерам приходилось перевозить боеприпасы на Оштинский участок фронта. В феврале 1942 года ее, как окончившую девять классов, направили на работу избачом в с. Нажмозеро Оштинского района⁸. Она выпускала боевые листки, ходила в семьи фронтовиков, чтобы рассказать о вестях с фронта. Вместе с другими комсомольцами расчищала дороги от снежных заносов, обеспечивая прохождение

автомашин с воинскими частями и грузами, выполняла другие работы.

В должности избача Г. Н. Богданова проработала до конца августа 1942 года. В сентябре она поступила на третий курс Петрозаводского педучилища, которое было эвакуировано в г. Пудож. В июне 1943 года после его окончания была направлена на работу в Шальскую среднюю школу учительницей начальных классов, где проработала до августа 1944 года. В Пудожском крае крепкая от природы девушка, постоянно голодая, получила дистрофию, в дальнейшем сказавшуюся на ее здоровье.

С освобождением Петрозаводска 28 июня 1944 года Г. Н. Богданова была отозвана в распоряжение Наркомпроса Карело-Финской ССР и направлена воспитательницей в Соломенский детский дом. Ее поразило вид пережившего войну города: «Кругом развалины, пустыри. Иду по улице Дзержинского, где стоял наш дом. Нет ни дома, в котором я жила до эвакуации, ни окружающих зданий»⁹.

Пронзительно звучат строчки ее воспоминаний о работе в детском доме:

«Детский дом, оставленный финскими захватчиками, произвел удручающее впечатление. У детей нет кроватей, одеял, подушек. Спят прямо на полу, постелив у кого что осталось после родителей: на рваных одеялах, пальто, лохмотьях. Детишки обездоленные, осиротевшие окружают меня вниманием, жаждут доброты и ласки, особенно малыши от трех до семи. Постоянно слышу: “Галина Николаевна, Вы меня любите?” Все дни с ними. Играю, хожу в лес со старшими детьми за хворостом. Недели через две детский дом расформировали, всех детей распределили по детским домам, организуемым в Олонце, Ладве, Соломенном. 14 человек направили в Соломенное. Я вместе с ними отправилась туда. Идем мимо кладбища “Пески”. Дети просят меня разрешить им посетить могилы своих родителей, умерших в лагерях и похороненных здесь. Кто восполнит горечь утраты этих детей, кто вернет им погибших родителей?»¹⁰

УЧЕБА В УНИВЕРСИТЕТЕ

В 1944 году Карело-Финский государственный университет (КФГУ) вернулся в Петрозаводск из эвакуации в Сыктывкаре и сразу же объявил пятый большой прием (более 200 человек) на четыре факультета: историко-филологический, биологический, физико-математический, геологический¹¹. Галина Николаевна мечтала продолжить образование и поступила на историческое отделение историко-филологического факультета. Корпус университета был разрушен. Занятия проходили в здании, которое долгие годы занимал Карельский пединститут (пр. Ленина, 29). Группу историков составили

ли более 23 человек, некоторые из студентов вернулись с фронта. Галину Богданову выбрали старостой группы, Евгению Павлову – комсоргом¹². Учеба в университете была большим счастьем для познавших войну студентов. Группа историков, с которыми училась Г. Н. Богданова, оказалась необычайно дружной. После окончания университета на протяжении десятилетий они ежегодно встречались у кого-либо на квартире в старый Новый год, приводили своих мужей и жен, которые тоже становились их друзьями, отмечали юбилеи. С некоторыми из однокурсников Галину Николаевну связывало место работы. С археологами А. В. Анпиловым и Г. А. Панкрушевым она работала в секторе истории ИЯЛИ, с историками М. И. Шумиловым и П. П. Фоминой (Борисовой) – в ПетрГУ.

В июне 1949 года Г. Н. Богданова закончила университет с отличием по специальности «история» и была рекомендована в аспирантуру¹³. Важную роль в ее профессиональном становлении сыграл Я. А. Балагуров – крупнейший специалист по истории Карелии. В 1940–1952 годах Яков Алексеевич возглавлял кафедру истории СССР в КФГУ, преподавал курс отечественной истории, историографию, архивоведение и историю Карелии, руководил курсовыми и дипломными работами, проводил педагогическую практику. Лекции Я. А. Балагурова назывались в числе лучших студентами-историками разных поколений [9].

АСПИРАНТУРА

В сентябре 1949 году Г. Н. Богданова была принята на работу младшим научным сотрудником сектора истории в ИЯЛИ. В это время историки готовили материалы для сборника воспоминаний к 30-летию Видлицкой операции, проведенной в июне 1919 года. Планировалось, что сборник будет включать порядка двух десятков текстов – автобиографии участников событий и их рассказы о происходившем в годы Гражданской войны и военной интервенции в южную Карелию и Заонежье. Однако сохранились лишь подготовительные материалы к этому сборнику в первичной редакторской обработке с аннотациями аспиранток сектора Г. Н. Богдановой и П. П. Борисовой к каждому из текстов¹⁴. Тексты, по большей части специально собранные в 1948–1949 годах сотрудниками сектора, помимо подробностей проведения Видлицкой операции тематически охватывают оборону Петрозаводска весной – летом 1919 года, боевые действия в Тулмозерской волости, в Пудожском уезде, в районе ст. Сегежа и на участке Лижма –

Илемсельга в сентябре 1919 года, партизанское движение в Паданах и Заонежье, оккупированном силами союзнической интервенции, а также свидетельства заонежан об оккупационном режиме и «жизни в катастрофе» Гражданской войны [5: 112–113].

В декабре 1949 года, успешно сдав экзамены, Галина Николаевна поступила в целевую аспирантуру Карело-Финского филиала АН СССР. Аспирантскую подготовку проходила в Ленинградском отделении Института истории под руководством д. и. н. М. П. Вяткина – крупнейшего исследователя социально-экономических проблем истории народов России¹⁵. Тема диссертации «Крестьяне Карелии во второй половине XVIII в.» была предложена аспирантке сектором истории ИЯЛИ¹⁶. На выбор темы повлияли новые веяния в национальной политике республики: в 1950-е годы после поправок здесь снова вернулись к политике коренизации, актуальным вновь стало изучение языка, истории и культуры коренных народов Карелии. Однако вопрос об использовании карельской и вепсской письменности в школьном образовании и других сферах общественной и культурной жизни уже не поднимался. Кроме того, в условиях натянутых отношений между СССР и Финляндией в послевоенное время исторические исследования карельских ученых приобретали особое значение. Их работы должны были служить развенчанию ошибочной теории западнофинского (емьского) происхождения карелов, выдвинутой учеными Финляндии. Эти новые веяния сказались при обосновании актуальности темы диссертации Г. Н. Богдановой, которая отмечала:

«В русской дворянско-буржуазной историографии очень мало отводилось места истории нерусских народностей окраин России, в том числе истории карел и вепсов, населявших северо-западную окраину русского государства. Подразделяя народы России на “исторические” и “неисторические”, относя карел и вепсов в число “неисторических” народов, русские дворянско-буржуазные ученые отрицали их значение в ходе исторического процесса. Неправильно освещали историю карельского народа и финские историки. Подходя к карелам с буржуазно-националистических позиций, они игнорировали их активную роль в истории. <...> Тема исследования “Крестьяне Карелии во II-ой половине XVIII в.” актуальна, так как освещает вопрос о социально-экономическом положении крестьянства, проживающего на северо-западной окраине русского государства, и дополняет материалы по изучению истории народов СССР, в том числе истории карельского народа»¹⁷.

В диссертации Г. Н. Богдановой объектом исследования впервые стали крестьяне Карелии разных категорий, за исключением приписанных к Олонецким Петровским заводам

(20,45 %). Социально-экономическое положение последних было подробно исследовано ее учителем Я. А. Балагуровым, который определял приписных крестьян как особую, отличную от государственных крестьян, феодально-зависимую категорию населения [9: 174].

Судя по аспирантским отчетам Г. Н. Богдановой¹⁸, во время работы над диссертацией она по несколько месяцев проводила в архивах различных городов: в Центральном государственном архиве древних актов (Москва), в Центральном государственном историческом архиве и Российском государственном архиве Военно-морского флота (Ленинград), в Центральном архиве МВД К-ФССР и архиве Карело-Финского филиала АН СССР (Петрозаводск), в Архангельском областном архиве. Собранные материалы позволили ей уделить внимание разработке таких вопросов, как административное устройство Карелии исследуемого периода, категории крестьян, состояние сельского хозяйства, промыслов и торговли, крестьянские подати и повинности, расслоение крестьянства во второй половине XVIII века¹⁹.

15 апреля 1953 года Галина Николаевна успешно защитила кандидатскую диссертацию. Об этом писали ленинградские газеты «Вечерний Ленинград»²⁰ и «Смена»²¹, отметившие, что диссертацию защитила «первая женщина-ученый народности вепс»:

«В Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Г. Н. Богдановой на тему “Крестьяне Карелии во второй половине XVIII века”. Диссертация посвящена социально-политическому положению крестьянства России и, в частности, крестьянства Карелии во второй половине XVIII столетия и написана с привлечением обширного архивного материала. Г. Н. Богдановой единогласно присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

По национальности Богданова – вепс – представитель одной из угнетенных народностей бывшей царской России. Богданова – первая женщина-ученый народности вепс.

В настоящее время в Ленинградском отделении института занимается 21 аспирант – 5 русских и 16 – представляющих 9 национальностей Советского Союза»²².

Газета отметила важную веху не только в биографии Г. Н. Богдановой, но и в общественно-политической и культурно-исторической жизни вепсского народа. Давали знать о себе перемены в национальной политике Советского государства: после долгого запрета на упоминания о вепсах о них официально высказалась пресса. За год до этого, 23 июня 1952 года, первую в нашей стране кандидатскую диссертацию о вепсах

«История развития лексики вепсского языка» защитил в Ленинградском университете Н. И. Богданов, а с середины 1950-х годов в ИЯЛИ началось систематическое изучение вепсского языка и культуры [3: 48–49].

Г. Н. Богданова. 1953 год. Фото Ю. Н. Башнина

G. N. Bogdanova. 1953. Photo by Yu. N. Bashnin

РАБОТА В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

В мае 1953 года Г. Н. Богданова вернулась на работу в сектор истории ИЯЛИ под руководством Я. А. Балагурова и сразу же была включена в авторский коллектив, который готовил к печати первый том обобщающего труда «Очерки истории Карелии». В состав редколлегии вошли Я. А. Балагуров и профессора В. Н. Бернадский и И. И. Смирнов из Ленинграда. Занятые своей основной работой, ленинградские историки не имели возможности постоянно заниматься подготовкой «Очерков...». Повседневную работу редколлегии приходилось выполнять Я. А. Балагурову. Обобщающих монографий по истории Карелии тогда еще не было, и авторам, особенно молодым исследователям, «нелегко давалось преодоление научной целины» [8: 144]. Подготовленные очерки проходили рецензирование и неоднократно обсуждались на заседаниях сектора. Тексты Г. Н. Богдановой рецензировали Я. А. Балагуров, А. С. Жербин, А. М. Линевский, П. Л. Пехконен, а она – их тексты²³. Судя по протоколам, почти все авторы, даже с солидным научным стажем, после коллективного обсуждения переделывали свои разделы око-

ло трех раз. По воспоминаниям А. С. Жербина, работа над «Очерками» стала большой школой исследовательской деятельности [8: 144]. Галина Николаевна занималась подготовкой 7-й главы «Очерков» «Карелия во второй половине XVIII в.» и двух разделов 13-й главы «Карелия в период первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции в России (1914–1917 гг.)», а также составлением хронологической таблицы [10]. Первый том «Очерков истории Карелии» вышел в 1957 году и стал заметным событием в научной жизни республики.

После подготовки «Очерков...» Галина Николаевна планировала заняться написанием монографии о крестьянах второй половины XVIII века на основе кандидатской диссертации. Но ее желание расходилось с направлениями работы сектора истории, поскольку при выборе исследовательских тем приоритет отдавался истории советского периода. С марта 1956 года по сентябрь 1957 года Г. Н. Богданова занималась выявлением архивных материалов и работала в качестве составителя коллективного сборника документов «Борьба трудящихся Карелии за установление и упрочение Советской власти в Карелии» [4].

О своем желании продолжить изучение периода второй половины XVIII века Галина Николаевна вновь напомнила на переаттестации, состоявшейся 25 декабря 1957 года, однако комиссия вынесла следующее решение: «Переаттестована в должности младшего сотрудника. Предложено параллельно с основной работой форсировать подготовку к печати кандидатской диссертации»²⁴. Этот вердикт означал, что данная тема в план ИЯЛИ поставлена не будет и ею можно заниматься только в свободное от основной работы время. В результате список публикаций Галины Николаевны, посвященных социально-экономическому положению крестьян Карелии во второй половине XVIII века, оказался совсем небольшим: автореферат диссертации²⁵, седьмая глава в первом томе «Очерков...» и статья, посвященная имущественному и социальному расслоению крестьянства Карелии [1]. Написание монографии о крестьянах XVIII века так и осталось неосуществленной мечтой Г. Н. Богдановой. Ее диссертация является малоизвестным источником по изучению крестьянской повседневности народов Карелии и истории отдельных сельских поселений.

Дальнейшей публикаторской работой, в которой приняла участие Галина Николаевна в секторе истории, стала подготовка сборника доку-

ментов «Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции. 1918–1920» [7]. Она была составителем третьего и четвертого разделов сборника, посвященных работе партийного и советского руководства и жителей Карелии по перестройке народного хозяйства на социалистические рельсы, деятельности профсоюзных организаций.

Важное место в жизни Галины Николаевны занимала общественная работа. Она была членом Общества по распространению политических и научных знаний, пропагандистом Горкома партии и много сил отдавала чтению публичных лекций перед различными аудиториями слушателей. Зарекомендовав себя как хороший лектор, ясно излагающий сложные темы, Г. Н. Богданова была приглашена на преподавательскую работу в ПетрГУ. Решением Ученого совета от 25 декабря 1964 года ее избрали по конкурсу на должность и. о. доцента кафедры истории КПСС, а после того как Галина Николаевна проработала в университете более трех лет, 23 февраля 1968 года решением ВАК она была утверждена в ученом звании доцента²⁶.

РАБОТА В ПЕТРОЗАВОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

«Вузовский» период жизни Галины Николаевны существенно отличался от «академического»: лекции и семинарские занятия, курсовые и дипломные работы, экзамены у студентов очного и заочного отделений, руководство научным студенческим кружком, общественные поручения. Тем не менее она уделяла внимание и научной деятельности. Проблемы социально-экономического развития Карелии в первые годы советской власти и Гражданской войны, которыми она начала заниматься в ИЯЛИ, стали основными в ее дальнейшей исследовательской работе. Результатом этой серьезной научной работы явилась опубликованная в 1980 году монография «На хозяйственном фронте. 1918–1920» [2].

В 1950–1980-е годы история революции и Гражданской войны была одной из ведущих тем исследований карельских историков, по этой проблематике было подготовлено больше всего монографий, среди них работы Я. А. Балагурова, В. И. Машезерского, М. А. Мишенева, М. И. Шумилова. Монография Г. Н. Богдановой посвящена изучению и обобщению опыта хозяйственного строительства в Карелии в годы Гражданской войны и союзнической интервенции, она стала продолжением как в хронологическом, так и в проблемном плане прежней публикаторской работы Галины Николаевны.

Г. Н. Богданова. 1979 год. Фото Ю. Н. Башнина

G. N. Bogdanova. 1979. Photo by Yu. N. Bashnin

Основываясь на широком круге хорошо известных ей архивных источников и развивая выводы работ своих предшественников, автор детально характеризует мобилизацию экономики на нужды обороны, уделяет большое внимание характеристике общества в условиях войны, показывает реализацию на практике первых социалистических преобразований в промышленности и на транспорте Карелии в 1918–1920 годах, прослеживает процесс организации производства, укрепления трудовой дисциплины и повышения производительности труда на промышленных предприятиях. Подробно исследованы первые аграрные преобразования советской власти в крае, формы самоорганизации крестьянского населения и становление первых коллективных хозяйств и совхозов, творческая инициатива жителей Карелии, направленная на развитие сельского хозяйства, преодоление топливного кризиса, борьбу с голодом и разрухой на Мурманской железной дороге в 1920 году. Показан переход от демократии к чрезвычайной политике в условиях надвигающегося голода и начавшихся боевых действий.

Характеризуя проведение в области экономики системы мероприятий, вошедших в историю под названием военного коммунизма, исследовательница подводит читателей к заключению, что эта чрезвычайная социально-экономическая политика, несмотря на все ее недостатки, позволила советской власти выстоять в тяжелое военное время и обеспечить фронт самым необ-

ходимым, дать тылу хоть какие-то промышленные товары, сырье и продовольствие.

Обращает на себя внимание исследовательский интерес Г. Н. Богдановой к дискуссионной ныне проблематике – региональному измерению деятельности партийных и советских органов, которая в постсоветское время долго оставалась вне поля зрения современных историков. Однако сегодня авторы обобщающих академических трудов по истории Советской России справедливо называют партию большевиков «воюющей партией», ядром организации обороны страны, ее политической и государственной системы. «Она была своего рода нервной и кровеносной системой всего государственного организма», – отмечают известные специалисты по вопросам раннесоветской истории России В. И. Голдин и В. В. Кондрашин, признавая, что

«огосударствление и милитаризация большевистской партии вели, вместе с тем, к ее отчуждению от выражения интересов тех, чьи интересы она призвана была представлять и защищать – рабочих и крестьян» [6: 923].

Всего Г. Н. Богдановой опубликовано свыше 50 научных работ. К незаконченным трудам конца 1980-х годов относится рукопись докторской диссертации по теме «Хозяйственное строительство на Европейском Севере России в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)». В 1986 году Галина Николаевна была вынуждена уйти на пенсию. Это совпало с перестройкой, затем наступил постперестроечный период – время, когда темы, связанные с социалистическим переустройством общества, стали неактуальными. Галина Николаевна тяжело переживала крушение прежних идеалов. Как и многие историки ее поколения, она оставалась убежденным коммунистом, сторонником социалистических ценностей.

ПЕРИОД ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ВЕПСОВ

Период конца 1980-х – начала 1990-х годов принес и положительные перемены. Он стал временем оживления национальных движений в республике, периодом этнической мобилизации вепсов, в культурные задачи которой входило восстановление вепсской письменности, введение изучения вепсского языка в школах, написание учебников и подготовка учителей. Галина Николаевна стала очевидцем второго периода, связанного с возрождением вепсов, и была рада, что дело, которым занимался ее отец, не пропало даром.

В то время предметом острого обсуждения стала и ее малая родина, о которой она всегда вспоминала с тоской. В 1958–1959 годах из-за экс-

тремальных социально-экономических условий, возникших по вине областных властей, жители Шимозерского края вынуждены были покинуть свои родные места. Это переселение, названное *шимозерской трагедией*, было правдиво описано писателем А. В. Петуховым – земляком Г. Н. Богдановой [11]. Возникло движение за возрождение Шимозерья.

Галина Николаевна участвовала в некоторых мероприятиях «Общества вепсской культуры», писала заметки в вепсскую газету «Kodima». В первом объявленном конкурсе на знание вепсского языка она заняла одно из призовых мест за сочинение «Minun güred» («Мои корни»).

Она кропотливо собирала материалы о своем отце. К 100-летию со дня рождения Н. И. Богданова был подготовлен сборник статей о культуре и языке вепсов, посвященный его памяти, в котором Галина Николаевна выступила соавтором биографической статьи [3]. Этот сборник, как дорогая реликвия, до конца жизни находился рядом с ней.

Как и ее отец, она была идеалом для своих детей, им она сумела передать главное дело его жизни – изучение вепсов. Сын Галины Николаевны – поэт М. Ю. Башнин (1960–2006) – заинтересовался вепсским языком, на котором разговаривали мама с бабушкой и другими родственниками, выучил его и стал писать на нем стихи. Большое влияние на поэта оказала поездка на родину матери – в Шимозеро в 1986 году. Большая часть сборника его проникновенных стихов на вепсском языке «Vanh zirkul» («Старое зеркало») ²⁷ посвящена малой родине ученых Богдановых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в контекстуальной биографии Г. Н. Богдановой отразились судьбоносные моменты в истории вепсского народа, связанные с изменениями в национальной политике, тяжелые годы Великой Отечественной войны. Научные исследования Г. Н. Богдановой внесли большой вклад в изучение истории Карелии и Европейского Севера России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В то время – ИЯЛИ Карельского филиала АН, ныне – ИЯЛИ Карельского научного центра РАН.
- ² Ливеровский Е. Охота на медведей в Лодейнопольском уезде // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 24. С. 280.
- ³ Гаврилов С. Шимозерье после революции (Оттиск статьи).
- ⁴ Личное дело Г. Н. Богдановой. Научный архив КарНЦ РАН (НА КарНЦ). Ф. 2. Оп. 35. Д. 217. Л. 10.
- ⁵ Гаврилов С. Шимозерье после революции...
- ⁶ Личный архив Г. Н. Богдановой.
- ⁷ НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 217. Л. 10.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Личный архив Г. Н. Богдановой.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Встреча через 40 лет // Петрозаводский университет. 1989. № 23 (16.06). С. 2.
- ¹² Вебер Д. Встреча через 35 лет // Петрозаводский университет. 1984. № 24 (22.06). С. 2.
- ¹³ НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 217. Л. 11.
- ¹⁴ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 41. Д. 14.
- ¹⁵ НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 217. Л. 15.
- ¹⁶ Там же. Л. 37.
- ¹⁷ Богданова Г. Н. Крестьяне Карелии во II половине XVIII века: Дис. ... канд. ист. наук / Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории и Карело-фин. филиал. Л., 1953. С. II–III.
- ¹⁸ НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 217. Л. 29–32.
- ¹⁹ Богданова Г. Н. Крестьяне Карелии во II половине XVIII века: Дис. ... канд. ист. наук...
- ²⁰ Первая женщина-ученый народности вепс // Вечерний Ленинград (В рубрике «День нашего города: Подготовка научных кадров»). 1953. № 91 (17.04). С. 1.
- ²¹ Подготовка научных кадров // Смена. 1953. № 92 (18.04). С. 2.
- ²² Там же.
- ²³ НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 279. Л. 28–30; Д. 309. Л. 26; Д. 310. Л. 54–55, 61; Д. 330. Л. 91; Д. 335. Л. 11.
- ²⁴ НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 217. Л. 60.
- ²⁵ Богданова Г. Н. Крестьяне Карелии во II половине XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953. 21 с.
- ²⁶ НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 217. Л. 84.
- ²⁷ Башнин М. Vanh zirkul = Старое зеркало: Стихи на вепс. и рус. яз. Петрозаводск: Периодика, 2003. 64 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова Г. Н. К вопросу об имущественном и социальном расслоении крестьянства Карелии во второй половине XVIII в. // Вопросы истории Карелии. 1958. Вып. 10. С. 35–49.
2. Богданова Г. Н. На хозяйственном фронте, 1918–1920. Хозяйственное строительство в Карелии в годы иностранной интервенции и гражданской войны. Петрозаводск: Карелия, 1980. 191 с.
3. Богданова Г. Н., Винокурова И. Ю. Николай Иванович Богданов: человек и ученый (к 100-летию со дня рождения) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (Памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. С. 35–74.
4. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии: Сб. документов и материалов / Под ред. В. И. Машезерского и Н. Ф. Славина. Петрозаводск: Госиздат Карел. АССР, 1957. 638 с.
5. Дубровская Е. Ю. Гражданская война в Олонецкой Карелии глазами участников и очевидцев событий (по воспоминаниям 1930–1950-х годов) // Гражданская война в Олонецкой Карелии (1918–1920): Материалы науч.-практ. конф. Петрозаводск: ПетрГУ, 2020. С. 110–130.
6. История России: В 20 т. Т. 12: Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 1: Военное и политико-дипломатическое противоборство. М.: Наука, 2024. 969 с.
7. Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции. 1918–1920: Сб. документов и материалов / Под ред. Я. А. Балагурова и В. И. Машезерского. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1964. 648 с.
8. Кораблев Н. А., Макуров В. Г. Алексей Степанович Жербин (к 90-летию со дня рождения) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. 2013. № 4. С. 143–145.
9. Кораблев Н. А., Макуров В. Г. Яков Алексеевич Балагуров (к 110-летию со дня рождения) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. 2014. № 3. С. 173–175.
10. Очерки истории Карелии / Под ред. В. Н. Бернадского, И. И. Смирнова, Я. А. Балагурова. Т. 1. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1957. 430 с.
11. Петухов А. Трудная судьба потомков веси // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля: Атена, 1995. С. 437–451.
12. Смирнова Т. М. Просвещение среди вепсов Ленинградской области (1920–1930-е гг.) // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2008. С. 112–121.

Поступила в редакцию 18.10.2024; принята к публикации 13.01.2025

Original article

Irina Yu. Vinokurova, Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-1967-7911; irvin@sampo.ru

Elena Yu. Dubrovskaya, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-1893-7873; lendubrovskaya@inbox.ru

GALINA NIKOLAYEVNA BOGDANOVA: THE 100th ANNIVERSARY OF THE SCHOLAR

Abstract. The article is dedicated to the memory of Galina Nikolayevna Bogdanova, a Karelian historian, whose 100th anniversary is celebrated on 28 February 2025. Based on the contextual approach to analyzing biographical sources, the article presents the most important milestones in her life and work in both science and education. Galina Bogdanova belongs to the first generation of women scientists from the national periphery of Russia who received higher education during the Soviet period, became candidates of science, and were engaged in scientific research and teaching. The main areas of her scientific interest were the history of Karelia during the second half of the XVIII century and the first years of Soviet power, as well as the history of the European North of Russia during the military intervention and the Civil War. The contextual biography of Galina Bogdanova reflects fateful moments in the history of the Veps people associated with drastic changes in national policy, the difficult years of the Great Patriotic War, research by Soviet historians of Karelia, and the history of Petrozavodsk State University.

Keywords: G. N. Bogdanova, biography, Veps, science, women, history of Karelia

Acknowledgements. The article was written as part of the state research project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Project No 124022000029-0).

For citation: Vinokurova, I. Yu., Dubrovskaya, E. Yu. Galina Nikolayevna Bogdanova: the 100th anniversary of the scholar. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):33–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1143

REFERENCES

1. Bogdanova, G. N. Revisiting the issue of property and social stratification of Karelian peasantry in the second half of the XVII century. *Voprosy istorii Karelii*. 1958;10:35–49. (In Russ.)
2. Bogdanova, G. N. On the economic front, 1918–1920. Economic construction in Karelia during the years of foreign intervention and the Civil War. Petrozavodsk, 1980. 191 p. (In Russ.)
3. Bogdanova, G. N., Vinokurova, I. Yu. Nikolay Ivanovich Bogdanov: a man and a scholar (celebrating his 100th anniversary). *Modern Veps science: achievements and prospects (In memory of N. I. Bogdanov)*. Petrozavodsk, 2006. P. 35–74. (In Russ.)
4. The struggle for the establishment and expansion of the Soviet state in Karelia: Collection of documents and materials. (V. I. Mashezersky, N. F. Slavin, Eds.). Petrozavodsk, 1957. 638 p. (In Russ.)
5. Dubrovskaya, E. Yu. The Civil War in Olonets Karelia through the eyes of participants and witnesses of the events (based on memories from the 1930s–1950s). *The Civil War in Olonets Karelia (1918–1920): Proceedings of the research and practical conference*. Petrozavodsk, 2020. P. 110–130. (In Russ.)
6. History of Russia: In 20 vols. Vol. 12: The Civil War in Russia. 1917–1922. Book 1: Military, political, and diplomatic confrontation. Moscow, 2024. 969 p. (In Russ.)
7. Karelia during the Civil War and foreign intervention. 1918–1920: Collection of documents and materials. (Ya. A. Balagurov, V. I. Mashezersky, Eds.). Petrozavodsk, 1964. 648 p. (In Russ.)
8. Korablev, N. A., Makurov, V. G. Aleksey Stepanovich Zherbin (celebrating his 90th anniversary). *Transactions of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences. Research in the Humanities*. 2013;4:143–145. (In Russ.)
9. Korablev, N. A., Makurov, V. G. Yakov Alekseyevich Balagurov (celebrating his 110th anniversary). *Transactions of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences. Research in the Humanities*. 2014;3:173–175. (In Russ.)
10. Essays on the history of Karelia. (V. N. Bernadsky, I. I. Smirnov, Ya. A. Balagurov, Eds.). Vol. 1. Petrozavodsk, 1957. 430 p. (In Russ.)
11. Petukhov, A. The difficult fate of the Veps descendants. *The Baltic-Finnic peoples. History and destinies of related peoples*. Jyväskylä, 1995. P. 437–451. (In Russ.)
12. Smirnova, T. M. Education among the Veps of the Leningrad Region (1920–1930s). *Historical and cultural heritage of the Veps and the role of museums in the life of the local community*. Petrozavodsk, 2008. P. 112–121. (In Russ.)

Received: 18 October 2024; accepted: 13 January 2025

Научная статья

Отечественная история

DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1144

EDN: NOTVNA

УДК 908

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-1408-3137; pashkov@petrsu.ru

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ СОКОЛОВ

студент 4-го курса Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

sokolowaa@list.ru

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТРОШИН: ОТ ЭСЕРА К СОЗДАТЕЛЮ МУЗЕЯ «МАРЦИАЛЬНЫЕ ВОДЫ»

А н н о т а ц и я . Впервые дана подробная характеристика деятельности Василия Александровича Трошина – первого директора музея «Марциальные воды». Актуальность темы обусловлена возрастающим в последние десятилетия интересом к местной (локальной) истории и к биографике. Новизна исследования заключается в выявлении и введении в научный обиход сведений о малоизвестном и незаслуженно забытом представителе карельской демократической интеллигенции, в молодости активном участнике революции 1905–1907 годов в Карелии, а в послевоенный период краеведе и основателе музея «Марциальные воды» В. А. Трошине. Материалом для статьи послужили архивные источники из личного фонда В. А. Трошина, хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра РАН. Их изучение позволило выявить многие эпизоды его долгой и бурной жизни, вклад в развитие краеведения, школьного образования и музейного дела в Карелии. Сделан обзор оставленных В. А. Трошиным мемуарных работ и показано их значение для изучения истории культурно-просветительской деятельности учителей и краеведов Олонецкой губернии и Карельской Трудовой Коммуны, музейного дела в Карелии, а также политической истории Русского Севера.

Ключевые слова: В. А. Трошин, биографика, Олонецкая губерния, Карелия, революция 1905–1907 годов, краеведение, музей «Марциальные воды», школьное дело, музейное дело

Для цитирования: Пашков А. М., Соколов А. А. Василий Александрович Трошин: от эсера к создателю музея «Марциальные воды» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 43–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1144

ВВЕДЕНИЕ

В течение последнего десятилетия сложилось особое направление гуманитарных исследований, именуемое «историческая биографика» (или «биографистика»). Значение биографии того или иного человека для историка трудно переоценить: биография – это не просто сумма фактов и связанных с ними документов, но и интерпретация роли личности в историческом процессе, в контексте эпохи, в творческих проявлениях, оставивших след в истории культуры, устроениях народа (см.: [3], [9], [13]).

Цель исследования – изучение биографии Василия Александровича Трошина (1882–1966),

участника революционного движения в Олонецкой губернии в 1905–1907 годах, краеведа, внесшего существенный вклад в развитие сферы образования, просвещения и культуры Карелии. Заслуги В. А. Трошина, к сожалению, забыты и остаются недооцененными. Между тем жизненный путь основателя и первого директора музея «Марциальные воды» позволяет не только показать формирование его политических взглядов, роль в революционных событиях 1905–1907 годов, вклад в реформирование школьного образования в первые годы советской власти и музейного дела в послевоенный период, но и проанализировать формирование

и эволюцию мировоззрения демократической интеллигенции Карелии рубежа XIX–XX веков в дореволюционный и советский период.

В ходе работы использовались документы Научного архива Карельского научного центра РАН¹ (НА КарНЦ РАН), где находится личный архивный фонд В. А. Трошина; хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелии (НА РК) материалы о деятельности партии социалистов-революционеров и о создании музея, а также газетные² и интернет-публикации, посвященные деятельности В. А. Трошина.

Теоретической основой исследования стали труды по истории политических партий и движений³ (см.: [1], [12], [16]), а также монографии, статьи и сборники документов⁴ о системе школьного образования в Олонецкой губернии (см.: [5], [6], [8], [10], [11]).

НАЧАЛО ПУТИ

Василий Александрович Трошин родился в Петрозаводске 1 января 1882 года в семье мелкого канцелярского служащего Петрозаводской городской управы⁵. В воспоминаниях «60 лет моей работы на ниве народного просвещения» он уточнял, что семья была бедной, многодетной (шестеро детей), отец получал 15 рублей в месяц.

«Бедность хуже нищеты. Я рано познал несправедливость жизни, социальное неравенство, контрасты богатства и бедности, безделья паразитов общества и тяжелого труда. Я страстно стремился к образованию, но бедность была препятствием...»⁶.

Мать Трошина была дочерью потомственного рабочего Александровского завода; семья жила в небольшом «домике на бывшей Большой Казарменской улице (ныне Льва Толстого, 27)...»⁷.

В 1896 году Трошин окончил Городское высшее начальное училище Петрозаводска, затем – Учительские курсы (1896–1899). Он вспоминал о годах учебы:

«В 1890 году я был зачислен в число учеников Петрозаводского городского училища (оно помещалось в здании кирпичной кладки в один этаж, которое сохранилось до наших дней на проспекте Фридриха Энгельса...»⁸; «...в 1896 году, 14 лет, я окончил городское училище. Мечтал о поступлении в гимназию, а в будущем о получении высшего образования, но по бедности нашей семьи вынужден был согласиться поступить писцом в городскую Управу с окладом месячного жалования в сумме 3 рублей. Работа писца была мне не по душе. И как только появилась возможность – я поступил на открывшиеся Педагогические курсы»⁹.

Представляется ценным, что Трошин в мемуарах пишет не только о своей жизни, но и дает

справки, касающиеся истории некоторых учебных заведений, например:

«В 1897 г. для подготовки учительских кадров для земских школ были открыты в Петрозаводске “Двухгодичные губернские педагогические курсы”. На курсы поступали окончившие Городские училища и высшие начальные училища г. Петрозаводска и уездных городов дети мещан, крестьян, мелких чиновников, то есть демократический контингент. На курсах преподавали психологию, педагогику, дидактику и методики... Позднее была открыта в г. Петрозаводске Учительская семинария для подготовки учительских кадров для начальных школ»¹⁰.

С годами учебы связано приобщение к революционным идеям:

«Когда я учился на педагогических курсах, я познакомился со студентами, которые участвовали в студенческих противоправительственных беспорядках. Через них мы получали нелегальную литературу. В студенческих кружках велись политические беседы»¹¹.

ЗЕМСКИЙ УЧИТЕЛЬ И РЕВОЛЮЦИОНЕР

Окончив педагогические курсы, Трошин в 17 лет начинает работать народным учителем в земских школах Олонецкой губернии, первое время – в Ругозерском училище¹². Свои впечатления о работе в отдаленных школах Повенецкого уезда он передает так:

«... я столкнулся с подлинной жизнью народа... Темнота, невежество... Только народный учитель, единственная культурная сила на деревне, укажет прямой путь к народному счастью»¹³.

Желание просвещать народ и помогать ему выйти на светлую дорогу поддерживалось в Трошине общением с политическими ссыльными, сближение с которыми началось в карельской глубинке в 1902–1905 годах: студентом Корндорфом и Леоновым, рабочим с уральского Златоустовского завода Поперековым, поляком Цымлянским, князем Кугушевым¹⁴, доктором Сомовым (в Ругозере), большевиком М. И. Калининным (в Мяндусельге и в Повенце)¹⁵. «...В 1905 г. я уже сознательно вступил на путь революционной борьбы»¹⁶, – замечает Трошин, вспоминая о том, как хранил дома в Петрозаводске, приезжая на каникулы в родительский дом, нелегальную литературу (например, материалы от Крестьянского союза), спрятав ее за печкой в своей комнате¹⁷. «Нелегальную литературу я получал через книжный магазин¹⁸, где руководил большевик т. Копяткевич»¹⁹. Сохранилось воспоминание В. А. Трошина о том, как летом 1906 году он укрывал в родительском доме на Большой Казарменской разыскиваемого полицией товарища «от партии рабочих» Алексея Егоровича Бадаева²⁰, большевика с 1904 года,

члена Петербургского комитета РСДРП, будущего делегата в IV Государственную думу от фракции большевиков, а в 1920-х годах – заместителя председателя Ленинградского губисполкома.

В мае 1906 года в Петрозаводске В. А. Трошин установил тесную связь с кружком студента Александра Копяткевича²¹, общался с другими членами социал-демократической ячейки (Николаем Григорьевым, Лазарем Яблонским, Галиной Тушовской и др.) и выступал во время маевки 1906 года на Кукковке, участвовал в митинге в Народном доме, демонстрации рабочих Александровского завода (август 1906 года) и других массовых политических акциях²². За выступления на митингах и собраниях состоял на учете в полиции²³.

В начале 1906 года в Петрозаводске была создана ячейка общероссийской леворадикальной партии социалистов-революционеров. Инициаторами ее создания выступили служащий земского склада сельскохозяйственных орудий Петрозаводского уездного земства В. Н. Панов, наборщик типографии Каца Леонид П. Сергеев, учитель В. А. Трошин, рабочие Александровского завода А. Ф. Морозов и К. А. Шакшин. К концу года ячейка состояла из 30 человек. Программы эсдеков и эсеров были очень близки, поэтому партийные деятели устраивали много совместных акций, и все же Трошина, хорошо знавшего жизнь крестьян, прежде всего привлекла позиция социалистов-революционеров по вопросу о земле.

Земский учитель много беседовал с крестьянами, разъясняя им содержание требований Крестьянского союза и эсеровской программы:

«В революционное движение было в 1906 г. втянуто и крестьянство Олонецкой губернии. Например, основные организации Крестьянского союза было положено 1 августа 1906 г. в с. Линдозере. Большую роль в революционном движении среди крестьян Олонецкой губернии сыграли учителя. И это вполне понятно: политические ссыльные находили среди учительства благоприятную почву для распространения революционной идеологии. Учителя... принимали наиболее активное участие в революционном движении, за что подвергались репрессиям»²⁴.

Еще один ключевой эпизод:

«За свою революционную деятельность я подвергся обыску и дознанию... дело рассматривалось в мае – июне 1907 г. в Петрозаводске... выездной сессией Петербургской Судебной Палаты под председательством Крашенинникова. Я привлекался как соучастник по делу лесного кондуктора Линдозерского лесничества И. В. Балабанова, который обвинялся в революционной деятельности среди крестьян Повенецкого уезда»²⁵.

Кроме нелегальной литературы, у И. В. Балабанова при обыске нашли письмо с инициалами

«В. Т.», и заподозрили в связи с ним известного своей политической неблагонадежностью Василия Трошина²⁶. Однако эксперты не пришли к однозначному выводу в пользу сходства почерка на конверте и автографов. Балабанов был приговорен к году заключения в крепости, а Трошин освобожден от наказания за недостаточностью улик²⁷.

В июне 1907 года В. А. Трошин участвовал в нелегальном Всероссийском съезде учителей, проходившем в здании Народного дома под Выборгом в Финляндии.

«Обсуждали вопросы, как свергнуть царское правительство, установить народную власть, создать свободную демократическую школу»²⁸, «...мечтали, что будет построено общество на началах социальной справедливости и что все народы на земле будут жить в мире – свобода, равенство, братство»²⁹.

Съезд учителей принял резолюцию:

«Свержение самодержавия, республика, учредительное собрание, всеобщее избирательное право... свобода слова, свобода печати, свобода собраний, свобода совести... всеобщее обучение, доступность высшего образования для рабочих и крестьян, свобода учительского профсоюза и др.»³⁰

Вернувшись в Линдозеро, Трошин прятал нелегальную литературу в старинной церкви под шатровым куполом, а на сельском сходе рассказывал крестьянам о кооперативах, необходимости установления справедливого распределения земли по количеству едоков, агитировал бедняков составлять жалобы на произвол лесопромышленников и приказчиков³¹. За подобные акции он был уволен из Линдозерской школы и переведен в с. Гимолы Повенецкого уезда, где проработал с 1909 по 1914 год и стал составителем «Устава Гимольского потребительского общества», которое имело целью «улучшение материального положения его членов... стремится к насаждению сельскохозяйственной культуры и различного рода хозяйств на кооперативных началах»³².

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В 1914 году с началом Первой мировой войны В. А. Трошин был мобилизован в армию, хотя придерживался пацифистских взглядов³³. Находясь в составе 272-го Гатчинского полка, был ранен и в 1915 году под Варшавой попал в плен. До 1918 года пребывал в лагере Бургбей³⁴ близ Магдебурга в Восточной Пруссии³⁵.

После освобождения из плена Василий Александрович вернулся к преподавательской деятельности. В 1919–1927 годах работал инспектором-ревизором Карельского отдела народного

образования (КОНО), заведовал Республиканской опытно-показательной школой, ставившей во главу угла трудовое воспитание учащихся, руководил педпрактикой студентов Петрозаводского педагогического техникума. В 1921 году был делегатом Всероссийского съезда работников просвещения в Москве. В 1928–1941 годах много внимания уделял атеистической пропаганде³⁶, читал лекции. В 1932–1937 годах работал в системе Наркомсобеса КАССР инспектором. С 1937 года до начала Великой Отечественной войны преподавал в вечерней школе для молодежи (возможно, это понижение в карьерном росте было вызвано тем, что в прошлом Трошин принадлежал к эсеровской организации, но до ареста дело не дошло).

СОЗДАТЕЛЬ МУЗЕЯ В МАРЦИАЛЬНЫХ ВОДАХ

В 1941 году В. А. Трошин был эвакуирован в Каргополь, затем в Кемь, где состоял культур-работником в военно-полевом госпитале. В 1944 году продолжил трудиться в Мурманске, Мончегорске и Сегеже. После освобождения Петрозаводска в 1944 году Василий Александрович был назначен заведующим Отделом природы Карело-Финского краеведческого музея (музей располагался тогда в здании недавно восстановленного собора Александра Невского). В 1946 году он был начальником сектора охраны памятников при Управлении по делам архитектуры Карело-Финской ССР³⁷. Его главной заслугой в послевоенный период было создание музея в п. Марциальные воды. 22 марта 1946 года Совет Министров Карело-Финской ССР, «придавая большое значение делу восстановления исторических памятников», принял постановление об организации в деревне Дворцы (так тогда назывался поселок Марциальные воды) Петровского музея³⁸ (официальное название – Петровский исторический музей). Вероятно, тогда же В. А. Трошин был назначен его директором. По крайней мере им подписан отчет о работе музея уже за II квартал 1946 года.

Не найдено документа, в котором В. А. Трошин высказывает властям предложение о создании музея, хотя его биограф – музейный деятель и журналист Н. А. Гринин писал, что именно «по его инициативе и при его непосредственном участии собран музей Петра I в деревне Дворцы»³⁹.

Перед директором стояли две сложные задачи: провести реставрацию зданий церкви и дома смотрителя и создать музейную экспозицию. Реставрации мешала нехватка средств и отсутствие рабочей силы. В одном из отчетов В. А. Трошин писал, что в Петровском районе, к которому относилась деревня Дворцы, нет «не только квалифицированных рабочих,

но и вообще рабочей силы»⁴⁰. Была даже сделана неудачная попытка использовать на реставрации военнопленных из системы ГУЛАГа.

Другой проблемой было отсутствие экспонатов. «Фондов, коллекций, предметов, экспонатов и прочего музей пока не имеет»⁴¹, – замечал В. А. Трошин. В подготовленной им смете на восстановление музея было предусмотрено изготовление картин, портретов деятелей Петровской эпохи, бывавших на Марциальных водах, макетов, планов, чертежей, копий документов, копий и муляжей мебели и т. д. на общую сумму 331,5 тысяч рублей⁴² (в ценах 1946 года). Но таких денег ему, конечно, не дали.

В. А. Трошин хотел создать на базе Петровского музея целый музейный комплекс. В июле 1947 года он вышел с предложением в Комитет по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров Карело-Финской ССР о музеефикации корпуса Кончезерского завода, в котором тогда располагалась местная МТС⁴³.

Отсутствие рабочей силы, реставраторов и музейных работников и хроническое недофинансирование тормозили открытие музея. Он был торжественно открыт только 25 июня 1948 года в дни празднования 25-летия образования Карельской АССР. Посетители музея могли осмотреть выставку «Петр I в Карелии». К 19 августа музей посетило 380 человек. «За проделанную работу по восстановлению петровских памятников и выполнение плана по подготовке выставки к 25-летию Карело-Финской ССР» В. А. Трошин был награжден Почетной грамотой Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров Карело-Финской ССР⁴⁴.

В феврале 1949 года в Карелии отмечалось 100-летие первого полного издания «Калевалы». В ходе празднования этих торжеств в Петрозаводск приехали многие ученые и писатели, которые в рамках культурной программы посетили и Петровский музей. Сотрудник Института истории Академии наук СССР, руководитель группы по продолжению издания многотомных «Писем и бумаг Петра Великого» (иногда ее называли Петровской комиссией) профессор А. И. Андреев после посещения музея оставил такую запись в книге посетителей:

«Выставка-музей “Петр Первый в Карелии” представляет несомненный интерес... Удалось в короткий срок собрать довольно большое количество экспонатов, напоминающих о пребывании и деятельности Петра Великого в Карелии. Выставка-музей, устроенная во “Дворцах”, заслуживает того, чтобы ее посещали трудящиеся городов и местных деревень: она послужит распространению исторических знаний о прошлом края в начале XVIII века»⁴⁵.

Кроме А. И. Андреева, в разное время музей посещали известные историки: В. Н. Бернадский, К. В. Сивков, академик М. Н. Тихомиров и др.

С 1946 по 1957 год В. А. Трошин работал в должности директора, затем научного сотрудника новосозданного Петровского музея. За свой многолетний труд на ниве просвещения и музейного дела он был удостоен звания персонального пенсионера.

ВЫВОДЫ

Василий Александрович Трошин – один из ярких представителей социокультурной истории Карелии, внесший свой вклад в революционное движение, школьное и музейное дело. Биография В. А. Трошина – зеркало российской истории XX века, отражающее революционное и военное прошлое нашей Родины, эпоху социальных экс-

периментов, этапы строительства Советского государства, новой системы образования и культурных учреждений.

Судьба и эволюция взглядов Василия Трошина были типичными для демократической интеллигенции, вставшей на сторону советской власти после 1917 года и пришедшей к борьбе за сохранение культурного наследия на закате жизни. Из этого поколения вышли создатели музеев в Кондопоге (С. В. Шежемский⁴⁶), Пудоже (А. Ф. Кораблев⁴⁷), Олонце (Н. Г. Прилукин⁴⁸). Этот образ борца против старого мира в молодости и собирателя и хранителя осколков этого мира на закате жизни вошел и в художественную литературу (образ Поливанова в написанном в 1980 году романе Д. Гранина «Картина»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Личный фонд. Трошин Василий Александрович // Научный архив КарНЦ РАН (далее – НА КарНЦ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 1–28.
- ² Клишко В. И. Музей Петра Великого в деревне Дворцы // На рубеже. 1949. № 9. С. 91–96; Гринин Н. А. Старейший краевед // Ленинская правда [газета]. 1962 (от 16 января); Шейнблат Г. Полвека тому назад // Знамя труда. № 48 (1077). 1957. 15 июня. (Газетная вырезка со статьей хранится в: НА КарНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7.)
- ³ См. мемуарные источники и сборники документов: Копятеквич А. А. Из революционного прошлого Олонецкой губернии (1905–1908 гг.). Петрозаводск, 1922. 54 с.; Революционные события в Карелии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.): Сб. документов и материалов. 2-е изд., испр. и доп. Петрозаводск, 1981. 176 с.; 1905 год в Карелии: Сб. / Под ред. П. И. Буткевича, Я. Э. Виртанен, М. А. Гудошникова, Н. В. Хрисанова. Петрозаводск, 1926. 96 с.
- ⁴ См., напр.: Очерки по истории народного образования Карелии XVII–XXI вв. / Автор-сост. В. Г. Кондратьев. Петрозаводск, 2011. 173 с.
- ⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.
- ⁶ Там же. Д. 18. Л. 1.
- ⁷ Там же. Д. 11. Л. 12, 3.
- ⁸ Там же. Л. 1А.
- ⁹ Там же. Л. 3.
- ¹⁰ Там же. Д. 17. Л. 10–11. До 1903 года в Петрозаводске еще не существовало специального учебного заведения для подготовки земских учителей. Об открытии Петрозаводской учительской семинарии сообщалось в газете «Олонецкие губернские ведомости» от 25 сентября 1903 года. В объявлении об открытии семинарии говорилось, что «Петрозаводская учительская семинария учреждается в составе четырех классов (трех основных и приготовительного). Курс учения в семинарии продолжается 4 года... Обучение бесплатное... В семинарию принимаются молодые люди всех сословий православного вероисповедания; только в приготовительный – не моложе 14 лет и не старше 16 лет, а в первый – не моложе 15 и не старше 18 лет» (Из объявления в газете об открытии и условиях приема учащихся в Петрозаводскую учительскую семинарию // Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы: В 3 кн. Кн. 2. 1803–1901 / Науч. ред. О. П. Илюха, Н. А. Кораблев, Д. З. Генделев. Петрозаводск, 2001. С. 233).
- ¹¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.
- ¹² Ныне с. Ругозеро относится к Муезерскому району Республики Карелии.
- ¹³ НА КарНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.
- ¹⁴ Кугушев В. А. (1863–1944) – князь, участник революционного движения, летом 1903 года был сослан в Паданы, в начале 1904 года за самовольную отлучку был переведен в Куганаволок, добился перевода в Пудоже и затем в Вытегру, откуда в июле 1905 года бежал за границу. См. о нем: [14], [17: 22–24].
- ¹⁵ См.: НА КарНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 4; Д. 9. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Д. 13. Л. 4.
- ¹⁷ Там же. Л. 2.
- ¹⁸ Магазин, в котором хранилась и тайно распространялась нелегальная литература, в 1906 году располагался на ул. Садовой (ныне – ул. Кирова), в доме купца Селевёрстова в Петрозаводске.
- ¹⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 18. Л. 3–4. О А. А. Копятеквиче см.: [2].
- ²⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 3–11.
- ²¹ В. А. Трошин вспоминал, как полвека спустя случайно встретился во время поездки в Москву с А. Копятеквичем, завязалась переписка: сохранились письма 1956 и 1959 годов (НА КарНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–7).

- ²² Там же. Д. 18. Л. 3–4.
- ²³ Там же. Д. 13. Л. 3.
- ²⁴ Там же. Л. 1.
- ²⁵ Там же. Д. 18. Л. 4.
- ²⁶ См. материалы дела, подписанного 12 апреля 1907 года Товарищем Прокурора О. Жабой, в фонде Национального архива Республики Карелии (далее – НАРК): «К делу относятся вещественные доказательства: печатное воззвание “Ко всем рабочим России”, письмо Балабанова, 4 листка бумаги с почерком Трошина» (Прокурор Петрозаводского окружного суда (1880–1918) // НАРК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 8/68. Л. 31–32).
- ²⁷ В документах дознания говорится: «К делу относятся вещественные доказательства: печатное воззвание “Ко всем рабочим России”, письмо Балабанова, 4 листка бумаги с почерком Трошина. Хранится при деле. Товарищ Прокурора О. Жаба. Апреля 12 дня 1907 года» (НА РК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 8/68. Л. 31, 32).
- ²⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17. Л. 21.
- ²⁹ Там же. Д. 18. Л. 22.
- ³⁰ Там же. Л. 5.
- ³¹ Там же. Л. 6.
- ³² Там же. Д. 5. Л. 1.
- ³³ Там же. Д. 18. Л. 15.
- ³⁴ Точное название местечка – Burg-bei-Magdeburg.
- ³⁵ См. также: НА КарНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 20. Записки старого учителя (1917–1921). Л. 3.
- ³⁶ Атеистическим духом В. А. Трошин, по его воспоминаниям, проникся еще в школьные годы: «Когда мне было 8 лет, я горячо по всем правилам поповской науки молился богам (иконам), чтобы они вызволили нас из нищеты и помогли, облегчили моей несчастной матери жизнь. Но тщетны были мои мольбы и поколебалась моя вера в справедливость и силу богов. Наблюдая жизнь духовенства, их поведение в быту, я убедился, что они сами вряд ли верят в бога, что они обманщики... Изучение естественных наук пролагало путь к атеизму... и к 17 годам у меня сформировалось атеистическое мировоззрение» (НА КарНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17. Л. 1).
- ³⁷ Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1946–1979 гг.). Петрозаводск, 2014. С. 135.
- ³⁸ НА РК. Ф. 2152. Оп. 1. Д. 12/101. Л. 3.
- ³⁹ Гринин Н. А. Старейший краевед // Ленинская правда [газета]. 1962 (от 16 января).
- ⁴⁰ НА РК. Ф. 2152. Оп. 1. Д. 12/101. Л. 81.
- ⁴¹ Там же. Л. 35.
- ⁴² Там же. Л. 27 об.
- ⁴³ Там же. Л. 79.
- ⁴⁴ Там же. Д. 5/43. Л. 128.
- ⁴⁵ Клишко В. И. Музей Петра Великого в деревне Дворцы // На рубеже. 1949. № 9. С. 96.
- ⁴⁶ Подробнее о С. В. Шежемском см.: [15].
- ⁴⁷ Подробнее о А. Ф. Кораблеве см.: [9].
- ⁴⁸ Подробнее о Н. Г. Прилукине см.: [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балагуров Я. А. Карелия в годы первой русской революции (1905–1907). Петрозаводск: Карелия, 1977. 110 с.
2. Вавулинская Л. И. Копяткович Александр Антонович // Карелия: Энциклопедия. Т. 2. Петрозаводск: ПетроПресс, 2009. С. 92.
3. Вахромеева О. Б. Биографика: Методика написания биографий (Учебник) / Под ред. Б. В. Ананьича. СПб.: Лема, 2013. 179 с.
4. Гилоева Т. Е. Н. Г. Прилукин – основатель и первый директор Олонецкого музея // Музеи в северном измерении: Сборник научных трудов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. С. 116–119.
5. Иванов П. В. Из истории русской школы в Карелии // Ученые записки Карельского педагогического института. 1960. Т. 10. С. 101–107.
6. Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.
7. История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М.: Квадрига, 2010. 720 с.
8. Калинина Е. А. Народные школы Олонецкого края в XIX – начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 263 с.
9. Кораблев Н. А. Создатель Пудоожского музея // Краеведение и музей. Петрозаводск: Карельский государственный краеведческий музей, 1996. С. 49–58.
10. Кучепатов Н. Г. Городские училища и их место в системе народного образования дореволюционной России // Ученые записки Карельского педагогического института. 1969. Т. 9. С. 43–56.
11. Кучепатов Н. Г. Школа в дореволюционной Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1956. 107 с.
12. Пашков А. М. Политическая ссылка и развитие исторического краеведения Карелии в XIX – начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2022. 336 с.
13. Петровская И. Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. 2-е изд. СПб.: Петрополис, 2010. 381 с.
14. Писаренко Э. Е. Кадет князь В. А. Кугушев // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 150–156.

15. Пудышев Г. Я. Кондопожский педагог и краевед С. В. Шежемский // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы III краеведческих чтений. Петрозаводск; Кондопога: Исследовательский центр «Русский Север», 2000. С. 7–19.
16. Шумилов М. И. Революционное движение в Карелии в 1905–1907 гг. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1955. 44 с.
17. Шумилов М. И. За счастье народное. Петрозаводск, 1967. 145 с.

Поступила в редакцию 11.09.2024; принята к публикации 13.01.2025

Original article

Alexander M. Pashkov, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation) *ORCID 0000-0003-1408-3137; pashkov@petrsu.ru*
Alexander A. Sokolov, Undergraduate Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation) *sokolowaa@list.ru*

VASILY ALEXANDROVICH TROSHIN: FROM A SOCIALIST REVOLUTIONARY TO THE FOUNDER OF THE MARCIAL WATERS MUSEUM

Abstract. This article offers the first comprehensive examination of the activities of Vasily Alexandrovich Troshin, the first director of the Marcial Waters Museum. The relevance of this research stems from the increasing interest in “local” history and biographical studies (biographics) in recent decades. The originality of this work lies in the identification and introduction of previously overlooked information about V. A. Troshin, an undeservedly forgotten representative of the democratic intelligentsia in Karelia, who was an active participant in the Revolution of 1905–1907 during his youth and later became a local historian and founder of the Marcial Waters Museum in the post-war period. The article draws upon archival sources from V. A. Troshin’s personal collection, housed in the Scientific Archives of the Karelian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. Through this analysis, numerous episodes from his extensive and eventful life are revealed, highlighting his contributions to local history, education, and the museum sector in Karelia. Additionally, the article reviews Troshin’s memoirs, emphasizing their significance for studying the cultural and educational endeavors of teachers and local historians in the Olonets Province and the Karelian Labor Commune, as well as museum practices in Karelia and the political history of the Russian North.

Keywords: V. A. Troshin, biographics, Olonets Province, Karelia, Revolution of 1905–1907, local history, Marcial Waters Museum, schooling, Karelian sector

For citation: Pashkov, A. M., Sokolov, A. A. Vasily Alexandrovich Troshin: from a Socialist Revolutionary to the founder of the Marcial Waters Museum. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):43–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1144

REFERENCES

1. Balagurov, Ya. A. Karelia during the First Russian Revolution (1905–1907). Petrozavodsk, 1977. 110 p. (In Russ.)
2. Vavulinskaya, L. I. Kopyatkevich Alexander Antonovich. *Karelia: Encyclopedia*. Vol. 2. Petrozavodsk, 2009. P. 92. (In Russ.)
3. Vakhromeeva, O. B. Biographics: Methods of writing biographies (Textbook). (B. V. Ananyich, Ed.). St. Petersburg, 2013. 179 p. (In Russ.)
4. Giloeva, T. E. N. G. Prilukin, the founder and the first director of the Olonets Museum. *Museums in the northern dimension: Collection of research papers*. Petrozavodsk, 2007. P. 116–119. (In Russ.)
5. Ivanov, P. V. Excerpts from the history of Russian schools in Karelia. *Proceedings of Karelian Pedagogical Institute*. 1960;10:101–107. (In Russ.)
6. Ilyukha, O. P. School and childhood in Karelian villages in the late XIX – early XX centuries. St. Petersburg, 2007. 304 p. (In Russ.)
7. History through personality: a historical biography today. (L. G. Repina, Ed.). Moscow, 2010. 720 p. (In Russ.)
8. Kalinina, E. A. Public schools of the Olonets region in the XIX and the early XX centuries. St. Petersburg, 2009. 263 p. (In Russ.)
9. Korablyov, N. A. The founder of the Pudoga Museum. *Local history and museums*. Petrozavodsk, 1996. P. 49–58. (In Russ.)
10. Kuchepatov, N. G. Urban schools and their place in the system of public education in pre-revolutionary Russia. *Proceedings of Karelian Pedagogical Institute*. 1969;9:43–56. (In Russ.)
11. Kuchepatov, N. G. Schools in pre-revolutionary Karelia. Petrozavodsk, 1956. 107 p. (In Russ.)
12. Pashkov, A. M. Political exile and the development of local history in Karelia during the XIX and the early XX centuries. St. Petersburg, 2022. 336 p. (In Russ.)
13. Petrovskaya, I. F. Biographics: An introduction to science and a review of the sources of biographical information about Russian public figures in 1801–1917. St. Petersburg, 2010. 381 p. (In Russ.)
14. Pisarenko, E. E. Cadet Prince V. A. Kugushev. *Voprosy istorii*. 1997;2:150–156. (In Russ.)
15. Pudyshev, G. Ya. Kondopoga teacher and local historian S. V. Shezhemsky. *Kondopoga region in the history of Karelia and Russia: Proceedings of the III readings of local history*. Petrozavodsk; Kondopoga, 2000. P. 7–19. (In Russ.)
16. Shumilov, M. I. The revolutionary movement in Karelia in 1905–1907. Petrozavodsk, 1955. 44 p. (In Russ.)
17. Shumilov, M. I. For the happiness of the people. Petrozavodsk, 1967. 145 p. (In Russ.)

Received: 11 September 2024; accepted: 13 January 2025

КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ ГОДУНОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Европейский университет в Санкт-Петербурге
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1253-3886; kgodunov@eu.spb.ru

ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА ВОЛОХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5486-7740; vavolokhova@yandex.ru

**«ДЕМОКРАТИЯ» ПРОТИВ «БУРЖУАЗИИ»:
ЯЗЫК ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В МАРТЕ – СЕНТЯБРЕ 1917 ГОДА**

А н н о т а ц и я . В центре внимания авторов статьи – язык конфликта, который использовали представители различных политических сил в ходе кризисов 1917 года. Данная проблема впервые рассматривается на материалах находившейся на периферии революционных событий Олонецкой губернии. На основе анализа прессы, выходящей в столице губернии – Петрозаводске, исследованы особенности употребления слов, оформляющих и структурирующих конфликты, проанализированы политические контексты этих высказываний. Авторы приходят к следующим выводам: несмотря на то, что политическая борьба в крае развивалась не так остро, как в некоторых других регионах, язык конфликта оказал существенное воздействие на политическую ситуацию, а используемая разными политическими авторами риторика способствовала углублению многомерного раскола местного сообщества. Анализ языка противостояния в 1917 году позволяет приблизиться к пониманию культурных истоков гражданской войны.

Ключевые слова: революция 1917 года, гражданская война в России, язык конфликта, образы врага, анархия, Олонецкая губерния

Для цитирования: Годунов К. В., Волохова В. В. «Демократия» против «буржуазии»: язык политического конфликта в марте – сентябре 1917 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 50–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1145

ВВЕДЕНИЕ

История Российской революции в Олонецкой губернии – тема, вызывавшая и вызывающая интерес исследователей: советские историки подробно изучили особенности политической жизни края [15], а авторы новейших работ, используя антропологические подходы, исследовали, как различные группы населения воспринимали радикальные перемены революционной эпохи [2], [4]. В центре нашего внимания – язык конфликта, который использовали представители различных политических сил.

Колоссальные политические и социальные катаклизмы революционной эпохи нашли отражение в языке [13]. Более того, мы исходим из того, что «язык не просто передает или слегка преломляет значения, но создает, производит, задает видение ситуации и предопределяет способ дей-

ствия в ней» [12: 14]. В данной статье мы рассматриваем особенности употребления слов, оформляющих и структурирующих конфликты в этот переломный момент отечественной истории, анализируя политические контексты высказываний. Изучая, как развивался язык противостояния в 1917 году – в условиях массовой политизации, в период поиска новых слов, пригодных для говорения о стремительно меняющейся политической реальности, можно приблизиться к пониманию культурных истоков гражданской войны.

Особенностью политической ситуации в Олонецкой губернии было более позднее (в сравнении с центром) размежевание политических сил, что проявилось и в позднем оформлении отдельных партийных организаций, как либеральных, так и социалистических [8: 139]. Возникает вопрос: какой язык использовался для описания различных политических сил в регионе,

не знавшем такого накала политической борьбы, какой наблюдался в столице?

«УЖАСНЫЙ ПУТЬ ВАНДЕИ...»: ЯЗЫК КОНФЛИКТА ВЕСНОЙ 1917 ГОДА

После Февральского восстания в Олонецкой губернии сложилось несколько властных центров: администрация губернского комиссара Временного правительства, комитеты общественной безопасности, представлявшие собой «достаточно аморфное представительство различных обществ, союзов, кооперативов, политических партий и т. п.», и советы рабочих и солдатских депутатов [7: 348]. Развитие революции в крае определяла система сложных союзов между различными политическими группами.

Ранней весной, в период, когда преобладали эйфоричные, восторженные настроения, представители различных политических сил транслировали идею, что с падением монархии гражданский мир и демократические свободы вполне прочно обеспечены [14: 109–115]. При этом, как отмечают современные исследователи, в Олонецком крае «чувство радости соседствовало у людей с тревогой за будущее» [5: 205]. В газетных материалах марта превалировал мотив созидания новой России, раздавались призывы к межпартийному и социальному единству сторонников победившей революции. Однако подобное единство должно было быть достигнуто в том числе и в ходе размежевания с внутренним врагом. «Только полное единение всех революционных масс даст им силу сопротивления против затаившейся реакции»¹, – писали составители редакторской заметки, напечатанной в отражавшей позицию партии кадетов газете «Олонецкое утро». Это единение должно было быть достигнуто в ходе организованной борьбы с врагом:

«Общий враг всех революционных сил – старый режим, и против этого общего врага мы должны направить все наши объединенные силы, памятуя, что междоусобная распря сыграет лишь в руку и старому режиму, и внешнему грозному врагу»².

Распад единства мог привести к «междоусобной распре» – одной из главных опасностей для нового государства. Корреспондент «Олонецкого утра» описал позицию лодейнопольского кооператора Тихомирова, изложенную им 16 марта на митинге в Общественном собрании. Автор статьи счел нужным вступить за подвергнутого Тихомировым критике «вождя демократической буржуазии» П. Н. Милюкова. Он писал:

«Безусловно, наступит время, когда социал-демократический пролетариат и демократическая буржуазия разойдутся, но – выражаясь словами создателя русской со-

циал-демократии Г. В. Плеханова – мы должны сказать, – “этот момент еще не наступил”»³.

Как видим, «буржуазия» и «пролетариат» описывались как тактические союзники, конфликт которых в будущем неизбежен, но в настоящий момент несвоевременен. Показательно, что автор заметки сочувственно цитировал Г. В. Плеханова, рассуждавшего о том, к чему может привести раскол сторонников революции: «Гражданская война, вспыхни она в лагере победителей, позволит лишь реакции поднять голову и, может быть, даст ей возможность восторжествовать еще раз»⁴. Эта цитата – одно из первых известных нам упоминаний понятия «гражданская война» в петрозаводской прессе 1917 года. Симптоматично, что использовавший его автор статьи транслировал риторику, развиваемую авторитетным для умеренных социалистов лидером группы «Единство».

В «Известиях комитета общественной безопасности», представлявших либеральные силы, 24 марта отмечалось:

«Из хаоса розни, вражды, недоверия вырастает что-то одно великое и стройное, сплоченное одним желанием работать вместе, работать до конца <...> Жизнь быстро налаживается, двоярится спокойствие, порядок»⁵.

При этом корреспондент писал, что

«каждый день промедления нашу губернию, быть может, толкает все сильнее на ужасный путь Вандеи, которая сыграла такую грозную роль в революции Франции. Горе вандейцам!...»⁶.

Автор тиражировал страх: если земельные реформы замедлятся, Олонецкую губернию может ждать судьба провинции, восставшей против революции. Для обоснования этого политического прогноза использовался распространенный в марте образ: люди разных взглядов, знакомые с историей Французской революции, не могли не проводить параллели с революцией в России и не размышлять об опасностях крестьянского восстания.

Если призывы к единению превалировали в публикациях и политических выступлениях марта 1917 года, то к апрелю образ внутреннего врага стал вырисовываться более отчетливо (важно отметить, что в апреле – мае оформились организации политических партий в столице губернии и уездах). При этом главная опасность представителям и либерального, и социалистического лагерей виделась в восстановлении прежних порядков. Так, автор статьи, вышедшей 1 апреля, сомневался в искренности тех, кто раньше был приверженцем старого порядка:

«Таких довольно много и от них могут исходить реакционные начинания, их надо бояться допускать к новому строительству, их надо представлять в настоящем виде, снимать надетые ими маски... Дворянство, духовенство, купечество, высшие чины администрации – вот где более всего “граждан в масках”»⁷.

В это время среди социалистов язык класса получал все большее распространение. В частности, 18 апреля, в ходе первомайской демонстрации, звучали в том числе и речи «о борьбе пролетариата с буржуазией»⁸. Таким образом, ресурс праздника использовался для разжигания антибуржуазных настроений.

Если одни авторы искали внутренних врагов революции, то другие, напротив, указывали на надуманность этой проблемы и опасность излишнего увлечения подобными поисками. «У русской свободы нет больше “врага внутреннего”. Но силен “внешний враг” русской свободы»⁹, – писал корреспондент кадетской газеты «Олонецкое утро». В другой статье, опубликованной в тот же день в этой же газете, утверждалось, что опасность представляет внешний враг, а внутренний враг не так опасен. Автор ее отмечал, что сторонники победившей революции вносят «на деле лишь рознь, занимаясь откапыванием среди себя, существующих более в нашем воображении, внутренних врагов, не сочувствующих новому порядку»¹⁰.

Представитель либеральных кругов М. Крямичев заявлял, что угроза революции со стороны бывших царских чиновников не более чем миф, так как они все нейтрализованы новой властью. Истинная опасность исходила извне, от провокаторов, подосланных немцами. И хотя враждебная сила прямо не называлась, но приписываемые лозунги «Долой войну!», призыв не повиноваться Временному правительству давали понять, что речь идет о большевиках¹¹. Как видим, либералы писали о том, что подрыв внутреннего единства в ситуации внешней опасности представляет серьезную угрозу.

Уже в этот период для характеристики опасности, стоящей перед страной, либералы использовали слово «анархия», под которой подразумевалось отсутствие порядка, законности¹². Опасность анархии становилась главным аргументом в пользу сплочения вокруг Временного правительства (о политическом использовании понятия «анархия» см. [6]).

Таким образом, в газетных материалах ранней весны призывы к общественному согласию соседствовали с использованием образов врагов, ожиданием возможных конфликтов. Ситуация обострилась после Апрельского кризиса.

Экстренный выпуск «Известий комитета общественной безопасности», вышедший 22 апреля, был посвящен беспорядкам в Петрограде. Они описывались как стихийные волнения, которые пытался остановить Петроградский Совет. Председатель Лодейнопольского отдела Партии народной свободы Л. И. Либов писал:

«Грозные события, разыгравшиеся в Петрограде 20 и 21-го апреля, показали всем, даже крайним оптимистам, что наша молодая свобода не только еще не поставлена на рельсы, чтобы плавно катиться по пути укрепления ее и устроения Родины на демократических началах, но что она ежеминутно подвергается величайшей опасности потонуть в море анархии, столь усердно насаждаемой у нас путешественником, проехавшим через Германию. Наша глухая и еще не организовавшаяся провинция, с восторгом принявшая новый строй, с полным сознанием долга сплотившаяся вокруг Временного Правительства, в эти грозные дни почувствовала свою большую ответственность за все счастье Родины, за ее будущее. Все граждане должны идти с открытыми глазами, должны ясно сознавать, что перед нами промелькнули первые тени гражданской войны, эти первые ласточки Ленинской пропаганды. Долг каждого сознательно мыслящего гражданина понять теперь, что только партийная организация должна ответить на все выступления анархии, грозящей гибелью и нашей свободе, и демократической России»¹³.

Показательно, что в этот период времени понятие «гражданская война» использовалось политиками разных взглядов для характеристики Апрельского кризиса, оно получило достаточно широкое распространение в столичной прессе [3]. В петрозаводских же газетах статья Л. И. Либова стала одним из немногих текстов, в которых употреблялось это понятие. Опасность гражданской войны Либов персонифицировал, связывая ее с деятельностью В. И. Ленина. Выдвинутый лидером большевиков лозунг о неизбежности перерастания империалистической войны в войну гражданскую давал повод для антибольшевистской пропаганды, получившей новый импульс после оглашения Апрельских тезисов.

Таким образом, как и в столице [1: 119–142], в Петрозаводске революционная эйфория соединялась со страхом перед внутренними врагами, язык противостояния получил некоторое развитие уже на раннем этапе развития революции.

«ХАМ» И «БУРЖУЙ»:

РИТОРИКА ВРАЖДЫ ЛЕТОМ 1917 ГОДА

Язык противостояния получил распространение и в дни Июньского кризиса. Петроградская печать, по данным «Известий комитета общественной безопасности», «резко осуждает попытку большевиков вызвать гражданскую войну, характеризуя ее как удар в спину революции, преступную провокацию, предательство и из-

мену»¹⁴. Стремясь передать остроту противостояния, петрозаводская газета транслировала образ внутренней войны.

В статье за 16 июня давалась характеристика виновникам кризиса:

«Анархисты-коммунисты перестали быть “страшными”, так как стали смешными», тогда как «“Ленинцы” и “троцкисты” делают свое разрушительное дело с выдержкой, с планомерной опытностью демагогов».

Они «продолжают сеять всенародную смуту, являются вдохновителями дезертирства, будируют губительное “братание”, избивают на улицах агитаторов “буржуазных партий”, дают свободу слова, подрывают доверие к правительству, подготавливают контрреволюцию». «В ленинизме – грозная опасность <...>. И борьба с ней должна вестись единодушно всеми элементами общества»¹⁵.

Важную характеристику специфической языковой ситуации, сложившейся к лету, дал автор статьи, вышедшей в «Известиях Петрозаводского комитета общественной безопасности» 6 июля. Он писал:

«Умеренная печать призывает гром на головы демократии. Она вопит, да и не так уж скрыто – чуть ли не о расстрелах. <...>

Слово товарищ взято в презрительные кавычки.

Крутобедрые дамы в высоких ботинках и мутноглазые молодые люди с проборами готовы организовать Варфоломеевскую ночь для демократии, которую называют сокращенно и с убеждением:

– Хамы.

Что же слышится из другого лагеря?

Да то же самое. До убийственности то же самое <...>

Одинаковая примитивно-тупая психология.

– Не смей ходить по Невскому семечки лузгать. Хам.

– Не смей по Невскому ходить да о победе разговаривать. Буржуй»¹⁶.

Смысл данной статьи можно интерпретировать так: важной чертой политической культуры, объединявшей представителей противостоящих сил, была склонность к конфликтам и расколам. Эти расколы оформлялись с помощью слов-ярлыков, маркировавших принадлежность к враждебным сообществам – «буржуям», с одной стороны, и «демократам» / «хамам» / «товарищам», с другой. И те, и другие использовали для описания врага распространенный язык класса: важнейшие субъекты политического процесса обозначались как «демократия» и «буржуазия». Демократия в данном случае понималась как синоним «демократических слоев населения» – «так называли не весь “народ”, а лишь “демократические слои”, “трудящиеся классы”, “низы”» [11: 165], а также организации, защищавшие интересы этих демократических слоев.

Противопоставление «демократии» и «буржуазии» использовалось и в ходе дискуссии

о реорганизации власти в крае после Июльского кризиса. На заседании Олонецкого губернского Совета, состоявшемся 4 июля, В. М. Куджиев¹⁷ призвал «принять решительные меры» и заявил:

«Во время революции имеют право на жизнь лишь революционные меры воздействия и потому в данный исторический момент демократия должна взять власть в свои руки»¹⁸.

При этом член исполкома Петроградского Совета эсер И. В. Балашов говорил о том, что курс социалистов на «коалиционное сотрудничество с буржуазией» был верен из-за слабости «личного состава сил демократии»¹⁹. Эсер говорил о том, что «нам буржуи нужны». По итогу обсуждения с небольшим перевесом (16 голосов против 15) была принята резолюция, в которой признавалось, что

«путь, избранный министрами-социалистами, по-прежнему совпадает с программой большинства демократии, а потому должен быть продолжаем. В связи с ростом организации демократии должна реорганизоваться и власть»²⁰.

Как видим, противопоставление «буржуазии» и «демократии» использовалось в том числе и в ходе дискуссий между социалистами внутри губернского Совета, но идея единения ради спасения революции в очередной раз взяла верх.

Для представителей либеральных сил (в мае 1917 года в губернии оформилась организация кадетов) единство и сплочение вокруг Временного правительства являлось главным залогом сохранения порядка. В «Известиях Петрозаводского комитета общественной безопасности» была перепечатана статья из «Известий Совета рабочих и солдатских депутатов», в которой говорилось, что революции грозит гибель «от распада революционного единства, от внутренней смуты, от ужасов гражданской войны»²¹. После этого, «тогда, когда и смута, и гражданская война, и разгром на фронте прочно подготовят почву для реакции, придет настоящая контрреволюция и победно завладеет Россией»²². Вновь понятие «гражданская война» заимствовалось из столичной прессы, в то время как представители губернской либеральной элиты акцентировали внимание на том, что Олонецкая губерния пока остается территорией относительного спокойствия. Н. Чуков, ректор Олонецкой духовной семинарии и редактор «Олонецких епархиальных ведомостей» (издание поддерживало кадетов), в июне отмечал, что «у нас нет тех аграрных и иных беспорядков, о которых приходится читать сообщения с юга и середины России: для этого здесь нет и соответствующих условий»²³.

Июльский кризис усилил противостояние различных политических сил в губернии. Представители кадетов и социалистов оказались едины в том, что над революцией нависла новая опасность, но источник этой опасности видели по-разному.

«В Петрограде – настоящая война с участием пулеметов и артиллерийский орудий»²⁴ – так описывал кризис автор статьи, опубликованной в либеральных «Известиях Петрозаводского комитета общественной безопасности» 15 июля. При этом причина кризиса виделась в расколе демократических сил: «Революционная демократия все более обособляется, замыкается в узкий круг своих интересов, противопоставляя себя другим классам и социальным группам»²⁵. Угрозу контрреволюции либералы не считали серьезной: единичные вспышки контрреволюции, по их мнению, «умрут от собственного бесилия»²⁶.

По-другому описывал положение «демократии» автор статьи, вышедшей 16 июля в «Известиях Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов»:

«Идет форменное наступление черносотенцев против демократии. Газеты <...> начали травлю демократии и социалистов. Начав с вождя большевиков Ленина и выдавая за доказанное то, что еще не только не доказано, но даже компетентными органами еще в качестве обвинения не формулировано, черносотенцы принялись уже травить социалистов-революционеров министра Чернова и министра Скобелева»²⁷.

В данном случае раскол описывался как наступление «черносотенцев» на «демократию», элементами которой признавались не только умеренные социалисты – эсеры и меньшевики, но и большевики.

«Черносотенцам в борьбе с демократией, с крестьянством и рабочим классом усиленно помогают помещики и фабриканты в лице либеральных партий, а особенно партии кадетов, партии так называемой “народной свободы”»²⁸. Кадеты «делают все возможное, чтобы подорвать влияние революционного правительства, чтобы усилить смуту и раздор в демократии, чтобы ослабить силу революции»²⁹.

Это было не первое обвинение в контрреволюционности кадетов со стороны петрозаводских социалистов³⁰, однако важна принципиальная разница в понимании единения революционных сил, призывы к которому звучали с обеих сторон. Если социалисты описывали опасность контрреволюции, угрожающей демократии, то либералы полагали, что этот страх не имеет под собой оснований, а единство коалиции подрывается советами и комитетами.

«ПЕТРОЗАВОДСКИЕ КОРНИЛОВЦЫ»

Ситуация еще более обострилась в дни «дела Корнилова». 28 августа в городе стало известно о выступлении генерала Л. Г. Корнилова. Губернский Совет выразил доверие Временному правительству. Члены Главного дорожного комитета и районного Петрозаводского комитета, являвшихся представительными органами железнодорожников Мурманской магистрали, приняли резолюцию, в которой выражали поддержку Временному правительству и призывали: «В этот грозный час не должно быть никаких частных выступлений и партийных раздоров, должны быть забыты всякие личные интересы, дабы все объединились для спасения Родины и Свободы»³¹. При этом риторика, которую использовали представители различных политических сил для описания кризиса, не способствовала такому объединению. В сложившейся ситуации кадеты не обозначили публично свою позицию по отношению к корниловскому мятежу. Единственная статья о выступлении Корнилова, характеризовавшая его как контрреволюционера, появится в «Вестнике Олонецкого губернского земства» лишь в ноябре 1917 года³². Социалисты же, напротив, обозначили невозможность какого-либо соглашения с Корниловым, представляющим угрозу для демократии. При этом в очередной раз опасность для революции виделась в буржуазии, ставленником которой провозглашался Корнилов. 29 августа на заседании Олонецкого губсовета, на котором присутствовали представители войсковых организаций, была принята резолюция:

«Олонецкий совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и воинские организации Петрозаводского гарнизона не считают возможным никакие соглашения с предателем генералом Корниловым и заявляют, что организационная демократия скорее погибнет, чем допустит торжество измены и произвола. Долой Корнилова и его сторонников! Да здравствует революция!»³³

Автор статьи, описывая митинг, состоявшийся в Петрозаводске 29 августа, характеризовал силу, враждебную революции, следующим образом:

«Генерал Корнилов, которого буржуазия считала национальным героем и спасителем отечества, предал и изменил родине. Ведь еще только вчера буржуазия кричала, что большевики предают Россию, разлагают армию, ослабляют фронт, и вдруг предателем оказался их национальный герой и спаситель отечества генерал Корнилов, который, сняв с фронта в такое тяжелое время шесть полков туземной дивизии, не поколебался ослабить и разложить армию гражданской войной...»³⁴

«Дело Корнилова» представляло собой новую фазу употребления понятия «гражданская вой-

на» [10]. Петрозаводск, как видим, не был в этом отношении исключением. И хотя использование данного понятия петрозаводской прессой было относительно редко (в сравнении с центральной периодикой), оно отражало позицию некоторых петрозаводских социалистов: сохранение коалиции с «буржуазией», со сторонниками военной диктатуры, готовыми развязать гражданскую войну, невозможно.

Одним из последствий августовских событий стало появление важных слов, маркировавших разрыв с врагами революции, – «корниловщина» и «корниловцы» [9]. Распространились эти слова и в петрозаводской прессе. Автор статьи, вышедшей 10 сентября, писал о том, что «Корниловщина почти ликвидирована». Последствие этого явления он охарактеризовал так:

«Корнилов был не одинок: за ним стояли имущие классы, стояла буржуазия, стояли политические партии буржуазии во главе с кадетами. Корнилов был знаменем, которое выкинули враги революции, начиная с черносотенцев и кончая либералами <...> Непримиемые враги – демократия и буржуазия – порвали ту ниточку бессознательного самообмана, которая их связывала. О совместной работе не может быть и речи, ибо в лучшем случае это было бы лицемерием, в худшем – преступлением против революции»³⁵.

Как видим, слова «корниловцы», «корниловщина» употреблялись для обозначения сил, олицетворяющих контрреволюцию и гражданскую войну, компромисс с которыми невозможен. Антибуржуазная риторика использовалась для характеристики конкретных политических кампаний. Так, газета «Мурманский путь» – издание Союза служащих и рабочих Мурманской железной дороги – писала о выборах в Городскую думу в начале сентября: «...главная борьба при выборах под флагом партий ведется между классами – демократическими организациями и буржуазным классом, сгруппировавшимся вокруг партии Народной Свободы»³⁶. Подводя итоги выборов, газета отмечала, что «последние события Корниловского выступления сильно уронили кадетский престиж и кадеты можно сказать получили тахітум голосов, на которые могли рассчитывать»³⁷.

11 сентября к разрыву с кадетами призвали представители Олонецкого губернского Комитета соединенных общественных организаций, которые считали «невозможным создание власти на основе соглашения с партией к.-д., так и с теми кругами, которые хотя бы идейно поддерживали выступление Корнилова»³⁸. Среди местных социалистов укреплялось представление о том, что сохранение коалиции «демократии» (олицетворяемой социалистами) и «буржуазии» (чьи ин-

тересы отстаивали конституционные демократы) породит новые кризисы. Рассуждая о значении «преступной корниловщины», автор статьи с показательным заголовком «Вся власть демократии!» писал:

«Шестимесячное сотрудничество части демократии с буржуазией доказало, что польза от этого была лишь одним имущим классам, что все время буржуазные элементы в правительстве стремились подорвать престиж власти, все время они старались загрязнить революцию, умалить значение завоеваний революционного народа <...> Корниловщина раскрыла глаза тем, которые сознательно держали их закрытыми»³⁹.

«Петрозаводские корниловцы» – члены кадетской партии – подвергались резкой критике: конституционные демократы описывались как «партия буржуазная, партия помещиков, имущих классов, партия, ведущая войну с народом, с его законными требованиями»⁴⁰.

Таким образом, компромисс с кадетами, которые характеризовались как вдохновители заговора против революции, казался невозможным. Социалисты видели спасение страны в решительном подавлении «корниловцев», для борьбы с которыми необходимо было усилить борьбу с «буржуазией» и ее политическими представителями – конституционными демократами. Столь последовательная и непримиримая критика кадетов со стороны членов губсовета объяснялась не только общей политической ситуацией в стране, но и тем, что в губернии именно кадеты оказались единственными серьезными противниками социалистов в борьбе за власть, активно включились в борьбу за места в Учредительном собрании. С усилением влияния губсовета и социалистических партий, представленных в нем, конфронтация с кадетами нарастала. При этом в развивающемся конфликте обе стороны обвиняли друг друга в провоцировании смуты и анархии, и в обществе росло ощущение неизбежности братоубийственных столкновений. Подобные настроения отразились в стихотворении, напечатанном 10 сентября в «Известиях Олонецкого губсовета»:

«Нет, далеко еще светлое счастье,
Наш лучезарно сверкающий день,
Близятся бури глухого ненастья
В небе змеится зловеющая тень.

Грозно сдвигаются темные тучи,
Вот, вот раздается мятежный набат,
Дрогнут от выстрелов горные кручи,
Брата ударит страдающий брат»⁴¹.

В финале стихотворения звучал призыв:

«Руку, скорее дай руку, товарищ,
После мы счесть с тобою сведем,

Ринемся в гущу кровавых пожарищ,
Вместе за красное знамя падем!

После ж великой, отчаянной битвы,
Вместе войдем в заповедный чертог,
Там в торжестве невечерней молитвы,
Нас осенит всепрощающий Бог»⁴².

Социалисты, по мнению автора стихотворения, должны были объединиться в войне с внутренними врагами. Без кровавой борьбы невозможно наступление сакрального будущего. Читатели должны были быть готовы принять участие в решающих сражениях с врагами революции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После падения монархии политическая борьба в Олонецкой губернии разворачивалась не так остро, как в других регионах страны. Это нашло отражение и в политическом языке: показательное, что понятие «гражданская война», активно используемое различными политическими силами в моменты политических кризисов в столице,

не получило широкого распространения в Петрозаводске. В губернии, где политическая борьба сконцентрировалась в Петрозаводске – небольшом городе с населением, не превышавшим 20 тысяч человек, политические акторы стремились сохранить порядок, противодействовать анархии, хаосу и насилию, о которых они читали в столичной прессе.

Представители различных политических сил не были готовы к гражданской войне, стремились избежать ее. Язык конфликта тем не менее оказывал существенное воздействие на политическую ситуацию в Петрозаводске, а используемая риторика скорее способствовала углублению многомерного раскола местного сообщества. Не всегда проговариваемый публично страх перед гражданской войной не стал препятствием для ее эскалации, и риторическое оформление конфликта между «демократией» и «буржуазией» явилось одним из факторов, эту войну приближающих.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ От Редакции // Олонецкое утро. 1917. 8 марта.

² Там же.

³ Сл. Местная жизнь. Отклики // Олонецкое утро. 1917. 18 марта.

⁴ Там же.

⁵ И. Г. Деревня не ждет // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 24 марта.

⁶ Там же.

⁷ Варс. Граждане в масках // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 1 апреля.

⁸ Великий Октябрь в Карелии, 1917–1987: Хроника. Документы. Воспоминания: Исторический очерк. Петрозаводск, 1987. С. 52.

⁹ Тополев И. Спор о беспорном // Олонецкое утро. 1917. 21 марта.

¹⁰ Павлов Г. По поводу заметки «Вниманию нового Союза» // Олонецкое утро. 1917. 21 марта.

¹¹ Крямичев М. Отечество в опасности // Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. № 7. 15 апреля. С. 5.

¹² См.: Повенецкое чрезвычайное уездное собрание. Заседание 1, 9 марта 1917 г. // Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. № 7. 15 апреля. С. 24.

¹³ Земский врач Л. И. Либов. От партии народной свободы // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 30 апреля.

¹⁴ По России. Петроград // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 14 июня.

¹⁵ Волин Ю. Герои дня // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 16 июня.

¹⁶ Бухов Арк. Всероссийская смазь // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 6 июля.

¹⁷ В. М. Куджиев – лидер группы социал-демократов-интернационалистов – был в это время председателем Исполкома Олонецкого губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

¹⁸ Протоколы заседаний Олонецкого губернского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, состоявшихся 4 июля 1917 г. (Продолжение) // Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917. 16 июля.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Не губите революцию // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 9 июля.

²² Там же.

²³ Чуков Н. К переживаемому моменту // Олонецкие епархиальные ведомости. 1917. № 12. 1 июня. С. 257.

²⁴ Волин Ю. Мужайся, Россия! // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 15 июля.

²⁵ Петр Рысс. Контрреволюция // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 28 июля.

²⁶ Там же.

- ²⁷ Петрозаводск, 16 июля // Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917. 16 июля.
- ²⁸ Петрозаводск, 16 июля // Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917. 16 июля.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ В июне 1917 года петрозаводский комитет Партии народной свободы выразил В. М. Куджиеву письменный протест против обвинений в «контрреволюционности» и потребовал доказательств этих «крайне обидных» обвинений [5: 140].
- ³¹ Телеграмма из Петрозаводска // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 148. Л. 40.
- ³² Рачков А. Революция и контрреволюция // Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. № 21. 15 ноября. С. 10–13.
- ³³ Петрозаводск. 300 лет истории. Петрозаводск, 2003. Кн. 3. С. 106.
- ³⁴ Меркулов М. Митинг 29-го августа в Петрозаводске // Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917. 10 сентября.
- ³⁵ Петрозаводск. 10 сентября // Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917. 10 сентября.
- ³⁶ Петрозаводск, 2 сентября // Мурманский путь. 1917. 2 сентября.
- ³⁷ Петрозаводск, 6 сентября // Мурманский путь. 1917. 6 сентября.
- ³⁸ Протокол заседания Олонецкого губернского Комитета Соединенных общественных организаций, состоявшегося 11 сентября 1917 г. // Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917. 21 сентября.
- ³⁹ Вся власть демократии! // Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917. 24 сентября.
- ⁴⁰ «Чистота» кадетской партии // Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917. 29 сентября.
- ⁴¹ Шестаков А. // Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917. 10 сентября.
- ⁴² Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булдаков В. П. Страсти революции: Эмоциональная стихия 1917 года. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 432 с.
2. Витухновская-Кауппала М. А., Осипов А. Ю. В пучине Гражданской войны: Карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 352 с.
3. Годунов К. В. «Гражданская война»: политическое использование понятия весной 1917 г. // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалации гражданской войны в России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 44–58.
4. Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 110 с.
5. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны, 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
6. Иванов Д. И. «Анархия» и анархисты // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалации гражданской войны в России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 81–102.
7. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
8. История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск: Ред.-изд. центр Карельского научного центра Российской академии наук, 2008. 373 с.
9. Колоницкий Б. И., Годунов К. В. Из истории разработки языка гражданской войны: «корниловщина» и легитимация политического насилия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 4. С. 192–202. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.17>
10. Колоницкий Б. И., Годунов К. В. «Корниловщина» как «гражданская война»: использование понятия в условиях политического кризиса // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2021. № 3 (54). С. 78–87. DOI: 10.17072/2219-3111-2021-3-78-87
11. Колоницкий Б. И. Язык демократии: проблемы «перевода» текстов эпохи революции 1917 года // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века: Сб. науч. работ. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: Алетейя, 2006. С. 152–189.
12. Потапова Н. Д. Лингвистический поворот. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 380 с.
13. Селищев А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М.: Работник просвещения, 1928. 248 с.
14. Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.: Период двоевластия. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 330 с.

15. Шумилов М. И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России: Историографический очерк. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. 95 с.

Поступила в редакцию 02.09.2024; принята к публикации 13.01.2025

Original article

Konstantin V. Godunov, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-1253-3886; kgodunov@eu.spb.ru

Valentina V. Volokhova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-5486-7740; vavolokhova@yandex.ru

“DEMOCRACY” VS “BOURGEOISIE”: THE LANGUAGE OF POLITICAL CONFLICT IN MARCH – SEPTEMBER 1917

Abstract. The authors of the article focus on the language of conflict used by the representatives of various political forces during the political crises of 1917. This issue is addressed for the first time through an analysis of materials from the Olonets Province, which was on the periphery of the revolutionary events. By analyzing the press published in Petrozavodsk, the capital of the province, the study explores the distinctive features of the words used to formalize and structure conflicts, as well as the political contexts surrounding these statements. The authors conclude that although the political struggle in the region did not develop as dramatically as in some other regions, the language of conflict had a significant impact on the political situation, and the rhetoric used by various political authors contributed to the deepening of the multidimensional split within the local community. The analysis of the language of confrontation in 1917 allows us to come closer to understanding the cultural origins of the civil war.

Key words: Russian Revolution of 1917, Russian Civil War, language of conflict, images of the enemy, anarchy, Olonets Province

For citation: Godunov, K. V., Volokhova, V. V. “Democracy” vs “bourgeoisie”: the language of political conflict in March – September 1917. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):50–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1145

REFERENCES

1. Buldakov, V. P. The passions of the Revolution: The emotional element of 1917. Moscow, 2024. 432 p. (In Russ.)
2. Vituhnovskaya-Kauppalu, M. A., Osipov, A. Yu. In the abyss of Civil War: Karelians in search of survival strategies. 1917–1922. Moscow; St. Petersburg, 2020. 352 p. (In Russ.)
3. Godunov, K. V. The “Civil War”: the political use of the concept in the spring of 1917. *Words and conflict: the language of confrontation and the escalation of the Russian Civil War*. St. Petersburg, 2022. P. 44–58. (In Russ.)
4. Dubrovskaya, E. Yu. The Russian Revolution of 1917 and the Civil War in the memory of the population of Karelia. Petrozavodsk, 2016. 110 p. (In Russ.)
5. Dubrovskaya, E. Yu., Korablev, N. A. Karelia during the First World War, 1914–1918. St. Petersburg, 2017. 432 p. (In Russ.)
6. Ivanov, D. I. “Anarchy” and anarchists. *Words and conflict: the language of confrontation and the escalation of the Russian Civil War*. St. Petersburg, 2022. P. 81–102. (In Russ.)
7. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
8. History of Petrozavodsk: authorities and citizens. Petrozavodsk, 2008. 373 p. (In Russ.)
9. Kolonitskii, B. I., Godunov, K. V. From the history of Civil War language development: “Kornilovshchina” and legitimation of political violence. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2022;27(4):192–202. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.17> (In Russ.)
10. Kolonitskii, B. I., Godunov, K. V. “Kornilovshchina” as a “civil war”: the application of the concept in the context of a political crisis. *Perm University Herald. History*. 2021;3(54):78–87. DOI: 10.17072/2219-3111-2021-3-78-87 (In Russ.)
11. Kolonitskii, B. I. The language of democracy: Problems of “translating” the texts of the 1917 revolutionary era. *Historical concepts and political ideas in Russia during the XVI–XX centuries: collection of research papers*. St. Petersburg, 2006. P. 152–189. (In Russ.)
12. Potapova, N. D. Linguistic turn. St. Petersburg, 2015. 380 p. (In Russ.)
13. Selishchev, A. M. The language of the revolutionary era: from observations on the Russian language of recent years (1917–1926). Moscow, 1928. 248 p. (In Russ.)
14. Sobolev, G. L. Revolutionary consciousness of workers and soldiers of Petrograd in 1917: The period of dual power. Leningrad, 1973. 330 p. (In Russ.)
15. Shumilov, M. I. October, intervention, and the Civil War in the European North of Russia. Historiographical essay. Petrozavodsk, 1992. 95 p. (In Russ.)

Received: 2 September 2024; accepted: 13 January 2025

ЮЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ГРАЧЕВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России историко-филологического факультета
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2220-9361; g.yuliya@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАВНОГО ПРАВЛЕНИЯ УЧИЛИЩ ПРИ МИНИСТРЕ ГРАФЕ А. К. РАЗУМОВСКОМ

Аннотация. Объектом исследования является деятельность Главного правления училищ, центрального коллегиального органа Министерства народного просвещения, при министре графе Алексее Кирилловиче Разумовском в 1810–1816 годах. Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью этого вопроса в отечественной историографии. Анализируется роль министра в обсуждении и принятии решений в Главном правлении училищ. В качестве основных источников используются журналы Правления, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, ранее в полном объеме не введенные в научный оборот. В обязанности членов Правления входило рассмотрение учебных и хозяйственных вопросов, связанных с образовательными учреждениями Российской империи. Разумовский, довольно активно включившийся в службу по министерству в первые годы после своего назначения, довольно быстро охладел к текущей работе в Правлении. Количество дел, рассматривавшихся на заседаниях, постепенно уменьшалось, а попечители учебных округов, будучи основными членами этого совещательного органа, перестали появляться в столице и участвовали в работе Правления только по переписке. Таким образом, министр народного просвещения на определенное время замедлил ход образовательных реформ в Российской империи.

Ключевые слова: Главное правление училищ, министр народного просвещения, граф А. К. Разумовский, учебный округ, попечитель

Для цитирования: Грачева Ю. Е. Деятельность Главного правления училищ при министре графе А. К. Разумовском // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 59–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1146

ВВЕДЕНИЕ

Главное правление училищ с самого начала своего учреждения в январе 1803 года являлось высшим совещательным органом Министерства народного просвещения. Именно там разрабатывались уставы и учебные планы университетов, гимназий, уездных и приходских училищ, определивших устройство всех учебных заведений в Империи в первой трети XIX века [3]. Члены Правления должны были контролировать процесс открытия и преобразования училищ, следить за текущей учебной и хозяйственной деятельностью учебных заведений, то есть всячески помогать министру народного просвещения в его деятельности. Поэтому личные качества и служебное положение человека, стоящего во главе министерства, определяли и работу Правления.

Граф Алексей Кириллович Разумовский (1748–1822) был назначен министром народного просве-

щения указом императора Александра I 11 апреля 1810 года. Он родился в 1748 году в семье известного малороссийского гетмана Кирилла Григорьевича и получил сначала блестящее образование дома, а затем во Франции в Страсбургском университете [4], [5]. Однако придворная служба не устраивала Разумовского, и он довольно рано вышел в отставку. Административной деятельностью Алексей Кириллович начал заниматься только в 1807 году, когда по просьбе императора Александра I сменил на посту попечителя Московского учебного округа скончавшегося М. Н. Муравьева. Государь благоволил к графу – видимым знаком стал орден Святого Александра Невского, полученный Разумовским при весьма лестном рескрипте, через шесть месяцев после назначения попечителем¹. Посещение императором Московского университета 11 декабря 1809 года только подтвердило высо-

чайшее одобрение деятельности попечителя. Не случайно назначение Разумовского министром в литературе прямо связывается с этим визитом². Анализ деятельности Главного правления училищ в период министерства графа А. К. Разумовского и является целью данной статьи. В качестве основного источника привлекаются журналы Правления, сохранившиеся в фондах Российского государственного исторического архива.

ГЛАВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ УЧИЛИЩ КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В состав Главного правления училищ входили попечители учебных округов, а также лица, назначаемые непосредственно императором³. В 1810–1816 годах членами Правления были: попечитель Московского округа, тайный советник, сенатор П. И. Голенищев-Кутузов; попечитель Санкт-Петербургского округа С. С. Уваров; попечитель Харьковского округа, тайный советник, сенатор, граф С. О. Потоцкий; попечители Казанского округа – академик, действительный статский советник С. Я. Румовский (до 6 июля 1812 года) и граф М. А. Салтыков (с 16 сентября 1812 года); попечитель Дерптского округа, генерал-майор Ф. И. Клингер; попечитель Виленского округа, тайный советник, сенатор, князь А. А. Чарторыйский. Также в состав Правления входили генерал-майор Н. Ф. Хитрово, статский советник П. Г. Дивов и два академика и действительных статских советника Н. Я. Озерецковский и Н. И. Фус⁴. Правителем дел Правления (и одновременно директором канцелярии департамента Министерства народного просвещения) был действительный статский советник И. И. Мартынов.

При первом министре народного просвещения графе П. В. Завадовском заседания Правления проходили еженедельно в его доме в присутствии министра. Со временем общие собрания членов Правления стали проводиться реже, а решение отдельных экономических вопросов передали Хозяйственному комитету, состоящему из академиков Озерецковского и Фуса, правителя дел Мартынова, к которым присоединялись некоторые из членов Правления. Граф Алексей Кириллович собственного дома в Петербурге не имел, поэтому после отставки Завадовского заседания Правления переместились в помещения Щукиного двора, принадлежащие Министерству народного просвещения [2].

Пока министр готовился к переезду из Москвы в столицу, искал подходящий дом для прожива-

ния, общих заседаний Правления не проводилось, собирался только Хозяйственный комитет. За три месяца (с 11 апреля по 14 июля) было проведено 27 заседаний, на которых в присутствии четырех членов (Румовский, Озерецковский, Фус, Мартынов) решались текущие вопросы: об отпуске денег на визитацию князя А. Чарторыйского, об увольнении в отпуск смотрителей и директоров училищ, о выделяемых суммах на Институт слепых и Санкт-Петербургскую гимназию, о жаловании учителей, а также чисто хозяйственные вопросы, связанные с содержанием Щукиного дома (контракты на найм лавок, условия содержания книжного магазина, работы по очищению канавы и найм курьеров).

Первое общее заседание Правления состоялось 14 июля. На нем присутствовали попечители Дерптского и Казанского округов Клингер и Румовский, Дивов и два академика. Члены Правления рассмотрели все поступившие к этому времени бумаги: указы Правительствующего Сената, предложения как бывшего министра просвещения, так и нынешнего, отношения попечителей учебных округов. До конца года члены Правления собрались еще пять раз на общие заседания⁵, причем их состав постепенно уменьшался – с августа на заседаниях перестал присутствовать Клингер, только два раза был Хитрово и один раз – Дивов. Остальные общие заседания Правления проводились тем же составом членов, что и заседания Хозяйственного комитета.

Журналы Главного правления училищ не дают нам точной информации о том, как часто присутствовал министр на общих заседаниях Правления и присутствовал ли вообще. Он не подписывал журналы Правления, как это будет делать его преемник, князь А. Н. Голицын; в журналах нет пометки, что заседания проходили в его присутствии (как это было при его предшественнике). Но видно, что Алексей Кириллович сразу после вступления в должность обратил внимание на деятельность министерства: так, уже в конце апреля он просил

«доставить к нему точные и подробные сведения о настоящем состоянии Правления и областях заведений к нему относящихся, разумея под сим училища Санкт-Петербургского округа, кабинеты, библиотеки, и др. учреждения»⁶,

в мае запросил «все сведения по части Правления и училищ Санкт-Петербургской губернии, потребные к составлению отчета по Министерству народного просвещения за 1809 год»⁷.

К сожалению, отчет ни за 1809 год, ни за последующие годы министерства Разумовского так

и не был представлен на утверждение в канцелярию Государственного совета, но запрос министра был понятен: после увольнения 30 декабря 1809 года Н. Н. Новосильцева должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа была вакантной целый год, поэтому управление училищами округа передавалось в ведение Главного правления училищ. 30 ноября 1810 года всем университетам было передано предписание министра о необходимости ежегодно доставлять полные отчеты

«о трудах и занятиях своих в течение... года относительно до наук, и училищного управления, с донесением о успехах народного просвещения как по университету, так и по училищам»⁸.

Когда же по каким-либо причинам Разумовский не получал отчет вовремя, «университет справедливо навлекал на себя негодование» Его Сиятельства за опоздание в присылке донесений⁹.

В последующие годы количество общих заседаний Главного правления училищ не увеличивалось, а попечители учебных округов, за исключением С. Я. Румовского, на них не ходили. В 1811 году из 22 собраний только семь рассматривали учебные вопросы, в 1812 году прошло всего четыре общих заседания, а остальные 22 были посвящены исключительно хозяйственным вопросам. После смерти летом 1812 года попечителя Казанского округа обсуждение и подготовка решений по всем вопросам остались у постоянных членов Правления Фуса и Озерецковского и правителя дел Мартынова, в руках которого находилась вся документация как Правления, так и департамента Министерства народного просвещения.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ ПРАВЛЕНИЯ УЧИЛИЩ

Важными событиями в период министерства Разумовского стало повторное открытие в 1814 году Казанского университета «сообразно университетскому уставу»¹⁰; Царскосельского лицея (в Правление были присланы речи, произнесенные на торжественном открытии)¹¹; появление новых ученых обществ (Общества любителей российской словесности, Общества математиков при Московском университете), утверждение устава Киевской гимназии и Полоцкой иезуитской академии. Через Правление проходило утверждение ректоров и деканов университетов (по ходатайству Разумовского ежегодное избрание ректора сменилось трехлетним сроком), членов Училищных комитетов, визитаторов, почетных членов и корреспон-

дентов, ординарных и экстраординарных профессоров и адъюнктов. Попечители присылали в Правление отчеты о состоянии университетов и учебных заведений округа, сообщали о проходивших торжественных собраниях, публичных лекциях, выписанных газетах и журналах. Особое внимание уделялось деятельности цензурных комитетов при университетах, они должны были ежемесячно представлять списки одобренных рукописей и книг. Но, несмотря на то что каждый университет должен был иметь свой штат цензоров, регулярно в Правление поступали донесения только из трех комитетов – Санкт-Петербургского, Московского и Дерптского. В особых случаях министр мог лично вмешаться и запретить публиковать представленное сочинение. В связи с тем что по указу от 2 сентября 1810 года все вновь издаваемые книги, журналы и газеты должны были доставляться в Департамент народного просвещения, в поле зрения членов Главного правления училищ попадали и опубликованные университетами без рассмотрения цензуры материалы. Так, строгий выговор от Разумовского зимой 1813 года получил ректор Дерптского университета Г. Ф. Паррот, который в записке позволил себе нелестно отозваться о сочинениях профессора анатомии Бурдаха и о нем самом. Министр поставил на вид ректору, что тот «не имел права называть Бурдаха шутом и употреблять многих других оскорбительных выражений»¹² и что если такое вновь повторится, то «начальство принуждено будет принять меры» и лишит профессоров права печатать свои сочинения без цензуры¹³.

Перед Министерством народного просвещения также стояла особая задача – увеличить количество средних и начальных учебных заведений в Империи, а вместе с этим и количество образованных людей в стране. Поэтому не случайно на заседаниях Главного правления училищ особое внимание уделялось информации об открытии гимназий, уездных и приходских училищ, а также о преобразовании их по новому плану. За время министерства Разумовского были открыты четыре гимназии (в Киеве, Симферополе, Белостоке и Херсоне) и более 150 уездных и приходских училищ.

Все поступающие сведения должны были в обязательном порядке публиковаться в журнале министерства – «Периодическом сочинении о успехах народного просвещения». Если от директоров училищ поступали ведомости о состоянии учебных заведений, проведении открытых испытаний и публичных собраний,

то они также рассматривались на заседаниях Правления. За указанный период только однажды встречается информация о закрытии училища: попечитель Московского округа доложил, что в результате пожара училищный дом Солецкого приходского училища в г. Суздале сгорел, а «дабы ученики онаго за неимением дома не прервали учения, то они помещены в другия тамошня училища»¹⁴.

Открытие новых учебных заведений требовало значительных финансовых расходов. Несмотря на то что государство выделяло штатную сумму на содержание гимназий и уездных училищ, средств на постройку учебных зданий, наполнение библиотек книгами, покупку приборов для химических, физических кабинетов не хватало. Поэтому так важно было привлечь местных жителей к добровольным пожертвованиям на открываемые школы. Благодарность со стороны верховной власти становилась важным фактором поощрения общественной инициативы и способствовала притоку новых пожертвований. Министр, подчеркивая, что «для всякого жертвующего чем-либо на пользу общую, лестно быть известным монарху своему», требовал сообщать ему немедленно

«обо всех приношениях, какого бы они рода ни были, с показанием цене оным... дабы тем сделать удобное благотворителям наук и возбудить в других соревнование к подобным подвигам»¹⁵.

В журналах Правления отмечались все поступившие пожертвования в пользу образовательных учреждений Империи, причем не только денежные, но и вещественные (например, игумен Арсений подарил Киевской гимназии микроскоп, коллежский асессор Баташов передал Тамбовскому дворянскому училищу кровельное железо, а мореплаватель И. Ф. Крузенштерн подарил свою книгу «Описание вокруг света» отдельным учебным заведениям)¹⁶.

Все избранные университетами директора училищ должны были представляться попечителем через Правление на утверждение министра. Поэтому в журналах Правления указывались сведения об утверждении в должности, увольнении и предоставлении отпуска директорам училищ, штатным и почетным смотрителям и учителям; поднимались вопросы выплаты жалования, пенсий и квартирных денег. Если случались какие-либо происшествия (беспорядки, драки, утайка вещей), то о них также докладывалось на заседаниях Правления.

За 1813 год сохранилось 34 журнала Правления, из них девять полных, рассматривавших

как учебные, так и экономические вопросы. Максимальное количество общих заседаний пришлось на 1814 год – из 14 собраний только три относились к Хозяйственному комитету. Но, несмотря на это, количество вопросов, рассматривавшихся на заседаниях Правления, с каждым годом уменьшалось: более ста учебных вопросов поднималось на заседаниях в 1810 году и около десяти – в 1814 году.

В 1815 году в двух журналах заседаний Правления встречаются подписи попечителей Московского и Петербургского округов, причем они оба раза присутствовали на собраниях Хозяйственного комитета, рассматривавшего вопросы, связанные с вотчинами и крестьянами Ярославского Демидовского училища¹⁷. Ни на одно из 11 собраний этого года, разбиравших учебные дела, попечители не явились (всего было 28 заседаний за год). Таким образом, в период министерства Разумовского хорошо видно изменение функций Главного правления училищ: из совещательного органа, в котором попечители были сотрудниками и соработниками министра [1: 90], оно превращается в простой бюрократический орган министерства, члены которого уже не обсуждают коллегиально проблемы и принимают решения, а присылают в Петербург отчеты и получают на местах готовые циркуляры. Поэтому не случайно, что даже те члены Правления, которые либо постоянно, либо большую часть времени находились в Петербурге (как, например, Уваров или Клиnger), на заседаниях Правления не появлялись. Попечители Московского, Казанского и Виленского округов постоянно проживали в своих университетских городах, а попечитель Харьковского округа С. О. Потоцкий в начале 1811 года по семейным обстоятельствам уехал в Галицию и в столицу вернулся только в конце 1816 года. Сам министр также не любил жить в Петербурге и при первой возможности просил императора об отпуске в Москву, где у него был большой дом с богатыми ботаническими и минералогическими собраниями.

4 сентября 1816 года граф А. К. Разумовский наконец получил отставку. В скором времени в Петербург начали съезжаться попечители¹⁸. Исправляющим должность министра народного просвещения был назначен князь А. Н. Голицын. Начинаясь новый период в деятельности Главного правления училищ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главное правление училищ в период министерства графа А. К. Разумовского продолжало

оставаться центральным коллегиальным органом Министерства народного просвещения, где обсуждались и принимались основные решения, связанные с развитием образовательных учреждений всех уровней, их учебным и хозяйственным положением. Однако от личности человека, стоящего во главе министерства, зависело, насколько активной будет деятельность Правления. Заняв пост министра, Разумовский не стал требовать, чтобы попечители лично присутствовали на заседаниях в Петербурге, поэтому все дела сосредоточились в руках

академиков Озерецковского и Фуса. Сам министр постепенно отстранился от текущей работы в Правлении, часто только визируя уже готовые решения, подготовленные в канцелярии Правления (в основном связанные с переменой в кадровом составе учебных заведений). Поэтому не удивительно, что число учебных вопросов, рассматривавшихся на заседаниях Правления, с каждым годом сокращалось, и только перемена в руководстве министерством могла вновь активизировать деятельность Главного правления училищ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 50.
- ² Богданович прямо указывает, что Разумовский «обязан был своим выбором посещению Государем Москвы». Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 2. СПб., 1869. С. 490.
- ³ Предварительные правила народного просвещения от 24 января 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 1. С. 16.
- ⁴ Также членом Правления с 10 июня 1805 года формально числился граф Л. К. Платер, но, постоянно проживая в Царстве Польском, он ни разу не посетил ни одного заседания Правления.
- ⁵ 21 июля, 28 июля, 11 августа, 6 октября и 1 декабря 1810 года.
- ⁶ Журнал № 13 по Главному Правлению училищ от 29 апреля 1810 года // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 732. Оп. 1. Д. 9. Л. 105.
- ⁷ Журнал № 39 по Главному Правлению училищ от 14 июля 1810 года // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 9. Л. 135 об.
- ⁸ Отчет по Виленскому учебному округу за 1810 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 390. Л. 1.
- ⁹ Отчет по Виленскому учебному округу за 1812 год // РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 392. Л. 2.
- ¹⁰ Журнал № 7 по Главному Правлению училищ от 2 сентября 1814 года // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 13. Л. 80.
- ¹¹ Журнал № 21 по Главному Правлению училищ от 21 декабря 1811 года // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 10.
- ¹² Отношение гр. А. К. Разумовского Ф. И. Клингеру от 24 февраля 1813 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 155. Л. 7.
- ¹³ Отношение гр. А. К. Разумовского Ф. И. Клингеру от 31 января 1813 года // РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Д. 155. Л. 1–1 об.
- ¹⁴ Журнал № 52 по Главному Правлению училищ от 1 декабря 1810 года // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 9. Л. 291 об.
- ¹⁵ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1810. № 28. С. 537.
- ¹⁶ Журнал № 17 по Главному Правлению училищ от 28 сентября 1811 года // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 10; Журнал № 26 по Главному Правлению училищ от 19 декабря 1812 года // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 11; Журнал № 3 по Главному правлению училищ от 6 мая 1814 года // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 13.
- ¹⁷ Журнал № 20 и № 21 по Главному Правлению училищ от 20 и 25 октября 1815 года // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 14.
- ¹⁸ Гр. С. О. Потоцкий, С. С. Уваров, Ф. И. Клингер, М. А. Салтыков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. Ю., Цыганков Д. А. Попечитель Императорского университета в системе народного просвещения Российской империи первой половины XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 4 (65). С. 70–97. DOI: 10.15382/sturII201565.70-97
2. Ашихмин А. В. Рыночный подход. История Щукина двора // Санкт-Петербургские ведомости. 2023. 28 апр. № 7 (7406).
3. Грачева Ю. Е. Разработка образовательных реформ в Главном Правлении училищ в 1803–1804 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2016. Вып. 3. С. 17–30. DOI: 10.21638/11701/srbu02.2016.302
4. Пронкин С. В. Самый ученый, образованный и умный человек тогдашней аристократии Алексей Кириллович Разумовский (1748–1822) // Судьбы творцов Российской науки и культуры. М., 2019. Т. 6. С. 120–135.
5. Хотеев В. Ф., Иванова Л. Ф. «...из угождения к воле Государя» Граф Алексей Кириллович Разумовский // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: В 3 т. М.: МГУП, 2002. Т. 1. С. 53–81.

Поступила в редакцию 02.08.2024; принята к публикации 13.01.2025

Original article

Yulia E. Gracheva, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities (Moscow,
Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2220-9361; gyuliya@mail.ru

FUNCTIONING OF THE MAIN SCHOOLS' DIRECTORATE UNDER THE MINISTER OF PUBLIC EDUCATION, COUNT ALEXEY RAZUMOVSKY

Abstract. This study focuses on the activities of the Main Schools' Directorate, the primary collegial body of the Ministry of Public Education, during Count Alexey Kirillovich Razumovsky's 1810–1816 tenure as the Minister of Public Education. The relevance of this topic stems from the limited exploration of the issue in Russian historiography. The aim of the research is to analyze the Minister's role in the discussions and major decisions made by the Main Schools' Directorate. The primary sources for this study are the Directorate's journals kept in the Russian State Historical Archive, which have not been fully utilized in previous research. The responsibilities of the Directorate members included addressing all educational and financial matters related to educational institutions within the Russian Empire. In the early years following his appointment, Razumovsky was quite active in ministry affairs; however, he soon became disengaged from the Directorate's ongoing work. This decline in engagement was reflected in the decreasing number of cases addressed during meetings, and the trustees of educational district, who were the key members of this advisory body, stopped coming to the capital, opting instead to participate in the Directorate's work solely through correspondence. Consequently, the Minister of Public Education slowed the advancement of educational reforms in the Russian Empire for a certain period of time.

Keywords: Main Schools' Directorate, Minister of Public Education, Count Alexey Razumovsky, school district, trustee

For citation: Gracheva, Yu. E. Functioning of the Main Schools' Directorate under the Minister of Public Education, Count Alexey Razumovsky. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):59–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1146

REFERENCES

1. Andreev, A. Yu., Tsygankov, D. A. The curator of the Imperial University in the system of national education of the Russian Empire in the first half of the nineteenth century. *St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History*. 2015;4(65):70–97. DOI: 10.15382/sturII201565.70-97 (In Russ.)
2. Ashimin, A. V. A market-based approach. The history of Shchukin's Yard. *St. Petersburg Vedomosti*. 2023. 28 April. No 7 (7406). (In Russ.)
3. Gracheva, Yu. E. Preparation of educational reforms in the Main Schools' Directorate, 1803–1804. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2: History*. 2016;3:17–30. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.302 (In Russ.)
4. Pronkin, S. V. The most learned, educated, and intelligent man of the aristocracy of his time, Alexey Kirillovich Razumovsky (1748–1822). *The fate of the creators of Russian science and culture*. Moscow, 2019. Vol. 6. P. 120–135. (In Russ.)
5. Hoteenkov, V. F., Ivanova, L. F. "...Wanting to please the Emperor's will". Count Alexey Kirillovich Razumovsky. *Essays on the history of Russian education: The 200th anniversary of the Ministry of Education of the Russian Federation: In 3 vols*. Moscow, 2002. Vol. 1. P. 53–81. (In Russ.)

Received: 2 August 2024; accepted: 13 January 2025

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ПУСТОВОЙТ

аспирант Института истории

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

botanpustovoi@gmail.com

С. С. УВАРОВ И «УЧЕНОЕ СОСЛОВИЕ» ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1810-х – НАЧАЛЕ 1820-х ГОДОВ

Аннотация. Служба С. С. Уварова в должности попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в 1811–1821 годах до сих пор не привлекала серьезного внимания исследователей. Однако именно этот период государственной деятельности Уварова был определяющим для формирования его общественно-политических взглядов и набора методов администрирования, соответствовавшего образу «просвещенного бюрократа». В статье на материалах ведомственного и университетского делопроизводства, в частности журналов Конференции Санкт-Петербургского университета и его предшественников – Педагогического и Главного педагогического институтов, исследовано одно из направлений деятельности Уварова – взаимодействие с профессорско-преподавательской корпорацией столичного университета. Установлено, что Уваров в соответствии со своими прямыми обязанностями попечителя осуществлял постоянную коммуникацию с «ученым сословием». Его взаимоотношения с профессурой выстраивались в рамках формального поля и охватывали разнообразные вопросы: постановку учебного процесса в институте / университете, прием и распределение студентов, замещение кафедр, доведение указов императора или Сената. Уваров твердо стоял на стороне академических привилегий, дарованных уставами 1804 года, его стиль общения с профессурой отличался взаимоуважением и конструктивностью, в то время как «ученое сословие» пользовалось академической автономией: инициировало собственные проекты преобразований и даже подвергало критике предложения попечителя. Взаимодействуя с академическим сообществом в целом, Уваров также оказывал персональную поддержку отдельным профессорам. Усилия Уварова по налаживанию атмосферы сотрудничества на благо развития науки стали залогом устойчивого развития университета, несмотря на кризис в управлении просвещением, проявившийся в конце 1810-х – начале 1820-х годов.

Ключевые слова: С. С. Уваров, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, Санкт-Петербургский университет, профессорско-преподавательская корпорация, управление просвещением

Для цитирования: Пустовойт И. С. С. С. Уваров и «ученое сословие» Петербургского университета в 1810-х – начале 1820-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 65–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1147

ВВЕДЕНИЕ

С. С. Уваров в течение десяти лет (1811–1821) был попечителем Санкт-Петербургского учебного округа и внес большой вклад в дело развития российской системы просвещения. За это время им был проведен ряд важных реформ, центральной из них стало открытие Петербургского университета в феврале 1819 года. Уваров соответствовал типу просвещенного администратора, какими были успешные попечители-реформаторы первых лет правления Александра I: М. Н. Муравьев в Московском учебном округе, С. О. Потоцкий в Харьковском, А. Чарторыйский в Виленском, программы действий которых ба-

зировались на просветительских принципах [2: 131].

Мы рассмотрим специфику взаимодействия Уварова с профессорской корпорацией Петербургского университета и его предшественников – Педагогического и Главного педагогического институтов (далее – ПИ и ГПИ), которое отражалось на переустройстве самого ПИ и всей системы училищ округа. Этот вопрос пока не получил развернутой историографической оценки. Исключением можно считать упоминаемый в общих работах по истории просвещения эпизод, связанный с критикой профессорами столичного университета представленного Уваровым проекта Устава университета (1819).

Однако этот вопрос рассматривался вне контекста взаимодействия Уварова с академической корпорацией в лице Совета университета и его деятельности в качестве попечителя учебного округа. Этим можно объяснить весьма спорные заключения о якобы произошедшем в тот момент «конфликте» попечителя с «ученым сословием» университета [4], [5: 14–15].

На материалах журналов Конференции ПИ, ГПИ и Петербургского университета, других документов университетского архива (ЦГИА СПб, ф. 13, 14, 139), министерского делопроизводства (РГИА, ф. 732, 733), некоторых документов, обнаруженных в фонде Уваровых в ОПИ ГИМ (ф. 17), мы проследим характер взаимодействия Уварова с профессорской корпорацией столичного университета.

Прежде всего необходимо отметить, что этому взаимодействию предшествовало и что определяло его институциональные рамки. Уваров оказался в числе высших администраторов просвещения неслучайно. Его назначение на должность попечителя соответствовало его личным амбициям и разносторонним научным интересам, прежде всего к истории и филологии. Впоследствии, уже занимая высокую должность, он продолжал брать частные уроки у известного филолога-классика Ф. Б. Грефе¹, выступил автором более 20 статей по вопросам филологии, истории и философии. Научная деятельность Уварова была оценена производством его в почетные члены около ста отечественных и иностранных научных обществ и академий. Таким образом, Уваров не был чужим в среде ученых-интеллектуалов, как это пытаются представить некоторые исследователи [5: 14–15]. Напротив, его интеллектуальный уровень и представления о приоритетных задачах развития российской науки позволяли ему понимать запросы «ученого сословия» и иногда вступать с ним в серьезные дискуссии.

Близость Уварова к «ученому сословию» выразилась и в том, что он твердо стоял на стороне академических привилегий, дарованных университетским Уставом 1804 года. Его стиль общения с профессурой в лице Конференции ПИ-ГПИ и университета, оставаясь в рамках формального поля, сочетал мягкое кураторство, адресную помощь и одновременно требовательность.

Особенностью столичного учебного округа было отсутствие в нем до 1819 года университета, выполнявшего в других округах функции администрирования училищ низшего уровня, их ревизии, сбора отчетности, поэтому нагрузка на попечителя Санкт-Петербургского округа и его канцелярию была высока [3: 25]. Как по-

печитель Уваров отвечал за выбор и назначение профессоров и преподавателей университета и учителей гимназий на вакантные места.

ХАРАКТЕР КОММУНИКАЦИИ ПОПЕЧИТЕЛЯ С «УЧЕНЫМ СОСЛОВИЕМ»

При назначении Уварова попечителем в 1811 году профессорско-преподавательский штат ПИ состоял всего из 15 человек: «преподающего эстетику», девяти ординарных профессоров, четырех магистров и одного учителя рисования и черчения². Благодаря последовательным усилиям Уварова по приглашению новых профессоров, в том числе из-за границы, оставлению при институте и вовлечению в преподавание окончивших ПИ студентов, созданию новых вакансий и кафедр профессорская корпорация к моменту открытия Петербургского университета в 1819 года изменилась количественно и качественно, состояла уже из 34 «служителей науки»: 18 профессоров (один заслуженный, 14 ординарных и три экстраординарных), трех адъюнктов, 12 учителей и одного лаборанта³. Некоторые из преподавателей были близки с попечителем, как, например, профессор латинской словесности Ф. Б. Грефе⁴, другие (профессор греческой словесности Я. Я. Баллен де Баллю и профессор немецкой словесности и всеобщей истории Э.-Б. Раупах) были обязаны ему своим определением в столичный ПИ⁵.

Взаимодействие Уварова с академическим обществом носило конструктивный и партнерский характер, а его отношение к профессорам отличалось доброжелательностью и уважением. В своем представлении министру народного просвещения А. К. Разумовскому 7 марта 1812 года Уваров именовал преподавателей ПИ «истинными сотрудниками»⁶, а в своей торжественной речи 14 февраля 1819 года в честь открытия С.-Петербургского университета заявил, что никогда «не отделял» себя от «ученого сословия» университета, всегда готов делить с ним «труды, заботы и успех»⁷. Эти слова не были демагогией, что подтверждают журналы Конференции университета и его предшественников, страницы которых наполнены регулярным диалогом между «ученым сословием» и попечителем. Почти каждое заседание Конференции начиналось с рассмотрения «предложений» попечителя (его собственных инициатив, а также транслируемых им распоряжений министра) и его ответов на запросы Конференции.

Предметный ряд коммуникации Уварова с Конференцией ПИ / ГПИ / университета иллюстрирует таблица 1, составленная на основе журналов Конференции за 1811–1821 годы⁸.

Необходимо уточнить, что за это время Уваров несколько раз был в длительном отпуске, в это время «предложения», адресованные Конференции, исходили не от него, а от временно исполнявшего его обязанности или же напрямую от министра. В этих случаях распоряжения начальства не противоречили общей стратегии, а нередко были согласованы с Уваровым, поэтому также учитывались при составлении таблицы.

Приведенные данные показывают, что контакты Уварова с «ученым сословием» носили постоянный и многосторонний характер, охватывали широкий круг проблем: от учебных вопросов (изменения расписания, курсов лекций, назначение профессоров и учителей, распределение окончивших студентов на учительские места, отчисление) до простого и формального доведения указов императора или Сената.

Можно заметить, что наибольшая доля обращений Уварова к Конференции за 1811–1821 годы (356 из 981, или 36 %) представляла собой ретрансляцию распоряжений министра. Однако в эту же группу мы включаем и те распоряжения министра, которые лишь утверждали пред-

ложения попечителя, с соответствующими формулировками: «[министр] изъявил согласие на предложение попечителя», «вследствие отношения [попечителя] к министру». Таким образом, Уваров выступал как посредник между «ученым сословием» и министерством, представляя в нужном свете или лоббируя тот или иной проект, исходивший от вышестоящего начальства. В то же время он реагировал на инициативы и проекты, предложенные профессорской корпорацией, которые мог дополнять и корректировать. Подобный стиль взаимодействия попечителя с Конференцией соответствовал нормам учредительных документов 1803–1804 годов – «Предварительных правил народного просвещения» и университетских уставов, согласно которым фигура попечителя символизировала «включенность» университета в систему государственных учреждений России [2: 130].

Журналы 1811–1821 годов позволяют проследить взаимодействие Уварова с Конференцией ПИ / ГПИ / университета в динамике. Таблица 2 отражает количество предложений попечителя, рассмотренных профессорской корпорацией в то или иное время.

Таблица 1. Структура административной коммуникации С. С. Уварова с Конференцией в 1811–1821 годах

Table 1. The structure of Sergey Uvarov's administrative communication with the Conference of Saint Petersburg University (1811–1821)

Год	Учебные вопросы	Ретрансляция распоряжений министра народного просвещения	Хозяйственные вопросы	Надзор	Донесение Высочайших указов или указов Сената	Итого
1811	32	75	17	5	8	137
1812	32	46	23	18	7	126
1813	23	24	15	2	4	68
1814	22	42	18	3	9	94
1815	35	24	13	–	13	85
1816	54	27	29	6	21	137
1817	43	28	7	3	10	91
1818	27	14	5	3	4	53
1819	43	26	9	2	4	84
1820	34	32	8	–	4	78
1821 ⁹	8	18	1	–	1	28
Итого	353	356	145	42	85	981

Таблица 2. Хроника (динамика) взаимодействия С. С. Уварова с Конференцией в 1811–1821 годах

Table 2. The timeline and dynamics of Sergey Uvarov's interaction with the Conference of Saint Petersburg University (1811–1821)

Год/месяц	1811	1812	1813	1814	1815	1816	1817	1818	1819	1820	1821	Итого
Январь	14	9	– ¹⁰	7	7	7	16	5	2	13	7	87
Февраль	– ¹¹	9	4	10	6	9	6	7	2	3	5	61
Март	14	18	7	8	5	16	8	9	16	11	7	119
Апрель	12	15	12	7	5	5	9	7	5	5	6	88
Май	18	18	7	6	9	8	16	8	8	9	3	110
Июнь	11	6	6	8	7	6	2	2	6	4	–	58
Июль	12	14	3	6	10	21	1	2	–	–	–	69
Август	19	16	4	8	4	8	9	3	9	10	–	90
Сентябрь	9	3	7	8	10	17	6	1	9	5	–	75
Октябрь	9	8	7	13	12	15	3	3	9	8	–	87
Ноябрь	8	3	2	4	5	5	4	3	8	7	–	49
Декабрь	11	7	9	9	5	20	11	3	10	3	–	88
Итого	137	126	68	94	85	137	91	53	84	78	28	981

Таким образом, контакты Уварова с Конференцией не были одинаково интенсивными в течение 10,5 лет управления округом: были периоды плотного взаимодействия и времена «затишья», когда попечитель был пассивен и лишь доводил текущие распоряжения высшего начальства. Так, в 1816 году, когда готовилось преобразование ПИ в ГПИ, Уваров был активен: предлагал к обсуждению проекты преобразований, участвовал в обсуждении предложений Конференции, развернуто отвечал на запросы профессоров. Напротив, в 1821 году он в основном ретранслировал распоряжения министра (например, информировал Конференцию об открывшихся учительских вакансиях в училищах округа или за его пределами).

Важно понимать, что плотность взаимодействия Уварова с Конференцией лишь отчасти коррелирует с размахом его собственной реформаторской активности. Интенсивность контактов Уварова с «ученым сословием» зависела и от внешних обстоятельств, определявших объем текущего делопроизводства, например, в 1812 году они были вызваны реализацией плана эвакуации учебных заведений, в том числе ПИ, из Петербурга. Другие распоряжения Уварова являлись ответом на инициативы профессорской корпорации или директоров училищ. Однако в 1817–1819 годах при меньшем суммарном числе обращений к Конференции Уваров провел через нее наиболее серьезные проекты реформ, связанных с реорганизацией ПИ в ГПИ, а последнего – в университет.

Интенсивность взаимодействия с профессорами зависела от годового учебного цикла: была более высокой в период экзаменов и в начале нового учебного года (в январе – феврале), меньшей – в летний период, когда многие профессора, да и сам попечитель отправлялись в отпуск, а студентам объявлялись летние каникулы. Осень также была периодом активности в решении учебных и кадровых вопросов. При временном замещении Уварова другим лицом интенсивность контактов с Конференцией уменьшалась. Когда к собранию Конференции, обычно происходившему дважды в месяц, не поступало ни одного «предложения» от Уварова (как это случилось в 1813 и 1818 годах), «ученое сословие», судя по протоколам, ограничивалось обсуждением текущих дел: представлений директора института, ходатайств профессоров, отношений других университетов и учреждений, работы Комитета испытаний гражданских чиновников и т. д.

В отсутствие Уварова управление осуществлялось через исполняющего обязанности попечителя, а иногда и напрямую через министра.

Так, во время трехмесячного отпуска Уварова (с июня по сентябрь 1812 года) Конференция ПИ «о всех, времени не терпящих делах» относилась непосредственно к тогдашнему и. о. министра народного просвещения обер-прокурору Св. Синода А. Н. Голицыну¹². С июня по октябрь 1817 года Уварова замещал попечитель Казанского учебного округа М. А. Салтыков¹³, а летом 1819 года (июль – октябрь) – член ГПУ и непременный секретарь Академии наук Н. И. Фус, прямой подчиненный Уварова по Академии¹⁴. Замещающие попечителя не выступали с инициативами, осуществляя формальные функции. Важнейшие вопросы и вовсе откладывались до возвращения Уварова, а он затем запрашивал у Конференции детальный отчет о решенных в его отсутствие делах.

Немалая доля контактов Уварова с Конференцией посвящалась укреплению материальной и учебно-научной базы университета и совершенствованию преподавания наук. Уваров выступал посредником в пополнении библиотеки (нередко сам приносил книги в дар, в том числе редкие), покупке минералогических и ботанических коллекций, в поиске новых помещений, в приеме воспитанников в обход правил (в середине года), в постановке преподавания классических языков как основы подготовки не только гуманитариев, но и естественников. В частности, при участии Уварова 1 февраля 1812 года Конференцией ПИ по представлению магистра Егора Сферина было закуплено 17 экземпляров греческой грамматики и «греческой книжки, изданной в Москве [М. Т.] Каченовским», для обучения студентов языку¹⁵.

Попечитель также контролировал соблюдение преподающими своих обязанностей, то есть посещение ими занятий. Он регулярно просматривал подаваемые инспектором еженедельные ведомости о состоянии института / университета, на основании которых делал выговоры тем профессорам, кто пропускал лекции без уважительной причины. Порицание коллег от имени начальства возлагалось на ректора. Так, по представлению и. о. попечителя Н. И. Фуса в заседании Конференции 1 сентября 1819 года ректор М. А. Балугьянский сделал замечание адъюнкту Д. П. Попову и учителю К. Ф. Радлову за «отлучки» во время лекций, добавив, что «ежели иная служба... препятствует отправлению преподавания, то она и не может быть совместна со службой университетской»¹⁶.

Уваров инициировал внеочередные заседания Конференции, а иногда и посещал их¹⁷. 5 июня 1812 года на чрезвычайном собрании он в торжественной обстановке утвердил Е. А. Энгель-

гардта в должности директора института¹⁸. С учреждением этой должности система администрирования института изменилась, теперь директор выступал в роли посредника между попечителем и Конференцией¹⁹. Фигура директора имела важное значение в системе взаимодействия между «ученым сословием» и высшим начальством. Энгельгардт сотрудничал с Уваровым, при этом понимал нужды института и выражал интересы его профессоров и студентов. Он успешно организовал их эвакуацию в Петрозаводск в 1812–1813 годах, а позже – ремонтные работы в здании института. Его преемник Д. А. Кавелин, наоборот, стремился играть самостоятельную роль, а впоследствии стал союзником Д. П. Рунича в ходе политического процесса над профессорами университета в 1821–1822 годах. Его назначение было просчетом Уварова, знавшего Кавелина по литературному кружку «Арзамас»²⁰ и предложившего в 1816 году министру А. Н. Голицыну его кандидатуру на должность директора ПИ.

22 марта 1818 года по инициативе Уварова состоялось торжественное собрание ГПИ, посвященное открытию кафедр восточных языков. Речь попечителя, произнесенная на этом собрании²¹, стала манифестом официального либерализма и имела большой общественный резонанс. Приглашение из Парижа двух рекомендованных французскими ориенталистами А. И. Сильвестром де-Саси и А.-Л. Шези молодых ученых: Жана-Франсуа Деманжа и Франсуа-Бернара Шармуа, принятых в ГПИ ординарными профессорами арабского и персидского языка, было личным проектом Уварова по реформированию преподавания восточных языков. 14 февраля 1819 года состоялось еще одно чрезвычайное заседание Конференции ГПИ, в ходе которого попечитель публично объявил профессорам о преобразовании ГПИ в университет и провозгласил новый университет будущим научно-культурным центром столицы²².

ДИСКУССИИ С «УЧЕНЫМ СОСЛОВИЕМ» КАК ФОРМА СОТРУДНИЧЕСТВА

Что касается стиля делового общения Уварова с Конференцией, то попечитель выстраивал этот диалог, не ущемляя академическую самостоятельность корпорации, декларированную уставами 1804 года, и редко навязывал Конференции какие-либо перемены управления или собственные проекты. Напротив, он одобрял и оформлял в виде представлений министру почти все предложения Конференции. Конференция, в свою очередь, особенно в первый год управления Уварова, позволяла себе критиковать некото-

рые предложения молодого администратора, который занял эту должность в 24 года, имея за спиной только опыт дипломатической службы²³. Весьма показательны в этом отношении дискуссии, развернувшиеся между Уваровым и Конференцией ПИ в 1811–1813 годах по поводу реорганизации учебного процесса. Они свидетельствуют о том, что попечитель не только допускал критику в свой адрес, но и был готов принять конструктивные поправки от «ученого сословия».

20 января 1811 года Конференция представила Уварову проект расписания часов и преподаваемых предметов. Попечитель не был полностью удовлетворен представленным расписанием и предложил его скорректировать: замечания касались в первую очередь формата занятий. Конференция хотела сохранить общие занятия для всех студентов, Уваров же предложил отделить более успевающих воспитанников от отстающих и, соответственно, организовать первый (верхний, подготовительный) и второй (нижний) классы. В первом классе, как он считал, «надобно преимущественно заниматься науками» (Закон Божий, математическая география, логика, метафизика и этика, общая история, алгебра, естественная история, языки), а во втором – «более заниматься языками» (Закон Божий, арифметика и геометрия, общая география, древняя история, языки)²⁴.

Конференция на заседании 25 января 1811 года подвергла предложение Уварова серьезной критике. Профессорам не были ясны продолжительность подготовительного (первого) класса и его назначение. Если целью первого класса было «уравнивание» учеников для подготовки к слушанию лекций «нижнего» класса, то профессорам казалось странным, что предметы в двух классах различны. Конференция не согласилась с предложением разделить предметы между классами, которое привело бы к чрезмерной нагрузке одних преподавателей и к «праздности» других. Профессорское собрание рекомендовало отредактировать предложенный попечителем план, дабы приспособить его «к выпускам из гимназий»²⁵. Уваров принял доводы Конференции и компромиссное решение: его идея о разделении студентов по уровню подготовки на «классы» была сохранена, но вместо двух в ПИ учреждалось три класса: нижний, средний, верхний в зависимости от уровня подготовки поступающих²⁶.

Возражения Конференции вызвала и попытка Уварова внедрить в ПИ специализацию по отраслям знаний посредством распределения студентов на «разряды» в зависимости от их интересов, следовательно, от будущей специальности.

Эту меру попечитель намеревался осуществить в «верхнем» отделении ПИ, где оканчивали обучение студенты, готовившиеся стать учителями. 5 апреля 1813 года Уваров сделал представление Конференции, предложив разделить высшее отделение ПИ на четыре «разряда». Первый «разряд» должен был быть философско-юридическим (философия, права и эстетика), второй предполагал естественно-научный уклон (физика, химия и минералогия), третий «разряд» был техническим (естественная история, сельское хозяйство и технология), а четвертый – гуманитарным (география, статистика, политическая экономия, коммерция и финансы). Каждый студент высшего отделения ПИ «по склонности» своей должен был выбрать один из четырех разрядов и заниматься входящими в его состав науками, а от слушания лекций по предметам других разрядов освобождался. Общеобязательными предметами для всех «разрядов» оставались только языки: российский, латинский, немецкий и французский²⁷.

Реализовать этот план Уварову удалось не сразу, поскольку Конференция после детального рассмотрения плана дала отрицательное заключение. Профессора нашли «разрядную» систему не соответствующей нормам школьного Устава 1804 года, предполагавшего приобретение выпускниками ПИ «общего знания» во всех предметах гимназического курса, а также приводящей к неравномерной нагрузке на преподавателей. Конференция предложила иную оптимизацию учебного процесса: дать 15 старшим студентам окончить курс наук к 1 июля 1813 года, а на их место набрать учеников гимназий из всех учебных округов, подвергнув их предварительному экзамену²⁸.

Этот план Конференции также не был реализован, и в верхнем отделении ПИ не была утверждена «разрядная» система. Судя по всему, реформа Уварова была отложена и к ней не возвращались вплоть до открытия С.-Петербургского университета, в стенах которого в 1820 года была введена уже внутрифакультетская специализация (два факультета из трех были разделены на «разряды» с целью уменьшения нагрузки на студентов)²⁹.

Наиболее известный в научной литературе пример «конфликта» Уварова с «ученым сословием» столичного университета – критика профессорами представленного попечителем в 1819 году проекта Устава Петербургского университета. После того как этот проект встретил непримиримую критику в Главном правлении училищ [7], было решено передать его на рассмотрение особому комитету в составе ректора М. А. Балугьянского, директора Д. А. Кавели-

на и профессоров В. Г. Кукольника, Д. С. Чижова и А. П. Куницына³⁰. Комитет 16 февраля 1820 года представил свой отзыв на устав из двух частей: общее мнение и частные замечания. Каждая часть включала конструктивные предложения, но по форме напоминала попытку переписать уваровский проект Устава. Заключение комитета профессоров и их замечания создавали впечатление, что проект Уварова не удовлетворил их не только в деталях, но и в целом: организационное устройство нового университета было названо «неясным», жалованье, им положенное, сочтено слишком низким, программа преподавания – слишком жестко определенной³¹.

Профессорские замечания на уваровский проект Устава только усилили сложившееся в ГПУ противодействие ему. Конструктивные же замечания профессоров не нейтрализовали вздорные реплики идеологических оппонентов Уварова в министерстве – архимандрита Филарета, М. Л. Магницкого и Д. П. Рунича. Советские историки склонны были драматизировать это «столкновение» Уварова с «ученым сословием» университета. Е. М. Косачевская трактовала историю с отклонением уваровского проекта Устава как спор «прогрессивной профессуры» с «правительственным чиновником» Уваровым [4: 96–109]. Данное объяснение выглядит надуманным и ангажированным. Подвергнутый критике проект Устава, опиравшийся на идеи «немецкой модели» университета, которой были присущи широкая внутренняя автономия и ориентация на научные исследования, не мог быть составлен «реакционером» [1: 529–537]. Не вполне корректно и утверждение биографов, что Уваров «не был своим в профессорской среде» [5: 14–15]. Разумеется, попечитель находился от этой среды на определенной социальной и административной дистанции, но он точно не был далек от понимания нужд «ученого сословия».

На наш взгляд, именно длительный опыт совместной работы и тесный контакт Уварова с профессорами на протяжении многих лет объясняет обилие критических замечаний на Устав с их стороны. Приведенные выше материалы журналов Конференции Петербургского университета и его предшественников свидетельствуют, что к моменту обсуждения Устава в 1819–1820 годах профессорское собрание не раз выступало с критикой проектов попечителя. С точки зрения обычной практики взаимодействия Уварова с «ученым сословием» в ходе обсуждения его проекта Устава не случилось ничего экстраординарного. Профессора, как и прежде, детально изучили по поручению ГПУ этот

проект, обратив внимание на его слабые стороны. Другое дело, что ситуация с рассмотрением уваровского проекта Устава вышла за рамки университета и его корпорации. Представленными от профессоров замечаниями умело воспользовались оппоненты Уварова в министерстве, в итоге проект Устава был отклонен, подвергся коренной переработке, но остался невостребованным, а впоследствии даже считался утраченным³². Скорее всего, если бы обсуждение Устава происходило в рамках двустороннего диалога между Уваровым и «ученым сословием», то после необходимой редакции он был бы утвержден, а сам Петербургский университет не остался бы на много лет без твердого правового и административного статуса.

ПОДДЕРЖКА «УЧЕНОГО СОСЛОВИЯ»

Процедура обсуждения и утверждения проектов реформ в ПИ, ГПИ и С.-Петербургском университете при Уварове, когда профессорская корпорация сама инициировала нововведения или обсуждала их в диалоге с попечителем, иллюстрирует границы реальной академической автономии. Уваров давал возможность Конференции не только предлагать проекты преобразований, но и определять ответственного за исполнение того или иного поручения. Так, 6 апреля 1812 года попечитель предписал Конференции ПИ вести журнал учета посещений профессорами учебных классов, переложив выбор ответственного за это лица «на рассуждение» самой Конференции. Она большинством голосов избрала ответственным профессора В. Г. Кукольника³³.

После преобразования ПИ в ГПИ в 1817 году и создания внутри последнего трех «отделений» (наук философских и юридических, наук физических и математических, наук исторических и словесных³⁴) взаимодействие происходило уже не только между попечителем и Конференцией, но также между Конференцией и отдельными факультетами, между попечителем и отдельными профессорами. Уваров зачастую шел навстречу преподавателям даже в тех решениях, которые на первый взгляд могли показаться для него неприемлемыми. Например, 9 марта 1818 года Уваров поддержал «словесное представление» физико-математического отделения и разрешил студентам окончательного курса этого отделения не слушать лекции профессора Э.-Б. Раупаха по всеобщей истории, которые читались на латинском языке, чтобы студенты могли сконцентрироваться на более важных для них предметах естественно-научного цикла³⁵. Подобное решение было логичным, несмотря на то что история

как наука представлялась Уварову одним из ключевых предметов в обучении³⁶. Он признал доводы Конференции и согласился на уменьшение часов преподавания истории.

Уваров был готов идти на послабления и в отношении латинского языка, хотя рассматривал его как основной язык науки, сердцевину университетского образования³⁷. В заседании Конференции С.-Петербургского университета 3 марта 1819 года рассматривался вопрос об исключении четырех воспитанников – Зверева, Пятницкого, Первухина и Корганова, не прошедших испытания в латинском языке³⁸. В итоге отчисленными из университета оказались все, кроме Пятницкого, который был оставлен Уваровым в университете только «в уважение» неоднократного словесного ходатайства за студента, поданного профессором математики Д. С. Чижовым³⁹.

Помимо взаимодействия с «ученым сословием» в целом, Уваров выстраивал и персональные связи с отдельными профессорами. Он открыто протезировал известного публициста и педагога Э.-Б. Раупаха, который в 1817 году был определен в ГПИ ординарным профессором немецкой словесности, а с начала 1818 года взял на себя и преподавание всеобщей истории. Судя по всему, Уваров планировал привлечь Раупаха к преподаванию еще до преобразования ПИ в ГПИ, о чем свидетельствуют материалы ОПИ ГИМ, а именно отложившееся в фонде Уваровых недатированное представление попечителя о Раупахе министру А. Н. Голицыну. Уваров рассчитывал определить Раупаха на преподаваемую в ГПИ кафедру «новой классической словесности», лекции на которой, по мысли попечителя, должны были

«обнимать не только одну теорию литературы, из лучших новейших писателей извлеченную, но и полный практический курс словесности последних трех веков образованных европейских народов, имеющих классических авторов, каковы суть: испанцы, французы, англичане, немцы, итальянцы».

Уваров подчеркивал, что

«для преподавания сих лекций трудно найти человека, способнее Раупаха, который с глубоким познанием древних языков соединяет и редкие сведения в новейшей словесности и сам может стать наряду с лучшими германскими писателями нашего времени. Он имеет редкий дар изъяснять мысли свои и отличную методу преподавания»⁴⁰.

Давая столь высокую оценку Раупаху как преподавателю, Уваров прочил ему серьезную научную карьеру. В связи с отклонением предложения об образовании кафедры «новой классической словесности» в ГПИ он намере-

вался определить Раупаха в Академию наук, в «академических актах» которой рассчитывал печатать его сочинения по части эстетики, словесности и философии, причем «не на одном латинском или российском языке, но и на немецком и французском»⁴¹. Судя по тому, что Раупах не стал членом Академии наук, министр отклонил это предложение или же попечитель так и не подал его на рассмотрение. Впоследствии, при образовании С.-Петербургского университета в 1819 году, Уваров был готов утвердить Раупаха первым ректором университета, но потерпел неудачу⁴².

Большое значение Уваров придавал изучению российской словесности, благодаря его настойчивости ею «начинали более чем когда-нибудь прежде заниматься»⁴³. По инициативе Уварова в 1816 году в ГПИ была впервые в России создана кафедра российской словесности (до этого преподавание данной дисциплины было совмещено с преподаванием эстетики). На новую кафедру попечитель пригласил профессора С.-Петербургской духовной семинарии Я. В. Толмачёва, на которого возлагал большие надежды как на универсального преподавателя⁴⁴. К сожалению, эти расчеты не оправдались. Во время известного «дела профессоров» 1821 года Толмачёв встал на сторону Д. П. Рунича, всячески помогая ему, фальсифицировал протоколы, предавая тем самым и Уварова, и всю университетскую корпорацию⁴⁵. Таким образом, не все кадровые решения Уварова оказывались удачными.

Когда прошения о зачислении в штат ПИ или университета подавались напрямую Уварову, он внимательно отбирал претендентов. В январе 1816 года попечитель получил письмо от А. Г. Огинского – педагога, писателя-переводчика, чиновника МНП, который «желал быть полезным в наставлении других» и просил об определении его в ПИ в качестве экстраординарного профессора латинского языка или адъюнкта греческой словесности. Огинскому было отказано⁴⁶. Известно, что впоследствии он выступил автором записки «О способе преподавать историю» и претендовал на профессорскую должность по кафедре всеобщей истории ГПИ, но Уваров вновь отклонил его кандидатуру [б: 167], предпочтя ему Раупаха.

Попечитель не упускал из виду материальную поддержку преподающих, особенно тех, кто оказался в тяжелом положении из-за преклонного возраста или плохого состояния здоровья. Факт личного участия Уварова в персональной помощи профессорам отражается в документах Конференции и попечительской канцелярии по во-

просам увольнений, наградений, назначения пенсий. Примером может служить поддержка Уваровым преподавателя черчения и рисования ПИ М. Берлинского, который с 1815 года ввиду старости стал одержим «болезненными припадками». Высоко оценивая «беспереывную» 25-летнюю службу Берлинского, Уваров попросил у министра А. К. Разумовского увольнения Берлинского с годовым пенсионом в 700 руб. и с пожалованием следующим чином надворного советника⁴⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные документы позволяют говорить о постоянном диалоге Уварова-администратора и академического сообщества по всем вопросам управления: правовым, экономическим, учебным, вопросам социальной помощи. Этот диалог документирован, хотя, пребывая в Петербурге, попечитель имел возможность и лично посещать университет, принимать у себя в канцелярии профессоров, студентов, других просителей и даже присутствовать на экзаменах студентов и магистрантов⁴⁸. При этом Уваров не оставался только связующим звеном между «ученым сословием» и МНП, что было его основной служебной функцией. Он выступал активным участником коммуникации, нередко предлагая на рассмотрение Конференции собственные проекты, которые проходили конструктивное обсуждение.

Стиль общения Уварова с «ученым сословием» отличался сдержанностью, конкретностью требований, конструктивностью. К профессорам он относился как к «истинным сотрудникам», а в открытом в 1819 году Петербургском университете видел свое «детище» [б: 22]. Вникая во все вопросы внутренней жизни университета (что являлось его прямой обязанностью), он не ограничивал декларированную университетским Уставом 1804 года академическую автономию. Во время его руководства учебным округом профессорская корпорация, в том числе отдельные факультеты / «отделения», имели возможность предлагать свои идеи и планы реформ, а также критически оценивать реформаторские проекты попечителя. Со своей стороны попечитель принимал во внимание возражения профессоров и был готов к корректировке первоначальных проектов в соответствии с их аргументами. Сотрудничество Уварова с профессурой подведомственного университета доказывает его верность положениям либеральных уставов 1803–1804 годов, закрепивших систему университетов как центров учебных округов.

Не меньшее значение Уваров придавал адресной помощи профессорам, что выражалось как в открытом протектировании приглашенных им, так и в финансовой поддержке тех, кто находился в тяжелых жизненных обстоятельствах. Заботы Уварова о «страждущем классе»⁴⁹, как он именовал тех, кто избрал педагогическое поприще, были оценены. В момент своей отставки 3 мая 1821 года Уваров направил письмо Конференции университета, выразив «истинную благодарность за усердное содействие, которое он в те-

чение десяти лет находил в членах университета». В ответ он получил «такую же благодарность от имени всей конференции», которая была передана через ректора М. А. Балугьянского⁵⁰. Усилия Уварова по созданию крепкой профессорско-преподавательской корпорации в Петербургском университете и налаживанию в ней атмосферы сотрудничества в интересах развития науки стали залогом устойчивого развития университета, несмотря на кризис в управлении просвещением конца 1810-х – начала 1820-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Уваров С. С. Опыт автобиографии, посвященный моему сыну. 1852 // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 303.
- ² РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 83. Л. 2.
- ³ С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835 / Ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. С. 551.
- ⁴ Уваров С. С. Опыт автобиографии... С. 303.
- ⁵ Посохов С. И., Чухлий С. А. Воспоминания о Харьковском университете профессора Людвиг Якоба // Харківський історіографічний збірник. Вип. 13. Харків, 2014. С. 231–233.
- ⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 84. Л. 29–30.
- ⁷ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 13–14.
- ⁸ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4216. 304 л.; Д. 4222. 224 л.; Д. 4224. 148 л.; Д. 4225. 193 л.; Д. 4229. 316 л.; Д. 4230. 218 л.; Д. 4232. 233 л.; Ф. 14. Оп. 27. Д. 4. 269 л.
- ⁹ В расчет брался только период с января по май 1821 года. 6 мая 1821 года перед сложением Уваровым своих полномочий состоялось последнее заседание Конференции, рассматривавшее его предложения (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 4. Л. 1–40).
- ¹⁰ В январе 1813 года Уваровым не было сделано ни одного «предложения» Конференции, поскольку ПИ находился в эвакуации в Петрозаводске (ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4224. Л. 1–2).
- ¹¹ В феврале 1811 года в Конференцию не поступило ни одного представления Уварова, что можно объяснить его отсутствием в Петербурге (ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 804. Л. 1).
- ¹² ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1249. Л. 1
- ¹³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1778. Л. 1; Д. 2741. Л. 2.
- ¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2914. Л. 1–3.
- ¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4222. Л. 18–19.
- ¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4232. Л. 76.
- ¹⁷ Согласно журналу Конференции ГПИ за 1817–1818 годы, Уваров присутствовал в заседании Конференции от 1 февраля 1817 года, которое было посвящено разработке расписания для всех учебных курсов ГПИ (ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4230. Л. 25–26).
- ¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4222. Л. 131.
- ¹⁹ С момента учреждения должности директора ПИ Уваров подавал в Конференцию особые представления уже на его имя, которые рассматривались в первую очередь (ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4222. Л. 135, 145, 166; ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4224. Л. 15, 49, 67, 87, 91, 99; ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4225. Л. 105, 129, 139, 155, 177).
- ²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.
- ²¹ Уваров С. С. Речь Президента Императорской Академии Наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института, 22 марта 1818 года // Уваров С. С. Государственные основы / Сост., предисл. и коммент. В. Б. Трофимовой; Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. С. 287–317.
- ²² Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 13–14.
- ²³ Плетнев П. А. Памяти графа Сергея Семёновича Уварова, президента Академии наук. СПб., 1855. С. 8.
- ²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 867. Л. 2–4.
- ²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4216. Л. 22–24.
- ²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 459. Л. 11–12;
- ²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1305. Л. 1–2.
- ²⁸ Там же. Л. 8–10.
- ²⁹ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 31–37.

- ³⁰ Рождественский С. В. Первоначальное образование С.-Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835 / Ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. С. XXXVI.
- ³¹ Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 115–130.
- ³² Рождественский С. В. Первоначальное образование... С. XXX.
- ³³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4222. Л. 69–70.
- ³⁴ Сборник постановлений по МНП... Т. I. СПб., 1875. Стб. 921.
- ³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1838. Л. 1–3.
- ³⁶ Уваров С. С. Речь Президента Императорской Академии Наук... С. 288.
- ³⁷ Рождественский С. В. Первоначальное образование... С. XXIII–XXIV
- ³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2877. Л. 1–2.
- ³⁹ Там же. Л. 15–17;
- ⁴⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 154.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 16–21.
- ⁴³ Шмид Г. К. История средних учебных заведений в России. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1878. С. 89.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 169. Л. 1–4.
- ⁴⁵ Устрялов Н. Г. Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880. № 8. С. 609; Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1886. С. 294–295.
- ⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 1.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 163. Л. 1–16.
- ⁴⁸ Уваров принимал участие в экзамене воспитанников, а также в процедуре сдачи экзаменов и защит диссертаций на получение степеней магистра и адъюнкта. Например, 4 июня 1817 года он присутствовал в заседании Комитета испытаний историко-словесного отделения ГПИ, в котором магистр Д. П. Попов экзаменовался на степень адъюнкта древней словесности (ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4230. Л. 73).
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 24.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 383. Л. 113–115.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
2. Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I: Учеб. пособие по спецкурсу. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 222 с.
3. Калинина Е. А. Школы Олонецкой губернии первой половины XIX в.: исторические очерки и документы. СПб: Дмитрий Буланин, 2015. 502 с.
4. Косачевская Е. М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. 271 с.
5. Парсамов В. С., Удалов С. В. Сергей Семенович Уваров // Уваров С. С. Избранные труды / Сост., вступ. ст. и коммент. В. С. Парсимова, С. В. Удалова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–54.
6. Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования: В 4 кн. Кн. 2, ч. 3: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. М.: Гос. истор. музей, 1998. 388 с.
7. Пустовойт И. С., Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и его нереализованный проект устава Санкт-Петербургского университета 1819 года // Труды Кольского научного центра. Гуманитарная серия. 2021. Т. 12, № 1 (20). С. 81–103.

Поступила в редакцию 09.12.2024; принята к публикации 27.01.2025

Original article

Ivan S. Pustovoi, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
 botanpustovoi@gmail.com

**COUNT SERGEY UVAROV AND THE “SCHOLARLY CLASS”
 OF SAINT PETERSBURG UNIVERSITY IN THE 1810s AND THE EARLY 1820s**

Abstract. The period of Sergey Semyonovich Uvarov’s tenure as the curator of the Saint Petersburg educational district from 1811 to 1821 has not yet received significant attention from scholars. However, it was during this period of Uvarov’s governmental activity that he developed his socio-political perspectives and a set of administrative practices

that were consistent with the image of the “enlightened bureaucrat”. Based on the materials from departmental and university records, in particular the journals of the Conference of Saint Petersburg University and its predecessors, Petersburg Pedagogical Institute and Main Pedagogical Institute, this article examines one area of Uvarov’s activity – his interaction with the faculty of the capital university. It was established that, in accordance with his duties as a curator, Uvarov maintained constant communication with the academic community (the “scholarly class”). His relationship with the faculty was established within the formal framework and covered a wide range of issues, including the design of the educational process at the institution, admission and placement of students, departmental changes, and implementation of decrees from the Emperor or the Senate. Uvarov firmly advocated the academic privileges granted by the statutes of 1804, his style of communication with the professorial staff was distinguished by mutual respect and constructiveness, while the “scholarly class” enjoyed true academic autonomy: the scholars initiated their own transformation projects and even criticized the proposals of the curator. In addition to interacting with the academic community at Saint Petersburg University, Uvarov provided personal assistance to professors. His efforts to create a cooperative atmosphere at the university, with the goal of promoting the development of science, became a key factor in the university's sustainable development, despite the challenges presented by the crisis in education management in the late 1810s and the early 1820s.

Key words: Sergey Uvarov, curator of Saint Petersburg educational district, Saint Petersburg University, professorial corporation, education management

For citation: Pustovoit, I. S. Count Sergey Uvarov and the “scholarly class” of Saint Petersburg University in the 1810s and the early 1820s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):65–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1147

REFERENCES

1. Andreev, A. Yu. Russian universities of the XVIII and the first half of the XIX century in the context of the university history of Europe. Moscow, 2009. 640 p. (In Russ.)
2. Zhukovskaya, T. N. Government and society under Alexander I: Textbook for a special course. Petrozavodsk, 2002. 222 p. (In Russ.)
3. Kalinina, E. A. Schools of the Olonets Province in the first half of the XIX century: historical essays and documents. St. Petersburg, 2015. 502 p. (In Russ.)
4. Kosachevskaya, E. M. Mikhail Andreevich Balugyansky and Saint Petersburg University in the first quarter of the XIX century. Leningrad, 1971. 271 p. (In Russ.)
5. Parsamov, V. S., Udalov, S. V. Sergey Semyonovich Uvarov. *Uvarov, S. S. Selected works*. (V. S. Parsamov, S. V. Udalov, Eds.). Moscow, 2010. P. 5–54. (In Russ.)
6. Petrov, F. A. Russian universities in the first half of the XIX century. Formation of the university education system: In 4 books. Book 2, Part 3: The formation of the university education system in Russia during the first decades of the XIX century. Moscow, 1998. 388 p. (In Russ.)
7. Pustovoit, I. S., Zhukovskaya, T. N. S. S. Uvarov and his unrealized draft of the charter of St. Petersburg University (1819). *Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies*. 2021;12(1(20)):81–103. (In Russ.)

Received: 9 December 2024; accepted: 27 January 2025

АНДРЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ АШИХМИН

главный специалист Отдела научных публикаций
Российский государственный исторический архив
аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9830-3565; andrey.v.ashikhmin@gmail.com

С. С. УВАРОВ И «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В ПОЛИТИКЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРАЕ

Аннотация. На материалах Департамента народного просвещения, Еврейского комитета и личного архива С. С. Уварова рассматриваются проблемы министерской политики по «еврейскому вопросу» в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Исследуются планы преобразований еврейских школ и их практическая реализация – от начала разработки С. С. Уваровым реформы еврейских училищ в 1835 году до утверждения Николаем I положения «О еврейских казенных училищах» в 1844 году. Показано, как проект С. С. Уварова трансформировался в ходе деятельности Еврейского комитета, возглавляемого П. Д. Киселевым, и какое влияние на концепцию министра народного просвещения оказали еврейские просветители. Рассматривая политику С. С. Уварова по «еврейскому вопросу» как отражение доктрины «мягкой силы», автор оценивает школьные проекты министра как полноценную реформу, имевшую серьезные предпосылки, но претерпевшую значительные изменения в ходе обсуждения в Еврейском комитете.

Ключевые слова: С. С. Уваров, Министерство народного просвещения, «еврейский вопрос», Николай I, Юго-Западный край, окраины империи

Для цитирования: Ашихмин А. В. С. С. Уваров и «еврейский вопрос» в политике просвещения в Юго-Западном крае // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 76–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1148

ВВЕДЕНИЕ

«Еврейский вопрос» в эпоху Николая I и его преломление в правительственной политике нередко становились предметом исследований отечественных и зарубежных историков. С разной степенью детализации он освещался в трудах иудаистов дореволюционного и раннесоветского времени: А. В. Белецкого¹, П. С. Марека², С. М. Гинзбурга³, С. М. Дубнова⁴. В новейшее время «еврейский вопрос» (в том числе в контексте политики просвещения) рассматривался западными русистами: М. Станиславски [14], Ц. Виттекер [1], Р. Пайпсом [8], Дж. Д. Клиром [5], Е. Аврутиным [12], Д. Сталюнасом [9]. Из крупных исследований последних десятилетий, в которых изучаемая проблема получила новое осмысление, следует выделить работу А. И. Миллера [7], под редакцией которого вышли книги «Западные окраины Российской империи» [3] и «Понятия о России» [2], с обстоятельными очерками о «еврейском вопросе», а также труды В. Е. Кельнера [4] и И. В. Баркусского⁵.

Глава Министерства народного просвещения С. С. Уваров начал заниматься еврейской проблемой с 1835 года. Как и по многим другим вопросам, касавшимся национального образования на окраинах империи, он был сторонником «мягкой силы», а вовсе не прямолинейным имперцем-русификатором, каким изображается в некоторых современных исследованиях [13]. Однако справедливо будет заметить, что он питал давний интерес к положению евреев в империи вообще: в качестве сенатора он принимал активное участие в разбирательстве «велижского дела» 1823–1835 годов, в ходе которого некоторые евреи г. Велиж Витебской губернии были обвинены в ритуальном убийстве мальчика. В личном фонде Уварова мы находим его развернутое мнение по этому вопросу, а также черновик, в котором он собственноручно систематизировал все сведения об этом уголовном разбирательстве⁶. Из материалов следует, что Уваров принимал активное участие в обсуждении «велижского дела» в статусе сенатора, присутствующего в 5-м (уголовном) департаменте [11: 585]. Р. Пайпс давал

взвешенную оценку позиции министра по «еврейскому вопросу»:

«В отличие от большинства николаевских чиновников, Уваров не испытывал к еврейскому меньшинству неприязни, однако, подобно прочим представителям имперской элиты, он желал, чтобы евреи ассимилировались» [8: 48].

Более того, даже император Николай I, на которого Уваров мог влиять в первые годы управления министерством, не исключал создания высшего училища для евреев в одном из крупных городов Западных губерний⁷.

С. С. УВАРОВ И «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В 1830-е ГОДЫ

В 1835 году в канцелярии Департамента народного просвещения стали собираться документы, связанные с образованием для «еврейской нации»⁸. Ц. Виттекер отмечала, что министр настоял на включении «либеральных» пунктов положения 1804 года в новое положение «О евреях» 1835 года: они касались разрешения евреям учиться в любых государственных учебных заведениях, включая университеты [1: 230]. Также он настаивал на свободе от всех ограничений и на получении чина всеми выпускниками университетов иудейского вероисповедания. Вместе с тем, являясь сторонником умеренно-либерального подхода к еврейским школам, в 1834 году Уваров ввел более строгую предварительную цензуру для хасидских книг⁹. Хасидизм он считал сектой, как и многие высшие чиновники, включая П. Д. Киселева. В упомянутом «велижском деле» главную вину сенатор Уваров возлагал на хасидов, «ибо хасидимы – не что иное, как раскольники, и, подобно всем отщепенцам, готовы к заблуждениям всякого рода»¹⁰. Одно из пространств высказываний министра на предмет просвещения иудеев в Западном крае содержится в докладной записке Николаю I (1838). В ней он писал о необходимости соединения образования «умственного» и «нравственного» (кредо Уварова, применявшееся им и к полякам, и к столичному студенчеству), и о «твердых началах» (то есть «православии, самодержавии, народности»), которых следует придерживаться при открытии еврейских школ, и об особенном этнополитическом ландшафте Западного края, где «еврейский вопрос» тесно связан с «польским».

«В Западных губерниях, где издавна евреи поселились в наибольшем числе и где невежество поддерживается закоренелыми предрассудками и суевием, приведение в действие предположений правительства требовало особенных соображений с местными обстоятельствами...»,

– так министр, соотнося свои идеи с ожиданиями и представлениями императора, пытался лоббировать программу светского просвещения как «мягкой силы»¹¹.

Весьма интересна его интерпретация «религиозных заблуждений» иудейской общины. Он видел препятствие к просвещению не в иудаизме как таковом, а в его талмудических интерпретациях, принимаемых евреями как божественное откровение от раввинов и меламедов. Иудаизм, имевший распространение в местечках Западного края, министр вполне искренне считал «лжеучением», которое раввины передают общине как завещанное от отцов наследие и которое может быть преодолено только «благодетельно силой просвещения»¹². С. М. Гинзбург отмечал, что точка зрения Уварова по этому вопросу едва ли соответствовала действительности, а идея «очищения религиозных понятий» евреев от влияний Талмуда отражала неверно истолкованное желание еврейских просветителей (М. Лилянталя, И. Б. Левинзона, Н. Л. Розенталя и др.) бороться с «раввинизмом»¹³. Под этим термином подразумевалось гипертрофированное обрядово-схоластическое восприятие религии под влиянием позднейшей иудейской богословской литературы. Еврейский просветитель Н. Л. Розенталь в начале 1840-х годов отмечал, что «Талмуд предписывает только религиозное отчуждение еврея от не-евреев», и это отчуждение не относилось к гражданской жизни¹⁴. В начале 1830-х годов борьба с «раввинизмом», но не в интеллектуальном, а в управленческом смысле, понималась как приоритетная задача правительственной политики по «еврейскому вопросу» в Западном крае¹⁵.

Особое внимание министр уделял вопросу домашнего образования иудеев. В отличие от многих столичных администраторов, Уваров понимал, что большинство пунктов положения 1835 года не соблюдается, в особенности это касалось запрета обучаться на дому. Так, Уваров общал министру внутренних дел Д. Н. Блудову, что большинство еврейских школ Белорусского учебного округа устроены «домашним образом»:

«Учитель нанимает квартиру, где и обучает детей в продолжение целого дня, за исключением времени молитв и обеда. Бедным преподается учение в молитвенных домах»¹⁶.

В контексте борьбы с частным и домашним обучением на государственном уровне такая постановка вопроса становилась аргументом в пользу учреждения казенных еврейских училищ, за что и выступал С. С. Уваров. В крайнем случае министр народного просвещения допускал аттестацию еврейских домашних учителей с последующей выдачей им свидетельства

на право преподавания на общеимперских основаниях. С его точки зрения, это могло способствовать сближению евреев «с прочим народонаселением государства и соединить их узами гражданственности и общежития»¹⁷.

Реформа образования для евреев в ведомстве С. С. Уварова развернулась в 1835 году. К этому времени число иудейских детей, обучавшихся в еврейских училищах Западного края, было невелико. В Одесском учебном округе, где было два училища (для мальчиков и для девочек) в общей сложности обучалось 349 человек (из них 289 мальчиков). В Дерптском учебном округе было одно мужское училище, но неизвестно, сколько человек в нем обучалось. В Киевском учебном округе (в Киевской губернии, кроме губернского города, а также в Подольской, Волынской и Черниговской) в 1832 году было 135 частных еврейских училищ, где обучалось до 1,5 тыс. человек¹⁸. В начале реформы Уваров распорядился сохранить все частные еврейские школы при условии их размещения в черте оседлости, запрета обучения в них детей не иудейского вероисповедания, преподавания в них русского языка и государственной аттестации учителей.

В 1836 году попечитель Киевского учебного округа Е. Ф. фон Бракке сообщал министру сведения о наиболее крупных еврейских училищах Волынской губернии: наибольшая их концентрация приходилась на Новоград-Волынский (18 школ), Острог (34 школы), Луцк (25 школ), Дубно (36 школ), Ковель (7 школ)¹⁹. Сведения об училищах в Киевской, Подольской и Черниговской губерниях были собраны только через два года после начала еврейской реформы, в 1837 году. При этом киевский гражданский губернатор сообщал об отсутствии каких-либо частных еврейских училищ в губернии, отметив, что «обучаются еврейские дети читать и писать на еврейском языке домашними учителями из евреев, называемых спекторами»²⁰. Заметим, что администраторы воспринимали коллективное обучение на дому как частное еврейское училище, поэтому не проводили четких границ между «училищем» и обучением у меламеда. Е. Ф. Бракке дополнительно сообщал о еврейских училищах в Кременце (22 школы), в местечке Радзивилове (15 школ), Овручском уезде (44 школы), отметив, что все иудейские школы вверенного ему округа «не имеют прочных оснований». Этот вывод добавлял весомый аргумент в пользу мнения Уварова о необходимости и возможности «огосударствления» еврейской образовательной инфраструктуры не только в Юго-Западных губерниях, но в Западном крае в целом²¹.

В сравнении с густо населенными иудеями губерниями бывшей Речи Посполитой, Черниговщина, также причисленная к Киевскому учебному округу, не изобиловала еврейскими учебными заведениями: в Новгороде-Северском имелась всего одна школа, основанная кагалом; в Нежине частное обучение велось «в 10-ти домах»; в Погаре же проживало только четыре меламеда. Местное начальство сообщало о наличии в г. Чернигове 21 еврейского училища, однако некоторая часть из них не являлась школами, представляя собой частное обучение на дому²².

В отличие от Уварова и фон Бракке, многие местные чиновники были носителями этноконфессиональных предрассудков в отношении проживавших в Подольской и Волынской губерниях евреев. Подольский гражданский губернатор Г. С. Лашкарев в рапортах отмечал, что «евреи беспрестанно стремятся ко злу» и «всякое новое законоположение считают только порабощением»²³. Открытие государственных еврейских училищ по проекту Уварова, с его точки зрения, иудеи должны были «употребить тотчас во зло»²⁴. Таким образом, губернская администрация, в отличие от училищного начальства, не поддерживала проект государственных училищ для евреев, опасаясь, что одновременно с их организацией на нее будет возложена дополнительная ответственность.

В Юго-Западном крае крупные проекты по созданию общеобразовательных училищ имели место уже в 1830-е годы. В 1837 году одесский купец Г. Герценштейн обратился к С. С. Уварову с предложением на собственные деньги открыть по образцу Одесского училища учебные заведения в Каменце-Подольском, Могилеве-на-Днестре, Бердичеве и Умани. Герценштейн, несомненно, принадлежал к сословию маскилов²⁵ и желал «умножить учебные заведения еврейские под управлением образованных евреев», направляя на их содержание все средства с продажи напечатанных в еврейских типографиях книг²⁶. Училища, по-видимому, открыты не были, но план Герценштейна отражал целостную мировоззренческую платформу активно формирующейся просвещенной элиты еврейства.

Таким образом, единственным союзником Уварова в проведении еврейской школьной реформы была немногочисленная светская интеллигенция, в дальнейшем осуществлявшая роль агента Министерства народного просвещения в Западных губерниях. Главным помощником в деле реформы министр избрал Макса Лилиенталя (1815–1882), получившего степень доктора в Мюнхенском университете, в конце 1830-х годов успешно управлявшего Рижским еврейским училищем. Свои проповеди рижского периода

он опубликовал на немецком языке с посвящением С. С. Уварову, демонстрируя полную солидарность с министром в деле еврейской школьной реформы²⁷. Лилиенталь был тесно связан с западноевропейскими еврейскими интеллектуалами – Л. Цунцом, А. Гейгером, Л. Филиппсоном, Д. Луццатто, что позволяло ему активно вести поиск светских учителей для будущих «уваровских» еврейских училищ [14: 70]. Немаловажным фактором избрания Уваровым Лилиенталья в качестве помощника была необходимость пропаганды учебной реформы в европейской печати как либеральной в отношении еврейского населения. На раннем этапе реформы (до 1840 года) это вполне удавалось. В одном из писем влиятельному итальянскому маскилу Д. Луццатто М. Лилиенталь дал преобразованиям такую характеристику:

«Уваров нынче старается предотвратить крах начальных и средних школ наших единоверцев в России и Польше, готовя их, путем культурного развития, к лучшему будущему... Приобщившись к культуре, они получат и свободу, вслед за знаниями – права человека» [1: 231–232].

Как отмечает исследователь жизни и деятельности Лилиенталья И. В. Баркуский, в историографии можно найти противоположные оценки его деятельности:

«Одни обвиняют Лилиенталья в карьеризме и утверждают, будто он, идя на поводу у николаевского правительства, вел российское еврейство к христианизации. Другие же полагают, что в его деятельности наблюдалось стремление облегчить участь евреев черты оседлости и даже привести им равноправие»²⁸.

Рижскую еврейскую школу, возглавляемую Лилиенталем, Уваров считал самым успешным «рассадником просвещения»²⁹.

С. С. УВАРОВ И ПРОЕКТЫ ЕВРЕЙСКИХ ШКОЛ 1840-х ГОДОВ

19 декабря 1840 года Николай I учредил пятый по счету (начиная с 1802 года) Еврейский комитет, получивший официальное название «Комитет для изыскания и определения мер к лучшему устройству евреев» [10: 609]. Его председателем был назначен министр государственных имуществ П. Д. Киселев. В комитет вошли министр внутренних дел А. Г. Строганов, товарищ министра финансов О. П. Вронченко, главноуправляющий II Отделением Собственной е. и. в. канцелярии Д. Н. Блудов, министр статс-секретарь Царства Польского И. Л. Туркул, начальник Главного штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельт и министр народного просвещения С. С. Уваров. За несколько недель до подписания императором указа о создании комитета Кисе-

лев обратился к Уварову с просьбой послать ему все ведомственные «предположения» по вопросу еврейских школ³⁰. Спустя неделю пакет дел был доставлен Киселеву.

В скором времени всем предполагаемым членам комитета была разослана записка «Об устройстве еврейского народа в России», по мнению С. М. Гинзбурга, составленная лично Киселевым или кем-то из его ближайшего окружения и одобренная Николаем I³¹. Записка представляла собой краткий проспект задуманных правительством еврейских реформ, сопровождаемый описаниями религиозного учения иудеев, традиций еврейского самоуправления, особенностей бытового и экономического мышления, а также сравнительными описаниями положения евреев в России и в Австрии, Пруссии, Франции, Северной Америке. Иностраный опыт «преобразования» евреев «к соединению с коренными жителями» был признан успешным. Правительство надеялось, опираясь на европейскую и американскую модели, претворить в жизнь еврейскую реформу в России. П. Д. Киселев определил две главные задачи – «нравственно-религиозное образование еврейского народа» и ликвидация автономных от государства органов управления и финансов (то есть кагалов)³². В этой записке звучала и мысль Уварова о создании сети особых еврейских училищ: «Образование евреев учредить более нравственное, чем ученое, причем обратить особое внимание на обучение евреев русской истории и русскому языку»³³. При обучении предполагалось заменить Талмуд «кратким Катехизисом», приглашать учителей-евреев из Пруссии и Австрии, «огосударствить» мелаamedов. Однако, вооружаясь иногда просвещенной риторикой, Киселев не рассчитывал на мирное приобщение иудеев к государственным училищам. Главный аргумент, почему еврейство должно пойти учиться в казенные школы, был репрессивным: предполагалось, что через 20 лет с момента начала реформы (то есть к 1860 году) еврей не сможет избраться в раввины, мелаamedы или на любую другую общественную должность при отсутствии государственного образования³⁴.

23 января 1841 года Уваров направил записку на имя Киселева, в которой изложил свое видение реформы еврейских училищ³⁵. Она начиналась с преамбулы, в которой министр подчеркнул ненасильственный характер будущей реформы:

«Вопрос об образовании еврейского юношества состоит в близкой связи с большим вопросом о евреях вообще. В течение многих столетий европейские правительства старались разрешить этот вопрос гонением и насильствами всякого рода; впоследствии обратились к мерам кротости и к внушениям здравой логики. Кажется, этот последний период настал и для нас;

народы не истребляются, особенно тот народ, коего новейшая история начинается у подошвы Голгофы; но народы могут быть доведены до самой последней степени морального унижения, и на этой степени настаивают ныне евреев меры, благодетельным правительством принимаемые»³⁶.

Основные положения этой записки Уварова сводились к необходимости создания двух типов еврейских училищ – высших губернских (пять классов) и низших уездных (четыре класса). В высших училищах предполагалось ввести преподавание еврейского, русского и немецкого языков, Закона Божьего (по Ветхому Завету), русской и всеобщей истории, географии, арифметики, геометрии, рисования, черчения, чистописания. Также предполагалось постепенно ввести «технические курсы», то есть элементы профессионального образования. Низшие училища, по замыслу Уварова, должны были ограничиваться преподаванием трех упомянутых языков, Закона Божьего и начальной арифметики. Со временем планировалось перевести преподавание части предметов на русский и немецкий. Первые государственные еврейские школы министр предлагал учредить в Митаве, Вильне, Минске и Житомире.

Проект Уварова был одобрен Еврейским комитетом с некоторыми замечаниями, и уже в феврале 1841 года министр прислал Киселеву смету на создание 30 высших и 116 низших еврейских училищ в 16 губернских и 169 уездных городах³⁷. В Киевском учебном округе (с общим числом детей около 27 тысяч) предполагалось учредить 10 высших и 44 низших еврейских училища (это почти 37 % от общего числа школ края)³⁸. Несмотря на одобрение деятельности Уварова комитетом, некоторые существенные расхождения его концепции со взглядами большинства администраторов все же имелись. В частности, Киселев считал необходимым массово посылать русских (то есть великороссов и малороссов) преподавателей в еврейские училища, игнорируя идею «воспитания» учителей из местной среды, лояльных метрополии. Мягкая кадровая политика Уварова, желавшего постепенно «огосударствить» еврейских учителей, отошла на второй план, не успев дать желаемых результатов.

17 марта 1841 года Уваров представил на высочайшее имя докладную записку «О преобразовании евреев и о мнении по сему предмету за границею»³⁹. В ней он вновь критиковал «раввинизм» и предлагал учредить звание губернских раввинов, зависящих от правительства, а не подчиняющихся кагалам. Он выражал абсолютную уверенность в ученых евреях (маскилах) и еще раз подчеркивал, что именно они являются главными союзниками правительства в деле еврейской реформы. В докладе министр привел

выдержки из переписки Лилиентала с маскилами (Б. Ауэрбахом и Л. Филиппсоном) для усиления аргументации. Изучив доклад, император оставил резолюцию «основания справедливы», а в другие присланные Уваровым документы внес лишь стилистические исправления⁴⁰. Среди прочего Николай I одобрил записку «О преподавании древнего еврейского языка», в которой Уваров настаивал на «реанимации» языка Ветхого Завета с целью противостояния языку талмудических преданий⁴¹. По замыслу министра, образованные евреи должны были возродить иврит и постепенно заместить им бытовую идиш. Также он весьма наивно полагал, что в перспективе евреи и вовсе откажутся от обращения к Талмуду, чего, разумеется, не произошло. В проекте будущих государственных еврейских училищ министр определил главные задачи – постепенно изжить домашнее (с точки зрения метрополии – неконтролируемое) образование; «огосударствить» хедеры и талмуд-торы; сделать из нелояльного сословия раввинов трансляторов интересов метрополии путем воспитания новых, государственных раввинов; создать сеть казенных училищ, которая постепенно через десятилетия вытеснит все частные школы.

С. С. Уваров не мог не осознавать, что в ортодоксальной еврейской среде реформа образования встретит радикальную оппозицию. Уже после первого обсуждения проекта Уварова в Еврейском комитете среди иудейских купцов Западных губерний начали распространяться негативные интерпретации действий правительства в сфере образования. В январе 1841 года глава III отделения А. Х. Бенкендорф доносил П. Д. Киселеву о том, что виленский купец Борух Рудзинский получил от кагала деньги, «чтоб употребить оные для воспрепятствования... намерению правительства на счет просвещения евреев»⁴². Вместе с тем в искренности реформаторских намерений Уварова в этот период сомневаться не приходится. Приглашенный к сотрудничеству М. Лилиенталь вспоминал, что глава ведомства искренне верил в возможность осуществления реформы еврейского образования. Современник писал о диалоге с ним Уварова:

«Министр с искренним прискорбием рисовал бедственное и унижительное положение и в каждой мысли обнаруживал глубокое знание и изучение характера этой нации <...> отдавал честь великой мысли своего монарха и с свойственным ему жаром говорил о благотворных последствиях ее осуществления <...> искреннею радостью сверкало его лицо, когда он раскрывал план преобразования быта евреев посредством учреждения еврейских школ»⁴³.

В 1841 году агент министерства М. Лилиенталь совершил командировку в Вильно

и Минск с целью изучения настроений и мнений по школьному вопросу на местах. Результаты ее были весьма неутешительны и свидетельствовали об отторжении идеи светских училищ ортодоксальным еврейством.

В июле 1842 года Николай I одобрил новую, более обширную командировку Либиентала в Западный край, которая, с точки зрения Уварова, была крайне необходима для выяснения местных обстоятельств и корректировки имеющихся в ведомстве сведений. Согласно плану Уварова, доктор отправился из столицы в Ригу, далее проехал Митаву, Ковно, Вильно, Минск, Гродно, Белосток, Житомир, Бердичев, Каменец-Подольский, Кишинев, Одессу, Херсон, Умань, Киев, Чернигов, Могилев, Витебск. В инструкции, данной ему Уваровым, значилось:

«Вы объясните евреям, что цель высочайшей воли... состоит в том, чтобы сблизить с общим образованием, приспособить их к жизни гражданской и нравственной, не касаясь, впрочем, нимало их веры... Вы постараетесь изведать расположение умов к предполагаемому нововведению и узнать, где и от кого именно правительство может ожидать содействия и где в особенности заметен будет дух пререкания»⁴⁴.

Уваров наделял М. Либиентала функциями агента, вверяя ему обязанность влиять на кагалы через всеми уважаемых евреев. Эта миссия была запланирована на три месяца, но затянулась на полгода. По ее итогам доктор Либиенталь представил обстоятельный отчет, в котором констатировал лояльность евреев Правобережной Украины и чуть меньшую лояльность белорусских евреев⁴⁵. В то же время он предложил министру скорректировать «пропаганду просвещения» путем объяснений практической значимости образования и полностью отказаться от идей христианизации, отстаиваемой Еврейским комитетом.

Эти суждения и идеи Уваров вполне разделял, понимая их практическое значение, но не мог представить их в таком виде ни председателю Еврейского комитета П. Д. Киселеву, ни тем более Николаю I. Сообщив в комитет об общем одобрении евреями Западных губерний школьной реформы (но не уточнив, что одобрение было вынужденным), Уваров желал вынести ее детальное обсуждение на заседание Раввинской комиссии, куда вошли М. Либиенталь, раввин Ицхак Ицхаки из Воложина (миснагид)⁴⁶, раввин Мендель Шнеерсон из Любавичей (хасид), торговец И. Гальперн из Бердичева, директор Одесского еврейского училища Б. Штерн и, собственно, сам министр. Комиссия выглядела институтом якобы всеобщего одобрения еврейством школьной реформы, хотя представителей ортодоксального еврейства в ней было меньшинство.

Раввинская комиссия придерживалась умеренного проекта Уварова, считая необходимым иметь в казенных училищах преподавателей из числа местных евреев и сохранить старые еврейские школы, содержащиеся меламедами. Однако Еврейский комитет выступил за меры, ограничивающие меламедов к получению аттестации на право преподавания. Это было серьезное противоречие, поскольку, как и в случае с польскими училищами в Юго-Западном крае, «природно русских» учителей было попросту негде взять, заместить меламедов было нечем. Это понимал Уваров, но не понимали другие чиновники, ожидавшие быстрого эффекта от реформы.

РЕФОРМА 1844 ГОДА И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Итоговое положение 13 ноября 1844 года «О еврейских казенных училищах»⁴⁷ (такое окончательное название получили еврейские школы, подчинявшиеся министерству) детально описывало их внутреннее устройство. Согласно этому законоположению, начальные училища (1-го разряда), рассчитанные примерно на 100 учеников, подчинялись смотрителям, которые, в свою очередь, подчинялись попечителю учебного округа. Продолжительность обучения в них определялась в два года. Круг преподаваемых дисциплин совпадал с тем, что Уваров ранее описывал в записке от 23 января 1841 года. Училища 2-го разряда, с продолжительностью обучения от трех до пяти лет, получили название реальных, они предназначались для «приспособления юношества к торговому и промышленному состояниям». Отдельное положение предполагало создание раввинских училищ с четырехлетним обучением для подготовки лояльных метрополии раввинов. Директорами этих училищ могли быть назначены только христиане. Все предметы, кроме еврейского и немецкого языков, а также ветхозаветного богословия, преподавались в них на русском.

Эти проекты довольно серьезно различались с представлениями Уварова о «еврейском вопросе»: начиная с присутствия в них выражений, прямо намекающих на ассимиляцию, и заканчивая декларацией «христианского», с точки зрения иудеев, управления. След Уварова в окончательных проектах 1844 года был менее заметен, и это сильно повредило концепции плавной интеграции. На фоне этого М. Либиенталь серьезно разочаровался в итогах своей работы, наблюдая, что реформа повернулась в сторону религиозно-нравственного воспитания. В 1845 году он уехал в Америку, где стал раввином общины в Нью-Йорке. В том же году он писал в одном из писем:

«Лживы те мотивы, которые выдвигают пред общественным мнением Европы, с целью оправдать су-

ровые мероприятия несправимостью евреев... Евреи должны поклоняться греческому кресту – тогда царь будет удовлетворен, безразлично, будут ли выкресты дурны или хороши»⁴⁸.

Заметим, что своего покровителя разочаровавшийся маскил ни в чем не обвинял. Как отмечал один из мемуаристов, инициатива Лилиентала и его сторонников «привела к результатам малоощутительным и поставила их в непримиримое противоречие с стремлениями еврейской народной массы, усматривавшей в их работе ассимиляторско-реформаторские цели»⁴⁹. Эта оценка достаточно точно определяет различие между первоначальными идеями еврейской школьной реформы и их финальным воплощением.

Казенные еврейские училища начали открываться в 1847 году. В Вильне и Житомире открылись приготовительные классы при раввинских училищах, куда были отданы дети из беднейших семей и некоторые беспризорники (которым вообще было затруднительно получить образование) – 20 и 16 человек соответственно⁵⁰. В одном из докладов императору Уваров заявлял, что успех казенных училищ среди местного населения будет достигнут постепенно, но в этом была изрядная доля административного лукавства. Министр понимал, что нелояльность иудеев будет иметь следствием чувствительное недофинансирование, так как свечной сбор не давал нужного количества средств на содержание и содержание хотя бы десятка училищ в год⁵¹. Иллюстрацией реального положения дел могут служить следующие цифры: в 1848 году в Западном крае (Киевский, Белорусский, Дерптский и Одесский учебные округа) было 4474 «старых» (то есть бывших частных) училища под покровительством министерства, в то время как казенных училищ было открыто не более 15⁵². В отчете по министерству за 1849 год, составленном уже преемником Уварова П. А. Ширинским-Шихматовым, сообщалось о шести открытых училищах и о том, что еще о девяти школах министр «дал распоряжение»⁵³. Результаты начатой С. С. Уваровым реформы не были впечатляющими по ряду ранее названных обстоятельств: в 1855 году, спустя двадцать лет после начала преобразований и восемь лет после открытия первого казенного еврейского училища в России, их было всего 104 (из них два – раввинские). Наибольшее их количество приходилось на Киевский учебный округ – 38 училищ, в которых обучалось 1006 иудеев. Всего же в Западном крае евреев-учащихся (включая девочек, учившихся в двух женских училищах в Вильно) было 3363⁵⁴.

В своей автобиографии, написанной в 1852 году и посвященной сыну, Уваров подвел итог проекту преобразований в области еврей-

ского просвещения следующим образом: «Полагаю, можно добавить, что он прекратился при моей отставке и что от него едва ли осталось несколько обломков»⁵⁵. Столь пессимистическое высказывание не было лишено искренности и подчеркивало глубокие расхождения между умеренным и ассимиляторским подходами в правительственных стратегиях в отношении просвещения еврейского населения. В 1830–1840-х годах эти стратегии не принесли ожидаемого эффекта, несмотря на авторитет и административные усилия С. С. Уварова и его агентов.

Историографические оценки итогов реформы еврейского образования 1830–1840-х годов более или менее однозначны в смысле констатации ее общей неудачи [1: 230–234], [4: 16], [6], [8: 47–48], [14]. При этом персональная роль Уварова оценивается по-разному: в национально-ориентированной историографии она определяется как скорее негативная⁵⁶, между тем в новейших исследованиях историков империи его проект рассматривается как конструктивная концепция интеграции [7]. Мы полагаем ошибочной формулу, констатирующую, что Уваров был «сторонником насильственных реформ культурной жизни евреев как главного пути решения еврейского вопроса»⁵⁷. Более объективной была бы оценка его программы устройства еврейских училищ как полноценной реформы, которая была хорошо проработана и опиралась на идеи предшественников (например, М. М. Сперанского), но претерпела существенные изменения в ходе правительственных обсуждений и вмешательства со стороны Николая I. Так или иначе, среди министров дореформенного времени найдутся лишь единицы, которые воспринимались еврейским обществом как «посредники между царской милостью и избавлением». Именно так об Уварове писал еврейский купец И. Маркус в 1842 году⁵⁸.

ВЫВОДЫ

Еврейская реформа Уварова, пройдя длительную подготовительную стадию (с 1835 по 1844 год), несомненно, была довольно хорошо разработана Министерством народного просвещения, которому с 1842 года было вверено управление всеми без исключения иудейскими учебными заведениями. В ходе длительных дискуссий в Еврейском комитете и Раввинской комиссии был выработан план постепенного приобщения еврейского юношества к светскому просвещению. Как и в случае с «польской проблемой», С. С. Уваров столкнулся с серьезным сопротивлением реформе как со стороны ортодоксального большинства еврейских сообществ, так и со стороны высших администраторов, предпочитавших гораздо более репрессивный путь го-

сударственной унификации институтов еврейского самоуправления и ассимиляции иудейского населения. Реформа Уварова имела объективные последствия как позитивного, так и негативного характера. С одной стороны, с 1830–1840-х годов в среде формирующейся еврейской интеллигенции единственной альтернативой религиозным школам становятся светские училища (таким образом, на интеллектуальном уровне происходит постепенное понимание необратимости пути светского просвещения); с другой – проект казенных еврейских училищ не был реализован и на десятую долю от первоначальных планов министра, а большая часть простых евреев укрепились в мысли, что сотрудничество с метрополией на ее условиях не может закончиться ничем хорошим. Реформа Уварова не оценивалась как успешная ни современниками, ни самим ее идеологом, ни тем более кагальным большинством. Вместе с тем казенные училища стали удобным и необходимым пристанищем для маскилов, испытывавших социальные тяготы в связи с неприятием их традиционалистской средой.

В отличие от чисто административного проекта (такого, например, как создание нового учебного округа), масштабная задача по школьной аккультурации евреев не могла быть решена в короткий срок, учитывая кадровый дефицит, недофинансирование, конфликт вер и культур, внутренние противоречия в стане высших администраторов, прежде всего в самом Еврейском комитете и министерстве. Кадро-

вый голод более всего препятствовал реформированию училищ, поскольку иностранных учителей-маскилов было немного, а местным администрация не могла вполне доверять. Учителя христианского вероисповедания не могли удовлетворить культурным потребностям иудейских сообществ. Недофинансирование реформы проявлялось в невозможности поставить новые казенные училища в полную зависимость от бюджета. Высшая администрация возлагала большие надежды на свечной сбор, который в полной мере не удовлетворял финансовым запросам ведомства просвещения в отношении еврейских училищ. Культурные противоречия, возникавшие большей частью между евреями кагала и маскилами, усиливались поддержкой последних со стороны чиновников, что отворачивало иудейское население Западных губерний от государственных еврейских училищ. Эти противоречия вступили в острую фазу в 1844 году, когда выяснилось, что умеренная риторика Уварова сменилась на вполне ассимиляторский тон, характерный для приближенных Николая I, в результате чего раввинские училища было приказано возглавить гражданским чиновникам («из христиан», что враждебно было воспринято даже маскилами). Важнейшей причиной неуспеха проекта еврейских училищ, зависящих от государства, было искажение первоначальных планов и идей министра народного просвещения в ходе обсуждения в Еврейском комитете и в кабинете Николая I.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Белецкий А. В. Вопрос об образовании русских евреев в царствование императора Николая I. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894. 160 с.
- ² Марек П. С. Очерки по истории просвещения евреев в России: (Два воспитания). М.: О-во распространения правильных сведений о евреях и еврействе, 1909. 289 с.
- ³ Гинзбург С. М. Русское правительство и вопрос об образовании евреев в первой половине XIX века // Казенные еврейские училища. Т. I. Пб.: Вторая гос. тип., 1920. С. VII–LXXII.
- ⁴ Dubnow S. W. History of the Jews in Russia and Poland: From the earliest times until the present day. Vol. II. Philadelphia: The Jewish publication society of America, 1918. 429 p.
- ⁵ Баркуский И. В. Немецкий представитель еврейского просвещения Макс Лилиенталь и его деятельность в России (1837–1845 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 24 с.
- ⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 54. Л. 47–50, 51–51 об.
- ⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 169.
- ⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 7. Д. 135.
- ⁹ Марек П. С. Очерки по истории просвещения евреев в России... С. 26.
- ¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 54. Л. 48 об.–49.
- ¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 97. Д. 7. Л. 6 об.
- ¹² Там же. Л. 8.
- ¹³ Гинзбург С. М. Русское правительство и вопрос об образовании евреев в первой половине XIX века... С. XLVIII.
- ¹⁴ Казенные еврейские училища / Под ред. С. Г. Лозинского. Т. I. Пб.: Вторая гос. тип., 1920. С. 84.
- ¹⁵ О состоянии в Западных губерниях евреев и о скорейшем окончании занятий Еврейского комитета. 26 октября 1831 г. // Журналы Комитета Западных губерний / Изд. подгот. Т. В. Андреева, И. Н. Вибе, Б. П. Миловидов, Д. Н. Шилов. Т. 1: 1831–1835 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 114.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 7. Д. 135. Л. 21 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 25 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 32–34 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 73–73 об.

- ²⁰ Там же. Л. 131–131 об. Спектор (польск. szpektor – инспектор) – помощник меламеда, то есть домашнего учителя, иначе говоря, столичные администраторы нередко путали спекторов и меламедов.
- ²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 7. Д. 135. Л. 132–133.
- ²² Там же. Л. 134–136.
- ²³ Там же. Л. 341–341 об.
- ²⁴ Там же. Л. 343 об.
- ²⁵ Маскилы в своем большинстве являлись сторонниками идей еврейско-немецкого просветителя М. Мендельсона, основоположника хаскалы (еврейского просвещения).
- ²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 97. Д. 1. Л. 29–32.
- ²⁷ Краткая еврейская энциклопедия. Т. 4: Кабак – Лютер. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1988. Стб. 845.
- ²⁸ Баркусский И. В. Немецкий представитель еврейского просвещения Макс Лилиенталь и его деятельность в России (1837–1845 гг.)... С. 10.
- ²⁹ Министр ссылался на донесение профессора Дерптского университета М. П. Розберга в своей записке от 23 января 1840 г. См.: РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 3 а. Л. 20–20 об.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 2 а. Л. 31–32.
- ³¹ Там же. Л. 44–81 об.
- ³² Там же. Л. 70.
- ³³ Там же. Л. 71 об.
- ³⁴ Примерно такой же логикой руководствовало австрийское правительство, запретившее заключать браки евреям, не получившим государственное образование. См.: РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 2 а. Л. 73.
- ³⁵ РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 3 а. Л. 11–26.
- ³⁶ Там же. Л. 11.
- ³⁷ Гинзбург С. М. Русское правительство и вопрос об образовании евреев в первой половине XIX века... С. LIII.
- ³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 97. Д. 13. Л. 110.
- ³⁹ Там же. Л. 119–126.
- ⁴⁰ Там же. Л. 118–118 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 141–142 об.
- ⁴² РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 3 а. Л. 31–31 об.
- ⁴³ Вопросы еврейской жизни. Собрание статей М. Г. Моргулиса. СПб.: Типо-литография А. Е. Ландау, 1889. С. 16–17.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 97. Д. 42. Л. 5.
- ⁴⁵ Там же. Л. 109–131 об.
- ⁴⁶ Миснагиды (ивр. «противящиеся») – ортодоксальное течение в иудаизме, находившееся в оппозиции к хасидизму.
- ⁴⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 2. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1876. Стб. 538.
- ⁴⁸ Гинзбург С. М. Русское правительство и вопрос об образовании евреев в первой половине XIX века... С. LXXI.
- ⁴⁹ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней // Евреи в России: XIX век. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 363.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 29. Л. 98 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 100 об.
- ⁵² РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 31. Л. 121 об.–123.
- ⁵³ РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 33. Л. 74–74 об.
- ⁵⁴ Белецкий А. В. Вопрос об образовании русских евреев в царствование императора Николая I... С. 147.
- ⁵⁵ Шевченко М. М. Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852 // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 317.
- ⁵⁶ Dubnow S. W. History of the Jews in Russia and Poland: From the earliest times until the present day. Vol. II...
- ⁵⁷ Евреи в России: XIX век. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 554.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 293 б. Л. 611 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.
2. Гольдин С. Еврей как понятие в истории имперской России // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 340–391.
3. Евреи в Российской империи (1772–1917) // Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 301–341.
4. Кельнер В. Е. Евреи, которые жили в России // Евреи в России: XIX век. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 5–26.
5. Клиер Дж. Д. Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М.: Мосты культуры, 2000. 351 с.
6. Мамкина И. Н. Организационные основы еврейского образования в Российской империи в первой половине XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «История». 2022. Т. 42. С. 58–66.
7. Миллер А. И. Империя Романовых и евреи // Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 98–146.

8. Пайпс Р. Сергей Семенович Уваров: жизнеописание. М.: Посев, 2013. 84 с.
9. Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 376 с.
10. Шилов Д. Н. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. Т. 1. СПб.: Нестор-История, 2024. 812 с.
11. Шилов Д. Н. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. Т. 2. СПб.: Нестор-История, 2024. 760 с.
12. Avrutin E. M. Jews and the imperial state. Identification politics in tsarist Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 2010. 232 p.
13. Chamberlain L. Ministry of Darkness. How Sergei Uvarov created conservative modern Russia. London; New York: Bloomsbury Academic, 2020. 328 p.
14. Stanislawski M. Tsar Nicholas I and the Jews: The transformation of Jewish Society in Russia. 1825–1855. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1983. 246 p.

Поступила в редакцию 09.12.2024; принята к публикации 27.01.2025

Original article

Andrey V. Ashikhmin, Chief Specialist, Russian State Historical Archive, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9830-3565; andrey.v.ashikhmin@gmail.com

COUNT SERGEY UVAROV AND THE “JEWISH QUESTION” IN THE EDUCATION POLICY OF THE SOUTHWESTERN REGION

Abstract. This article examines the issues of ministerial policy regarding the “Jewish question” in the Kiev, Podolsk, and Volyn Provinces, based on materials from the Department of Public Education, the Jewish Committee, and the personal archives of Count Sergey Uvarov. It examines the plans for transforming Jewish schools and their implementation, from Uvarov’s initial development of the reform of Jewish schools in 1835 to Nicholas I’s approval of the regulation “On Jewish State Schools” in 1844. The article shows how Uvarov’s project evolved within the framework of activities of the Jewish Committee led by Pavel Kiselyov, and how Jewish educators influenced the concept of the Minister of Public Education. The author evaluates Uvarov’s policy on the “Jewish question” within the context of the soft power doctrine, and considers his school projects as a full-fledged reform with serious prerequisites that underwent significant changes while being discussed by the Jewish Committee.

Keywords: Sergey Uvarov, Ministry of Public Education, “Jewish question”, Nicholas I, Southwestern Region, periphery of Empire

For citation: Ashikhmin, A. V. Count Sergey Uvarov and the “Jewish question” in the education policy of the Southwestern Region. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):76–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1148

REFERENCES

1. Whittaker, C. H. Count Sergey Semyonovich Uvarov and his time. St. Petersburg, 1999. 350 p. (In Russ.)
2. Goldin, S. The Jew as a concept in the history of imperial Russia. “*Concepts of Russia*”. *More on the historical semantics of the imperial period*. Vol. II. Moscow, 2012. P. 340–391. (In Russ.)
3. Jews in the Russian Empire (1772–1917). *The Western provinces of the Russian Empire*. Moscow, 2006. P. 301–341. (In Russ.)
4. Kelner, V. E. Jews who lived in Russia. *Jews in Russia: the XIX century*. Moscow, 2024. P. 5–26. (In Russ.)
5. Klier, J. D. Russia gathers her Jews. The origins of the Jewish question in Russia: 1772–1825. Moscow, 2000. 351 p. (In Russ.)
6. Mamkina, I. N. Organizational foundations of Jewish education in the Russian Empire in the first half of the 19th century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”*. 2022;42:58–66. (In Russ.)
7. Miller, A. I. The Romanov Empire and Jews. *Miller, A. I. The Romanov Empire and nationalism: Essays on the methodology of historical research*. Moscow, 2008. P. 98–146. (In Russ.)
8. Pipes, R. Sergey Semyonovich Uvarov: biography. Moscow, 2013. 84 p. (In Russ.)
9. Staliunas, D. Poland or Russia? Lithuania as part of the Russian Empire. Moscow, 2022. 376 p. (In Russ.)
10. Shilov, D. N. Heads of higher and central state institutions of the Russian Empire. 1802–1917: biobibliographical reference book. Vol. 1. St. Petersburg, 2024. 812 p. (In Russ.)
11. Shilov, D. N. Heads of the highest and central state institutions of the Russian Empire. 1802–1917: Biobibliographical reference book. Vol. 2. St. Petersburg, 2024. 760 p. (In Russ.)
12. Avrutin, E. M. Jews and the imperial state. Identification politics in tsarist Russia. Ithaca; London, 2010. 232 p.
13. Chamberlain, L. Ministry of Darkness. How Sergei Uvarov created conservative modern Russia. London; New York, 2020. 328 p.
14. Stanislawski, M. Tsar Nicholas I and the Jews: The transformation of Jewish Society in Russia. 1825–1855. Philadelphia, 1983. 246 p.

Received: 9 December 2024; accepted: 27 January 2025

ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ РАКОВСКИЙ

научный сотрудник Института истории
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
racovskyd@mail.ru

ВЫПУСКНИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО (ПЕТРОГРАДСКОГО, ЛЕНИНГРАДСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА – СОТРУДНИКИ РУССКОГО МУЗЕЯ (1917–1934 годы)

А н н о т а ц и я . В стенах Русского музея в период с 1917 по 1934 год работало много ученых самых разных направлений: историков искусства, этнографов, историков, археологов. Большинство из них получали образование в Санкт-Петербургском (Петроградском, Ленинградском) университете. Именно поэтому так важно рассмотреть взаимосвязь данных социальных институтов с точки зрения подготовки университетом специалистов, работавших в Русском музее, это является целью нашей работы. Исследование по данной тематике проводится впервые. Задачи работы: изучить научные интересы, численность и персональный состав сотрудников Русского музея в 1917–1934 годах, которые получали образование в Санкт-Петербургском (Петроградском, Ленинградском) университете. Благодаря базе данных «Биографика СПбГУ» и реализуемым проектам, в которых участвовал автор, была произведена выборка специалистов, окончивших университет, и рассмотрены выпускники, чья научная деятельность была связана с исторической наукой и/или работавших в эти годы в университете по совместительству. По итогам работы было определено общее число выпускников-историков университета, работавших в стенах Русского музея в 1917–1934 годах, доля женщин среди сотрудников музея, средний возраст музейных работников и их основные научные интересы.
К л ю ч е в ы е с л о в а : Санкт-Петербургский университет, Петроградский университет, Ленинградский университет, Русский музей, историческая наука, сотрудники Русского музея

Б л а г о д а р н о с т и . Работа выполнена в рамках проекта РНФ и СПбНФ № 23-28-10296 «Санкт-Петербургский университет – центр подготовки элиты российского общества (1819–1917)», рук. И. Л. Тихонов.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Раковский Д. О. Выпускники Санкт-Петербургского (Петроградского, Ленинградского) университета – сотрудники Русского музея (1917–1934 годы) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 86–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1149

ВВЕДЕНИЕ

Проблематикой, связанной с ролью Санкт-Петербургского (Петроградского, Ленинградского) университета в качестве крупнейшего образовательного центра и его выпускниками, занималось множество исследователей¹. Тема является актуальной и обширной для изучения. Взаимосвязь таких социальных институтов, как университет и Русский музей, прослеживается на каждом этапе существования музея. Важно рассмотреть ее и в период с 1917 по 1934 год, когда большинство сотрудников Русского музея получали образование и работали по совместительству в университете. В данной работе мы изучим в том числе научные интересы, численность и персональный состав сотрудников Русского музея в 1917–1934 годах, которые учились в Санкт-Петербургском (Петроградском,

Ленинградском) университете. Необходимо оговорить, что в исследовании мы затронем только тех выпускников университета, чья научная деятельность была связана с исторической наукой и/или работавших в эти годы в университете по совместительству.

* * *

В 1917 году Русский музей был не просто хранилищем древностей, но и местом научных изысканий в самых разных областях – этнографии, архитектуре, музееведении, краеведении, истории, антропологии. В первое десятилетие после революции собрание Русского музея увеличилось в несколько раз [1: 18], [3: 63], существенно менялись численность и персональный состав музейных сотрудников.

В рамках проектов «Российская наука в эпоху системных трансформаций, 1914–1934 гг.»²

и «Историческая наука Петрограда-Ленинграда (1917–1934): центры, направления исследований, коллективная биография»³ авторским коллективом были созданы базы данных «Преподавательский корпус Петроградского-Ленинградского университета, 1914–1934 гг.» и «Историки Петрограда-Ленинграда (1917–1934)». В эти базы данных вошло множество персоналий как сотрудников / преподавателей Петроградского / Ленинградского университета, работавших в нем в 1917–1934 годах, так и историков, проживающих в Петрограде / Ленинграде в указанный период. Благодаря созданным электронным словарям, а также продолжающемуся проекту, посвященному знаменитым выпускникам Санкт-Петербургского университета⁴, нам удалось получить следующие данные. Все упомянутые биографические словари размещены сейчас на сайте «Биографика СПбГУ»⁵.

Рис. 1. Число сотрудников Русского музея в 1917–1934 годах – выпускников Санкт-Петербургского / Петроградского / Ленинградского университета

Figure 1. The number of the graduates of Saint Petersburg / Petrograd / Leningrad University among the Russian Museum staff, 1917–1934

Как видно на первой диаграмме (рис. 1), число выпускников-историков университета, работавших в стенах Русского музея, стремительно росло с 1917 по 1930 год. За последующие четыре года их количество год от года уменьшалось, достигнув в 1934 году уровня 1923–1924 годов. Это может быть связано в том числе с выводом из университета гуманитарных специальностей в 1930 году, когда был образован отдельный Историко-лингвистический институт (ЛИЛИ), впоследствии Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). Всего за рассматриваемый период в стенах Русского музея трудился 41 выпускник Санкт-Петербургского / Петроградского / Ленинградского университета. Важно отметить,

что среди всех сотрудников Русского музея в 1917–1934 годах, чья научная деятельность была связана с исторической наукой, выпускники университета составляли 55,4 %.

Доля женщин среди сотрудников РМ-выпускников СПУ (в %)

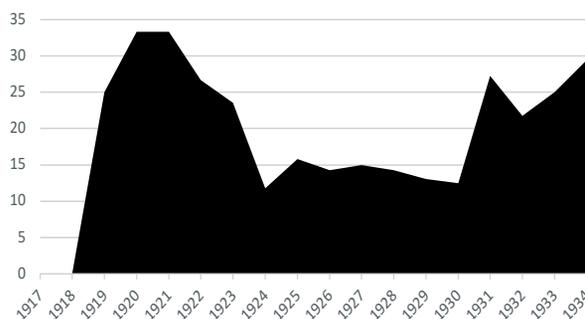

Рис. 2. Доля женщин среди сотрудников Русского музея в 1917–1934 годах – выпускников Санкт-Петербургского / Петроградского / Ленинградского университета

Figure 2. The proportion of the women graduates of Saint Petersburg / Petrograd / Leningrad University among the Russian Museum staff, 1917–1934

До 1919 года все выпускники университета, работавшие в Русском музее, были мужчинами (рис. 2). В 1920–1921 годах женщины занимали треть мест, после чего их доля стремительно снижалась, достигнув своего минимума (11,76 %) в 1924 году. В период с 1924 по 1930 год количество женщин-выпускников составляло не более 1/6 от общего числа, после чего увеличивалось вплоть до 1934 года, практически достигнув показателей 1920–1921 годов.

Рис. 3. Средний возраст сотрудников Русского музея в 1917–1934 годах – выпускников Санкт-Петербургского / Петроградского / Ленинградского университета

Figure 3. The average age of the graduates of Saint Petersburg / Petrograd / Leningrad University among the Russian Museum staff, 1917–1934

В первые пять лет рассматриваемого периода (1917–1922) происходило омоложение коллек-

тива Русского музея, получившего образование в университете (рис. 3). В 1922 году средний возраст выпускника университета, работавшего в Русском музее, составлял чуть больше 32 лет. С 1923 года наблюдалось стабильное старение музейного работника – пик был достигнут в 1934 году (средний возраст – немногим более 41 года). Связано это было в первую очередь с продолжительной несменяемостью основного числа сотрудников – историков Русского музея.

Большинство историков, работавших в Русском музее в 1917–1934 годах, получили высшее образование в Петербургском университете, будучи в большинстве своем представителями классических научных школ, существовавших на историко-филологическом факультете / факультете общественных наук. Тем не менее существовали и неожиданные исключения. Например, искусствовед В. В. Воинов, а также этнографы Д. А. Золотарев, Н. М. Могиланский, Р. П. Митусова и Г. А. Бонч-Осмоловский заканчивали физико-математический факультет, а этнографы Е. Н. Студенецкая и В. А. Ершов – географический. Из 41 выпускника университета, который работал в указанный период в Русском музее, 22 по совместительству были также сотрудниками университета (53,66 %).

Тематику научных исследований выпускников Санкт-Петербургского / Петроградского / Ленинградского университета, работавших в 1917–1934 годах в Русском музее, можно условно разделить на следующие группы: Археология (4), История (7), История искусства (15) и Этнография (15).

Научные интересы сотрудников РМ - выпускников СПУ

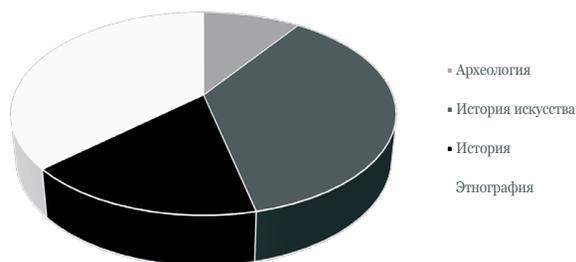

Рис. 4. Научные интересы сотрудников Русского музея в 1917–1934 годах – выпускников Санкт-Петербургского / Петроградского / Ленинградского университета

Figure 4. Research interests of the graduates of Saint Petersburg / Petrograd / Leningrad University among the Russian Museum staff, 1917–1934

Большая часть выпускников занималась исследованиями в сфере этнографии (36,5 %) и

истории искусства (36,5 %). За ними следовали историки (17 %) и археологи (10 %) (рис. 4). Несмотря на обилие направлений в тематике исследований сотрудников Русского музея, в них можно выделить определенную закономерность. В 1917–1920 годах в стенах учреждения преобладали научные изыскания в области этнографии и истории искусства. В 1922–1928 годах в сфере научных интересов сотрудников – история искусства и археология. С 1928 по 1930 год – история, история искусства и археология. И, наконец, в 1930–1934 годах – этнография, история искусства, история и археология. Здесь необходимо отметить, что в 1934 году этнографический отдел был выделен из состава Русского музея в самостоятельное учреждение, куда перешло большинство сотрудников-этнографов.

В числе сотрудников Русского музея, которые учились в Петербургском университете и которых необходимо, на наш взгляд, включить в вышеупомянутый Словарь знаменитых выпускников университета⁶, хотелось бы отметить следующих персон:

Николай Михайлович Могиланский (1871–1933) – этнограф и антрополог [2]. Окончил естественное отделение физико-математического факультета университета в 1893 году. С 1901 года являлся хранителем этнографического отдела Русского музея, с 1910 года заведующим этнографическим отделом. Среди научных интересов Н. М. Могиланского – предмет, задачи и история этнографии, основы антропологии⁷.

Николай Петрович Сычев (1883–1964) – историк искусства, музейный работник, реставратор, художник и педагог. Окончил Санкт-Петербургский университет в 1910 году. В 1922–1926 годах директор Русского музея, в 1927–1928 годах – хранитель музея, с 1929 года – заведующий отделами, в 1930–1932 годах – действительный член Русского музея. Н. П. Сычев оказал большое влияние на формирование коллекции музея, разработал его первые постоянные экспозиции [5].

Всеволод Владимирович Воинов (1880–1945) – художник-график, искусствовед. В сфере его научных интересов – творчество русских художников второй половины XIX – начала XX века. Окончил физико-математический факультет университета в 1904 году. В 1923–1932 годах – руководитель отдела графики Русского музея, в 1927–1928 годах – хранитель музея, с 1930 по 1932 год – действительный член Русского музея [4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в стенах Русского музея в исследуемый период работало множество ученых самых разных направлений, как специалистов по искусству, так и этнографов, историков, археологов. Несмотря на то что число сотрудников-историков Русского музея – выпускников университета среди всех сотрудников музея стремительно росло до 1930 года, в дальнейшем их количество год от года снижалось. Мы предполагаем, что это было связано с последующей реструктуризацией Русского музея, а также с выводом из университета гуманитарных специальностей в 1930 году.

Можно утверждать, что революция открыла путь в научное сообщество музея для женщин. Доля женщин среди выпускников университета в рассматриваемый период значительно увеличилась. В послереволюционные годы наблюда-

лся рост их числа до одной трети от числа мужчин уже в 1920–1921 годах. Основным возраст музейных сотрудников – выпускников университета находился в диапазоне от 32 до 41 года. В 1917–1922 годах происходило омоложение коллектива (с 34 до 32 лет), в 1923–1934 годах – постепенное «старение» вплоть до среднего возраста в 41 год.

Преобладание множества направлений в сферах интересов музейных сотрудников, появление в их составе представительниц прекрасного пола, достаточно молодой возраст большинства деятелей Русского музея – все это не могло не вызвать новый виток в развитии научной жизни Русского музея после революции. Внушительная реструктуризация музея, выведение на передний план художественного отдела, а также взаимосвязь Русского музея с Санкт-Петербургским / Петроградским / Ленинградским университетом создавали особую среду для изучения коллекций, позволяя рассматривать их междисциплинарно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., напр., труды Е. А. Ростовцева, О. Б. Вахромеевой, Т. Н. Жуковской, И. В. Сидорчука, Д. А. Барина и многих других.
- ² РФФИ, проект 18-39-20006, рук. И. В. Сидорчук.
- ³ РФФИ, проект 19-011-00782, рук. Е. А. Ростовцев.
- ⁴ РНФ и СПбНФ, проект № 23-28-10296 «Санкт-Петербургский университет – центр подготовки элиты российского общества (1819–1917)», рук. И. Л. Тихонов.
- ⁵ Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bioslovhist.spbu.ru> (дата обращения 29.09.2023).
- ⁶ Словарь «Выдающиеся выпускники Императорского Санкт-Петербургского университета» (в процессе подготовки) // Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bioslovhist.spbu.ru/alumni.html> (дата обращения 01.12.2024).
- ⁷ Могилянский Н. М. Этнография и ее задачи: (По поводу одной кн.): Реф., чит. в Антропол. о-ве при С.-Петерб. ун-те в начале 1902 г., вскоре после выхода в свет книги Н. Н. Харузина «Этнография». Вып. 1. СПб., 1909. 14 с.; Могилянский Н. М. Предмет и задачи этнографии: [Докл., чит. в заседании Отд-ния этнографии И. Р. Г. о-ва 4 марта 1916 г.]. Пг., 1916. 22 с.; Могилянский Н. М. Областной или местный музей, как тип культурного учреждения: [Докл., чит. в заседании Отд-ния этнографии Р[ус.] г[еогр.] о-ва 24 марта 1917 г.]. Пг., 1917. С. 303–326.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусев В. А. История музея // Государственный Русский музей: Живопись, скульптура, графика, декоративно-прикладное искусство, народное искусство: [Альбом] / [Авт.-сост. Т. Б. Вилинбахова и др.; Ред. Е. И. Яковишина и др.; Авт. вступ. ст. В. А. Гусев]. Л., 1991. С. 13–23.
2. Раковский Д. О., Ростовцев Е. А. Могилянский Николай Михайлович // Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/3782-mogilanskij-nikolaj-mihajlovic.html> (дата обращения 12.12.2021).
3. Русский музей (Ленинград). По залам музея: [Альбом / Авт. текста В. А. Суслов; Гос. Рус. музей]. 4-е изд. Л., 1969. 79 с.
4. Сидорчук И. В., Тихонов И. Л. Воинов Всеволод Владимирович // Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/1701-voinov-vsevolod-vladimirovich.html> (дата обращения 03.11.2021).
5. Тихонов И. Л. Сычев Николай Петрович // Биографика СПбГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/653-sychev-nikolay-petrovich.html> (дата обращения 03.11.2021).

Поступила в редакцию 27.11.2024; принята к публикации 24.01.2025

Original article

Dmitry O. Rakovsky, Research Associate, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
racovskyd@mail.ru

GRADUATES OF SAINT PETERSBURG (PETROGRAD / LENINGRAD) UNIVERSITY AMONG THE RUSSIAN MUSEUM STAFF (1917–1934)

Abstract. From 1917 to 1934, the Russian Museum was home to many scholars of various disciplines, including art history, ethnography, history, and archaeology. Most of these individuals received their education at St. Petersburg (Petrograd / Leningrad) University. Therefore, it is essential to explore the interrelationship between these institutions, particularly regarding the university's role in training specialists who contributed to the Russian Museum. This study aims to address this gap in research, as it is the first of its kind on this topic. The objectives of this work include analyzing scientific interests, numbers, and composition of those members of the Russian Museum staff from 1917 to 1934 who were educated at Saint Petersburg / Petrograd / Leningrad University. Utilizing the database entitled "Biografika SPbGU" (Biographic Corpus of Saint Petersburg State University) and ongoing projects in which the author has participated, a selection of specialists who graduated from the university was compiled, which included those whose scholarly activities were related to historical sciences and/or who held part-time positions at the university during this period. The findings reveal the total number of university history graduates employed at the Russian Museum between 1917 and 1934, the proportion of women within the museum staff, the average age of the staff members, and their primary research interests.

Keywords: Saint Petersburg University, Petrograd University, Leningrad University, Russian Museum, historical science, Russian Museum staff

Acknowledgements. The study was conducted under the supervision of I. L. Tikhonov as part of the project No 23-28-10296 "Saint Petersburg University as an education center for Russian elites" funded by the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation.

For citation: Rakovsky, D. O. Graduates of Saint Petersburg (Petrograd / Leningrad) University among the Russian Museum Staff (1917–1934). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):86–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1149

REFERENCES

1. Gusev, V. A. History of the museum. *The State Russian Museum: Painting, sculpture, graphics, decorative and applied art, folk art: [Album]*. (E. I. Yakovishina et al., Eds.). Leningrad, 1991. P. 13–23. (In Russ.)
2. Rakovsky, D. O., Rostovtsev, E. A. Mogilyansky Nikolai Mikhailovich. *Biografika SPbGU*. Available at: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/3782-mogilanskij-nikolaj-mihajlovic.html> (accessed 12.12.2021). (In Russ.)
3. The Russian Museum (Leningrad). Through the museum halls: [Album]. (V. A. Suslov, Text). Leningrad, 1969. 79 p. (In Russ.)
4. Sidorchuk, I. V., Tikhonov, I. L. Voinov Vsevolod Vladimirovich. *Biografika SPbGU*. Available at: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/1701-voinov-vsevolod-vladimirovich.html> (accessed 03.11.2021). (In Russ.)
5. Tikhonov, I. L. Sychev Nikolai Petrovich. *Biografika SPbGU*. Available at: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/653-sychev-nikolay-petrovich.html> (accessed 03.11.2021). (In Russ.)

Received: 27 November 2024; accepted: 24 January 2025

ОЛЬГА ВАДИМОВНА МЕТЕЛЬ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира Института восточных культур и античности

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-6981-6137; olgametel@yandex.ru

ПРОЕКТЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ РАБОТНИК»

Аннотация. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы определить основные стратегии репрезентации образа нового советского вуза в советской печати 1920-х годов и попытаться понять, какие обоснования предлагались специалистами для объяснения различных экспериментов в данной сфере. Специфика этого подхода заключается в том, что автор перенес фокус внимания с анализа конкретных результатов советской научно-образовательной политики первых послереволюционных лет на изучение практик их репрезентации. Для достижения цели исследования и решения поставленных задач автор обратился к материалам журнала «Научный работник» – печатного органа Центрального Совета секции научных работников Союза работников просвещения СССР. На основании анализа данного источника сделаны выводы о том, что во второй половине 1920-х годов образ советского вуза конструировался с использованием таких базовых идей, как разрыв с прежними дореволюционными традициями, ориентация на современные мировые тенденции развития высшего образования и усиление практического компонента, достигавшееся за счет связи образовательной системы с производственным сектором.

Ключевые слова: советский вуз, советская наука, речевые стратегии, практики репрезентации, журнал «Научный работник»

Для цитирования: Метель О. В. Проекты реорганизации советской высшей школы на страницах журнала «Научный работник» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 91–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1150

ВВЕДЕНИЕ

Развитие советской университетской системы в 1920-е годы неоднократно становилось объектом исследования отечественных и зарубежных специалистов, неизменно стремившихся показать сложный и неоднозначный характер данного процесса. Однако если для советских ученых вектор трансформации университетов был связан с безусловно позитивным переходом на «марксистские рельсы» [3], то современные исследователи говорят скорее об «институциональных экспериментах» большевистского руководства и сосуществовании в СССР в первое послереволюционное десятилетие элементов «старой» и «новой» систем высшего образования [1], [2]. При этом, о каком бы периоде времени ни шла речь, основной фокус внимания специалистов все же был направлен на реконструкцию основных этапов процесса советизации отечественных университетов, тогда как вопрос

отношения различных групп акторов к этим изменениям оставался на периферии данного проблемного поля. Причем нередко историки отмечали неприятие «экспериментов власти» представителями дореволюционной науки, ссылались лишь на мемуарную литературу и оставляли без внимания ту полемику, которая велась в публичном поле, выплескиваясь на страницы периодических изданий. Принимая во внимание сказанное выше, в рамках данной статьи мы видим свою задачу в том, чтобы, во-первых, определить основные стратегии репрезентации образа нового советского вуза и, во-вторых, попытаться понять, какие обоснования предлагались специалистами для объяснения различных экспериментов в данной сфере.

Для того чтобы решить данную задачу, мы обратились к материалам журнала «Научный работник». Выбор данного издания в качестве ключевого источника, позволяющего решить по-

ставленные выше задачи, был обусловлен тем, что в 1925–1930 годах именно он выступал в роли ключевого печатного органа Центрального Совета Секции научных работников Союза работников просвещения СССР, а значит, претендовал на то, чтобы выражать позицию по основным вопросам «научного строительства» как представителей властных структур, так и членов научного сообщества. Неслучайно в состав редколлегии издания вошли не только руководители ключевых научных институций тех лет (например, непреременный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург), но и сотрудники органов управления научно-технической политикой (например, В. А. Костицын, назначенный в 1926 году заведующим научным отделом Главнауки).

Если попытаться кратко охарактеризовать журнал «Научный работник», то стоит начать с указания на то, что основная цель данного издания заключалась в освещении вопросов строительства высшей школы, научной жизни страны и профессионально-общественной жизни научных работников. Решая эту задачу, редколлегия полагала, что по своему характеру журнал не мог быть «ни официально-ведомственным, ни узко-профессиональным», напротив, на него возлагалась задача «организованного выявления общественного мнения самих научных работников»¹.

Периодичность выхода журнала должна была составлять двенадцать номеров в год, однако, вероятно, в силу причин материально-технического характера, нередко номера объединялись. Все материалы, появившиеся на страницах журнала, относились к следующим рубрикам: общий отдел, научная работа в СССР; высшая школа в СССР; за границей; профессиональная и общественная жизнь; хроника, официальные материалы. Таким образом, читатель данного издания, с одной стороны, мог познакомиться с самым широким спектром статей, освещавших различные аспекты функционирования советской науки и высшего образования, а с другой – получить актуальную информацию об официальных документах, принятых в СССР. Причем, как и в случае с сотрудниками редакции, авторами статей, публиковавшихся на страницах журнала «Научный работник», были, главным образом, представители двух профессиональных групп: сотрудники советских научно-образовательных институций и представители властных структур, в той или иной степени руководивших данными областями.

Журнал «Научный работник» выходил в 1925–1930 годах, а затем, на волне новой реорганизации советской научно-образовательной системы, был закрыт. Подобные функции стали выполнять другие издания, к примеру журнал «Фронт науки и техники», издававшийся ВАРНИТСО.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ РАБОТНИК»

Переходя к интересующему нас вопросу о том, как проблемы развития советской высшей школы освещались на страницах журнала «Научный работник», заметим, что данная проблематика являлась для этого издания одной из основных (рис. 1), и практически в каждом номере появлялись публикации, авторы которых размышляли о различных аспектах функционирования советской вузовской системы.

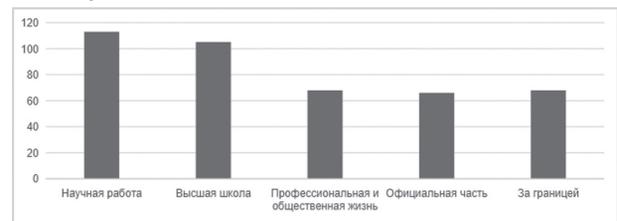

Рис. 1. Тематика статей, опубликованных в журнале «Научный работник» в 1925–1930 годах

Figure 1. Topics of articles published in the *Scientific Worker* journal during 1925–1930

Подтверждая последний тезис, укажем, что на страницах журнала публиковались статьи различной направленности, а именно связанные с общими проблемами преподавания, научно-исследовательской работой вузов, развитием их материально-технической базы и другие. Более того, все эти вопросы обсуждали представители вузов различного профиля, в частности педагогических, медицинских, технических и других (рис. 2), представлявшие самые разные регионы страны.

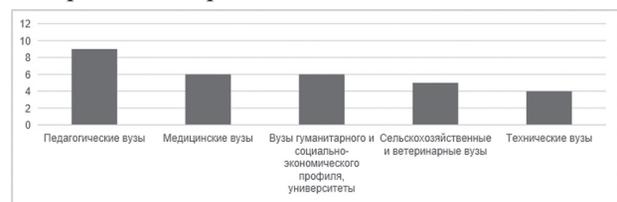

Рис. 2. Тематический характер статей, опубликованных в журнале «Научный работник» (профиль вузов)

Figure 2. Thematic areas of articles published in the *Scientific Worker* journal (university profile)

Подчеркивая тот факт, что публикации, посвященные проблемам советской высшей шко-

лы, регулярно появлялись на страницах журнала «Научный работник», мы, однако, не можем не обратить внимание на следующее обстоятельство. Дело в том, что наибольшее число статей, посвященных проблемам развития высшей школы в СССР, было опубликовано в интересующем нас издании в 1929–1930 годах (рис. 3), когда в стране началась реформа вузов, приведшая к тому, что к началу 1930-х годов все советские университеты лишились гуманитарных факультетов и превратились в высшие школы естественно-научного и технического профиля² [1].

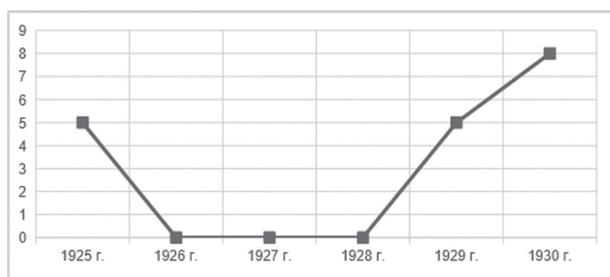

Рис. 3. Динамика публикации статей, посвященных вопросам развития высшей школы

Figure 3. Dynamics of publications on the issues of higher education development

Несмотря на то что тематика публикаций, посвященных проблемам высшей школы, была разнообразна, в центре внимания специалистов все же находилось несколько ключевых проблем: вопросы общего характера работы вузов, особенности организации учебного процесса и специфика рекрутинга новых кадров. Причина обращения именно к этим сюжетам весьма банальна. С точки зрения новых руководителей «научно-образовательного фронта», советский вуз должен был кардинально отличаться от дореволюционного университета, стать учреждением нового типа, напоминающим скорее профессионально-производственную школу³. Однако ключевые отличия этих образовательных организаций требовалось отчетливо сформулировать и четко обосновать. Именно поэтому авторы многочисленных статей, опубликованных на страницах «Научного работника», стремились объяснить читателям, в чем же заключались главные преимущества нового советского вуза, акцентируя внимание на его наиболее значимых характеристиках. Причем между специалистами зачастую не было единства в трактовке этих параметров, более того, многие теоретические конструкции оказывались малоприменимы на практике, что вызывало целый ряд писем с мест, критикующих предложенные инициативы.

В целом в глазах авторов журнала «Научный работник» советский вуз, в отличие от дореволюционного университета, обладал следующими особенностями: он был связан с практической хозяйственной деятельностью, готовил массового работника-производственника и обучал студентов при помощи новаторских методов и подходов. Все это, как говорили авторы отдельных статей, полностью соответствовало новейшим мировым тенденциям, отчетливо проявившим себя в практике зарубежных университетов и институтов в 1920-е годы. Заметим в данной связи, что в эти годы советские ученые регулярно выезжали в короткие зарубежные командировки с целью изучения опыта иностранных коллег в деле организации учебной и научной работы. В дальнейшем они посвящали этим вопросам специальные публикации. Так, в 1925–1930 годах на страницах «Научного работника» были опубликованы статьи, сообщающие о научных конференциях, публикации, информирующие о приостановке научной работы за рубежом, и труды, передающие общее впечатление авторов о своих поездках⁴.

Несмотря на то что реконструированный нами ранее образ нового советского вуза на первый взгляд выглядел весьма стройно, на страницах «Научного работника» регулярно разгорались дискуссии относительно его внутреннего наполнения. Одной из ключевых тем для обсуждения в этом контексте оказалась проблема общего характера работы советских институтов или университетов, а точнее, должны ли советские вузы проводить научные исследования или же их задача ограничена подготовкой кадров для народного хозяйства. К единому мнению авторы интересующего нас периодического издания так и не пришли⁵. Более того, даже в рамках одной статьи нередко можно было встретить противоречивые суждения, авторы которых то убеждали читателя в том, что в СССР университету отводятся преимущественно «учебные и агитпросветительские функции», то настаивали на неотделимости друг от друга учебной и научно-исследовательской работы⁶.

Серьезная дискуссия на страницах журнала разгорелась и по вопросу, связанному с функционированием советских вузов во второй половине 1920-х годов. Подчеркивая новаторство советских преподавателей высшей школы, авторы различных публикаций отмечали, что новое поколение студентов нельзя обучать старыми методами, в том числе и потому, что уровень их изначальной подготовки не позволяет в пол-

ной мере реализовать лекционно-семинарские формы работы⁷. Именно поэтому, в частности, профессор К. Н. Кржишковский призывал коллег отказаться от лекций, увеличить время самостоятельной работы с учебником и вовсе не принимать экзамены⁸. Авторы других статей на подобную тематику в целом соглашались с подобным подходом, регулярно инициируя обсуждение эффективности активных форм работы со студентами (введение звеньевой / лабораторно-бригадной системы работы, переход к цикловой системе и другие)⁹. Однако, о какой бы из названных инициатив ни шла речь, вслед за теоретическими публикациями часто появлялись материалы с мест, авторы которых приводили немало примеров того, с какими трудностями сталкиваются специалисты при их реализации¹⁰. К числу наиболее серьезных проблем, наряду с отсутствием материально-технической базы или мотивации студентов¹¹, практически все специалисты относили сложности с кадрами преподавателей. Например, в случае с непрерывной производственной практикой студентов возникала ситуация, когда, если верить современникам, ни профессору, ни наставнику на производстве просто не хватало компетенций для того, чтобы обеспечить эффективную работу обучающихся.

Вероятно, именно поэтому проблема кадровой обеспеченности советских вузов постоянно фигурировала в публикациях авторов журнала «Научный работник». Специалисты чаще всего обращали внимание на два обстоятельства: проблему рекрутинга преподавателей, представляющую серьезную сложность в условиях отсутствия единой системы подготовки научных работников, и проблему их занятости (в том

числе проблему оплаты их труда). В целом позиция большинства авторов была вполне ожидаема: они подчеркивали, что советские вузы не получают достаточного количества специалистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами анализ публикаций, появившихся на страницах журнала «Научный работник», дает возможность сделать несколько выводов. Во-первых, даже беглый обзор представленных материалов позволяет утверждать, что образ советского вуза во второй половине 1920-х годов конструировался с использованием таких базовых идей, как разрыв с прежними дореволюционными традициями, использование опыта зарубежных коллег и усиление практического компонента, достигавшееся за счет связи образовательной системы с производственным сектором.

Во-вторых, материалы журнала «Научный работник» подтверждают тот факт, что реорганизация системы высшего образования в СССР во второй половине 1920-х годов носила ситуационный характер, то есть речь шла о некотором общем направлении трансформации данной сферы, которое менялось в соответствии с потребностями текущего момента.

В-третьих, представленные публикации отчетливо свидетельствуют, что далеко не все идеи, связанные с реорганизацией советских вузов, в полном объеме внедрялись в повседневную практику их работы. Чаще всего они наталкивались на объективные препятствия, а именно недостаточный уровень подготовки студентов, нехватку кадров или отсутствие материально-технической базы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ От редакции // Научный работник. 1925. № 1. С. 3.

² Солосин И. И. К вопросу об исследовательской работе в высших учебных заведениях // Научный работник. 1927. № 2. С. 37.

³ Как писал в данной связи А. Я. Эстрин, при перестройке всей системы образования должна произойти ее «полная увязка» с потребностями социалистической индустрии. См.: Эстрин А. Я. Реорганизация высшей школы и наши задачи // Научный работник. 1930. № 5–6. С. 4.

⁴ См., напр.: Филиппченко Ю. А. Из впечатлений о заграничной поездке // Научный работник. 1925. № 1. С. 150–159; Кольцов К. Н. 3-й международный конгресс лимнологов // Научный работник. 1925. № 3. С. 80–84; Конрад Н. И. Японские университеты // Научный работник. 1926. № 7–8. С. 113–124; Мижув П. Г. Типичный американский сельскохозяйственный институт // Научный работник. 1929. № 3. С. 76–80 и др.

⁵ См., напр.: Державин Н. С. К вопросу об университетской реформе // Научный работник. 1925. № 1. С. 112–120; Солосин И. И. Указ. соч. С. 37–41.

⁶ Державин Н. С. Указ. соч. С. 112–120.

⁷ Кржишковский К. Н. К вопросу об изменении методов преподавания // Научный работник. 1925. № 3. С. 65–70.

⁸ Там же.

⁹ См., напр.: Яневич М. В. Звеньевая форма работы в высшем учебном заведении // Научный работник. 1929. № 9. С. 36–42; Кржишковский К. Н. К реформе преподавания в высшей школе // Научный работник. 1929.

- № 12. С. 58–61; Ленский Н. А. К вопросу о цикловой или конвейерной системе преподавания // Научный работник. 1930. № 8–9. С. 43–48; Кармилов В. И. Активизация методов преподавания и учет работы в высшей школе // Научный работник. 1930. № 5–6. С. 54–57 и др.
- ¹⁰ См., напр.: Дунин-Барковский В. Н. Дефекты непрерывной производственной практики // Научный работник. 1930. № 2. С. 59–62.
- ¹¹ Немало публикаций, появившихся на страницах журнала «Научный работник», было посвящено проблемам, с которыми сталкивались студенты в период обучения в вузе. См., напр.: Кекчеев К. Х. Бюджет времени студентов // Научный работник. 1926. № 10. С. 38–53.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дэвид-Фокс М. Наступление на университеты и динамика сталинского Великого перелома (1928–1932 годы) // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / Под ред. А. Н. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 523–563.
2. Наука большой страны: советский опыт управления / Под ред. Е. А. Долговой. М.: ИЦ РГГУ, 2023. 628 с.
3. Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. М.: Высшая школа, 1988. 255 с.

Поступила в редакцию 16.12.2024; принята к публикации 27.01.2025

Original article

Olga V. Metel, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-6981-6137; olgametel@yandex.ru

**SOVIET HIGHER EDUCATION REORGANIZATION PROJECTS COVERED
BY THE *SCIENTIFIC WORKER* JOURNAL**

Abstract. The purpose of this article is to identify the main strategies for representing the image of a new Soviet university in the Soviet press of the 1920s and to understand what justifications were offered by specialists to explain various experiments in this area. The novelty of this approach lies in the fact that, unlike most studies in this field, the author of this article shifted the focus from analyzing the specific results of the Soviet scientific and educational policy of the first post-revolutionary years to studying the practices of representation of the latter. To achieve the set goals and objectives, the author turned to the publications of the *Scientific Worker* journal, which expressed the official opinion of the Central Council of the Section of Scientists of the Union of Educational Workers of the USSR. Based on the analysis of these materials, the author comes to the conclusion that in the second half of the 1920s, the image of the Soviet university was constructed using such basic ideas as breaking with previous pre-revolutionary traditions, focusing on the best world educational standards and trends, and strengthening the practical component through establishing the connection between the education system and the manufacturing sector.

Keywords: Soviet universities, Soviet science, speech strategies, representation practices, *Scientific Worker* journal

For citation: Metel, O. V. Soviet higher education reorganization projects covered by the *Scientific Worker* journal. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):91–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1150

REFERENCES

1. David-Fox, M. An attack on universities and dynamics of Stalin's Great Turn (1928–1932). *Schedule of changes: Essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire and the USSR (from the late 1880s through the 1930s)*. (A. N. Dmitriev, Ed.). Moscow, 2012. P. 523–563. (In Russ.)
2. Science of a large country: Soviet experience of management. (E. A. Dolgova, Ed.). Moscow, 2023. 628 p. (In Russ.)
3. Chанбарисов, Sh. H. The formation of the Soviet university system. Moscow, 1988. 255 p. (In Russ.)

Received: 16 December 2024; accepted: 27 January 2025

БЭЛЛА МАРСЕЛЬЕВНА АБДУЛИНА

инженер-исследователь кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-4062-9052; abdulinabe97@mail.ru

120-ЛЕТИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В ФОКУСЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

А н н о т а ц и я . Исследуется важное событие в общественной и научной жизни Ленинграда накануне Великой Отечественной войны – 120-летие Ленинградского университета, которое широко отмечалось в 1939 году. В торжествах приняли участие видные государственные и партийные чиновники, представители научной общественности и творческой интеллигенции. Рассматривается общественно-политический контекст, в котором проходила подготовка праздничных мероприятий, реконструируется их ход и освещение в периодической печати. Делается вывод о том, что в условиях тоталитарного режима юбилей учреждения рассматривался его администрацией и сотрудниками в качестве повода обратить внимание чиновников на свои нужды. Советская власть, в свою очередь, использовала годовщину для демонстрации не только успехов науки в послереволюционную эпоху и организации просветительских мероприятий для жителей города, но и изменений в положении интеллигенции в обществе. Юбилей 1939 года оказал существенное влияние на формировавшийся в то время канонический взгляд на историю Санкт-Петербургского / Ленинградского университета и место его профессоров, преподавателей и студентов в освободительном движении.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, Ленинградский государственный университет, коммеморации, юбилей, идеологическая политика, Э. Ш. Айрапетьянц, В. Л. Комаров

Благодарности . Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект 23-28-01433 «Юбилейные коммеморации Санкт-Петербургского университета».

Для цитирования : Абдулина Б. М. 120-летие Ленинградского государственного университета в фокусе идеологической политики Советского государства // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 96–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1151

ВВЕДЕНИЕ

Празднование годовщин со дня основания – корпоративная традиция Санкт-Петербургского / Петроградского / Ленинградского университета, берущая начало в 30-х годах XIX века, не прервавшаяся после революции и установления советской власти. Историки регулярно рассматривают феномен университетских актов в контексте корпоративной и политической истории [3], [4], [5: 90–93], [10]. Первые специальные исследования, посвященные конкретным университетским юбилейным кампаниям, были включены во второй том «Очерков по истории Ленинградского университета», вышедший накануне празднования его 150-летия в 1969 году [2], [8]. Значительно позже, в 1999 году, на конференции, приуроченной к 275-летию высшего учебного заведения, с докладом о праздновании его юбилеев на протяжении XIX–XX веков выступил

И. Л. Тихонов и впоследствии подготовил на его основе обзорную статью по данной тематике [9]. На современном этапе изучение юбилейной традиции Санкт-Петербургского университета является одним из приоритетных направлений в области истории высшей школы [1], [6], [7]. В то же время на сегодняшний день в литературе не имеется специальных работ, посвященных данному событию. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

В 1930-е годы социальная политика большевиков претерпела существенные изменения по сравнению с предшествующим десятилетием, на протяжении которого советские идеологи предпринимали попытки встроить главный городской студенческий праздник в официальный нарратив в качестве Дня революционного студенчества. Новая коннотация должна была отсылать к Первой Всероссийской студенческой

забастовке, начавшейся с инцидента на университетском акте 8 февраля 1899 года. В контексте рассматриваемой проблемы новации были связаны с изменением отношения к интеллигенции, которое нашло отражение в Конституции 1936 года. Помимо этого государство стремилось подчеркнуть престиж отечественной науки в условиях напряженной международной обстановки накануне Второй мировой войны. В силу данных обстоятельств 120-летие ЛГУ, отмечавшееся в 1939 году, явилось не только важным событием для его сотрудников и студентов, но и настоящим праздником советской науки. Целью данной статьи является реконструкция общественно-политического контекста, в котором прошли торжества, и выявление места корпоративных праздников в системе коммуникации между властью и представителями научного сообщества.

ПОДГОТОВКА ТОРЖЕСТВ

В конце 1938 года университетская юбилейная комиссия разработала план праздничных мероприятий¹, в соответствии с ним должна была начаться работа над подготовкой книги по истории вуза, анонсировался конкурс на лучшую научно-исследовательскую работу среди профессорско-преподавательского состава и научных работников. Планировалось также обратиться в Наркомпрос РСФСР, правительство и ЦК ВКП(б) с представлением о награждении университетов и ходатайством об улучшении материального обеспечения вуза².

Согласование программы юбилейных мероприятий велось через Наркомпрос РСФСР и Комитет по делам высшей школы при СНК СССР (далее – ВКВШ). В начале февраля 1939 года директор ЛГУ К. И. Лукашев обратился к председателю ВКВШ С. В. Кафтанову с просьбой ходатайствовать перед СНК СССР об обсуждении доклада «о деятельности и состоянии университета и перспективах его дальнейшего развития»³. В его проекте, составленном уже исполняющим должность директора А. Р. Марченко, указано, что ввиду интенсивного развития и роста высшего учебного заведения ему необходимы новые площади, капитальный ремонт имеющихся университетских зданий и новое оборудование для лабораторий, а также улучшение жилищных условий университетов. В заключение он просил выделить университету три автомобиля ГАЗ М-1, поскольку «имеющийся транспорт не может обеспечить перевозку академиков и профессоров, что часто приводит к срыву занятий и отказу ряда специалистов работать в университете»⁴. Редактируя данный проект, С. В. Кафтанов изме-

нил эту формулировку, акцентировав внимание на проблеме удаленности общежитий от учебных корпусов, для решения которой рекомендовал выделить помимо легковых машин три автобуса для студентов⁵.

ВКВШ были подготовлены проекты указов Верховного Совета СССР о награждении ЛГУ орденом Ленина⁶, присвоении Ленинградскому государственному университету имени «вдохновителя передовой советской науки» И. В. Сталина⁷ и проект указа Президиума Верховного Совета о награждении сотрудников университета, которым планировалось вручить ордена и медали, а также присвоении ряду ученых почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР»⁸. В январе 1939 года ходатайства о выделении финансовой поддержки ЛГУ по линии Наркомпроса РСФСР были рассмотрены в республиканском Наркомфине, который указал, что ввиду нехватки средств данный вопрос должен рассматриваться на уровне СНК СССР⁹.

В соответствии с актуальной в то время традицией днем основания высшего учебного заведения считалось 8 (21) февраля, поскольку в этот день Александр I утвердил министерский доклад о преобразовании Главного Педагогического института в университет. Провести торжественное заседание в историческую дату не представлялось возможным из-за затянувшегося согласования. Помимо этого, на 10–21 марта 1939 года был назначен XVIII съезд ВКП(б). В свою очередь, секретарь юбилейного комитета доцент, парторг биологического факультета Э. Ш. Айрапетьянц в заметке на страницах университетской газеты объяснил перенос даты отсутствием должной подготовки и тем, что крупные научные учреждения и университеты страны должны были подготовиться к участию в юбилейной сессии¹⁰. 5 марта 1939 года в газете вышла статья, в которой отмечалось, что «не чувствуется настоящего подъема» в связи с подготовкой юбилея, а Наркомпрос и Ленсовет «с поразительным равнодушием» относятся к этому событию, имеющему «большое политическое значение»¹¹. Только 8 апреля 1939 года в президиуме Ленсовета была утверждена комиссия по проведению 120-летнего юбилея Ленинградского университета в составе председателя Ленсовета П. С. Попкова, секретаря А. И. Маханова и других представителей Горкома ВКП(б) и отдела школ при нем, народного артиста РСФСР Н. К. Черкасова и представителей ЛГУ¹². 14 апреля 1939 года на заседании юбилейной комиссии А. Р. Марченко сообщил, что проект постановления Совнаркома СССР

уже подписан наркомом просвещения РСФСР П. А. Тюркиным и председателем ВКВШ С. В. Кафтановым¹³.

Внимание к празднованию 120-летия ЛГУ, проявленное партийным руководством, разумеется, оказывало существенное влияние на его подготовку, которую осложняли трудности хозяйственного и финансового плана. Так, например, поскольку празднование было запланировано накануне 1 мая, то в городе невозможно было найти «ни одного метра красного материала» для внешнего оформления здания университета¹⁴. Критике была подвергнута подготовка юбилейной выставки. 14 апреля 1939 года, за два дня до ее открытия, заместитель секретаря парткома ЛГУ И. А. Волков указал на тесноту помещений, в которых была размещена экспозиция, и недостатки ее оформления («нужно сделать так, чтобы не терялись портреты среди книг и не фигурировали бы портретики там, где должны быть портреты») и «слабость» раздела о настоящем университета¹⁵. Директору фундаментальной библиотеки И. И. Корелю было поручено принять «самые решительные меры по улучшению выставки», а председатель профкома ЛГУ Я. М. Дахия предложил согласовать работу художников над ее оформлением в ночное время¹⁶. Наконец, юбилейный банкет расценивался университетской администрацией как знак внимания со стороны Москвы, ввиду чего «устраивать его нужно более или менее шикарно»¹⁷, однако выделенных средств хватало только на товарищеский ужин «в таком скромном месте, как “Метрополь”», из-за чего пришлось сократить число гостей до 300, чтобы иметь возможность снять зал в «Астории»¹⁸.

ХОД ПРАЗДНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В декабре 1938 года началось социалистическое соревнование, посвященное 120-летию ЛГУ и двухлетию Конституции 1936 года¹⁹, его итоги были подведены в феврале. Номер журнала «Вестник знания» за этот месяц был посвящен университету²⁰. Тогда же был дан старт Первой общестуденческой конференции²¹. Любопытно, что оценка данного события студентом Г. А. Маньковым и его преподавателем, доцентом исторического факультета М. А. Гурковским, совпала – они оба отметили его «казенный» характер²².

Основные праздничные мероприятия пришлось на апрель 1939 года. Так, 7 апреля началась «декада открытых дверей университета», во время которой в кабинетах и лабораториях высшего учебного заведения для горожан были

организованы выставки и экскурсии по ним²³, прошли выступления ученых университета в домах культуры²⁴, а также лекции в клубах и на рабочих собраниях заводов и фабрик²⁵. На следующий день открылась олимпиада художественной самодеятельности, в которой приняли участие около 300 музыкантов, чтецов, танцоров, певцов и художников-универсантов²⁶. Актер и руководитель театральной мастерской при ЛГУ Е. З. Копелян в заметке для университетской газеты указал на «чрезмерную академическую строгость» олимпиады, в то время как зрителям «хотелось бы больше непосредственного веселья и жизнерадостности»²⁷.

16 апреля 1939 года приняла первых посетителей юбилейная выставка об истории и настоящем высшего учебного заведения, подготовленная сотрудниками фундаментальной библиотеки им. М. Горького. Экспозиция являлась зеркалом своего времени. Дореволюционное прошлое университета было освещено через призму гонений царского режима на просвещение. Центральное место в ней занимал убранный цветами и знаменами бюст И. В. Сталина. Имелись разделы, посвященные В. И. Ленину, который в 1891 году сдал экзамены на юридическом факультете, и его брату студенту А. И. Ульянову, возглавившему террористическую группу, совершившую покушение на императора Александра III 1 марта 1887 года²⁸. В завершающем разделе выставки сегодняшний день отечественной науки был представлен 121-й статьей сталинской Конституции, закреплявшей право граждан Советского Союза на образование, и статистикой, свидетельствовавшей о значительном увеличении числа студентов²⁹.

С 16 по 20 апреля 1939 год прошла юбилейная научная сессия, на которой «заслуженные мастера науки» выступили с докладами «в одной шеренге с молодыми учеными, выросшими за советский период»³⁰. Первое пленарное заседание в конференц-зале Академии наук СССР посетило более 400 человек³¹.

В 7 часов вечера 20 апреля 1939 года из актового зала и лабораторий ЛГУ состоялась юбилейная трансляция Ленинградского радиокomiteта с участием академиков А. А. Байкова, Е. В. Тарле, А. А. Ухтомского и др.³² Научно-учебная кинобаза озвучила фильм «Саблинская научная станция ЛГУ»³³ и подготовила два короткометражных фильма о научной работе профессора Е. С. Лондона и доцента Э. Ш. Айрапетьянца³⁴.

Главным событием университетского юбилея стало торжественное заседание 21 апреля

1939 года в Большом зале Ленинградской филармонии. В нем приняли участие высокопоставленные чиновники и партийные деятели (член ЦК ВКП(б) академик Е. М. Ярославский, прокурор СССР А. Я. Вышинский, заместитель наркома просвещения РСФСР В. В. Азаров и др.), представители ленинградских горкома и обкома ВКП(б), Ленсовета и облисполкома, академики В. Л. Комаров и С. Л. Соболев, актер Н. К. Черкасов, вдова Д. И. Менделеева А. И. Менделеева³⁵, а также студенты Оксфордского университета, делегации из Москвы, Минска, Тбилиси и Киева³⁶, всего представители 81 учреждения³⁷.

Во время заседания с докладом об истории высшего учебного заведения выступил исполняющий обязанности директора ЛГУ А. Р. Марченко, затем слово было передано академику и профессору А. А. Байкову, речь которого была посвящена вкладу университета в развитие химических наук. В своем выступлении президент Академии наук СССР В. Л. Комаров указал на высокую роль просвещения и непосредственно универсантов в борьбе с ростом популярности фашистской идеологии³⁸. Участники заседания отправили приветствие И. В. Сталину, В. М. Молотову и А. А. Жданову, а также по инициативе академика В. В. Струве избрали в почетный президиум членов Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И. В. Сталиным³⁹. В завершение официальной части прозвучал «Интернационал». Затем последовало музыкально-драматическое отделение, в котором приняли участие актеры Ю. М. Юрьев, Б. А. Горин-Горайнов, балерина Н. М. Дудинская и др.⁴⁰

22–23 апреля 1939 года состоялись студенческие вечера в домах культуры (им. С. М. Кирова и Василеостровском). Наконец, воскресным вечером 23 апреля прошел товарищеский ужин «для лучшей части профессорско-преподавательского состава, рабочих, служащих и гостей» университета⁴¹.

Юбилею 1939 года была посвящена альпиниада спортивного общества «Наука», во время которой универсанты покорили безымянную вершину высотой 4100 м на хребте Вулля в Безенгийском районе Центрального Кавказа и дали ей название «Пик имени 120-летия ЛГУ»⁴².

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ЮБИЛЕЙ В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ

В отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) И. В. Сталин отметил, что интеллигенция является «значительной силой нашей страны, обслуживающей интересы рабочих и крестьян»⁴³. В апреле в прессе началась кампания, расска-

зывающая о выгодах ее положения в советском обществе. В этом контексте 120-летие ЛГУ стало одной из тем данной информационной кампании. ТАСС рассылал типовые статьи об университете в газеты по всему Советскому Союзу и в иностранную прессу. Показательно, что, поскольку ожидалось указы о награждении универсантов, центральные газеты не брали много материала, чтобы иметь возможность опубликовать их фамилии⁴⁴. В результате в «Правде» и «Известиях» вышли небольшие юбилейные заметки⁴⁵. В ленинградской прессе акцент делался на том, что за прошедшие годы в стране выросло «поколение советской интеллигенции»⁴⁶. В качестве основы для публикаций о праздновании 120-летия ЛГУ использовались материалы из университетской газеты⁴⁷, в которой они подробно освещались. Так, уже 5 марта в «Ленинградском университете» вышли статьи, рассказывавшие о подготовке к юбилейным торжествам⁴⁸. Неудивительно, что данное событие стало центральной темой объединенного 17/18 номера данной газеты за 21 апреля⁴⁹.

Утверждение на государственном уровне национально-патриотического дискурса по отношению к героям прошлого способствовало реабилитации и признанию заслуг дореволюционных ученых университета. В качестве примера можно привести статью профессора В. М. Жирмунского «Развитие филологических наук в ЛГУ» (аналогичные публикации выходили и о других исследовательских направлениях⁵⁰). В ней он кратко характеризует вехи становления научных школ, которым наследует современный филологический факультет, и называет ряд академиков «старого» университета: И. И. Срезневского, В. И. Ламанского, П. А. Лаврова, И. В. Ягича, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовского и др., указывая на значение их трудов. В заключении он отмечает:

«...советская филологическая наука имеет все возможности стать действительно передовой наукой, опираясь на методологию марксизма-ленинизма и на критическое освоение богатого наследия научной мысли прошлого, накопленного в значительной мере трудами русских ученых»⁵¹.

В юбилейных нарративах на страницах прессы многократно отмечаются преимущества социалистического университета перед дореволюционным. ЛГУ предстает в них прежде всего пространством подлинной свободы научного творчества. Данный тезис имел в том числе политические коннотации в условиях конфронтации Советского Союза и нацистской Германии.

Процитируем фрагмент из статьи члена-корреспондента Академии наук СССР, профессора физического факультета В. А. Амбарцумяна:

«Фашистские варвары изгнали из своей родины творца теории относительности Альберта Эйнштейна, создателей квантовой механики Шредингера и Брока. Зато стали издаваться учебники “арийской физики”, где излагается всякая лженаучная галиматья»⁵².

В статье «121-й год университета в цифрах» отмечается рост общего числа студентов, финансирования и научно-технической базы, а также повышение доступности высшего образования для женщин и представителей нетитульных национальностей, что свидетельствовало о внимании советского правительства к проблемам высшей школы⁵³. Студент V курса исторического факультета С. Д. Гаицхоки восторженно констатировал: «Дух захватывает, когда подумаешь о том, что существует непочатый край работы и невиданные больше нигде прекрасные условия для ее осуществления»⁵⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

11 мая 1939 года вышло постановление СНК СССР № 658 «О мероприятиях по Ленинградскому государственному университету в связи со 120-летием со дня его основания». В соответствии с ним, на 1940 год было запланировано строительство нового студенческого общежития, завершение реконструкции здания

поликлиники и исторического факультета, были учреждены персональные стипендии для выдающихся студентов и аспирантов⁵⁵. Профессорам, преподавателям и служащим ЛГУ были вручены почетные грамоты, благодарности, ценные подарки и премии из фонда университета⁵⁶. В 1939/40 учебном году в зданиях университета были проведены «самые неотложные и первоочередные [ремонтные] работы»⁵⁷. Награждение ЛГУ орденом Ленина, а его сотрудников – орденами и медалями Союза ССР состоялось значительно позже, в 1944 году, в связи с празднованием 125-летия высшего учебного заведения, находившегося в эвакуации в Саратове⁵⁸.

Юбилейные торжества 1939 года – пример успешного взаимодействия дирекции ЛГУ и власти. Корпоративным интересам высшего учебного заведения, несомненно, служила государственная поддержка, благодаря которой университет был представлен в качестве одного из ведущих научных центров страны. Его презентация в контексте официального нарратива сделала возможным системное изучение прошлого высшего учебного заведения [6: 182]. Партийное руководство, в свою очередь, провело информационную кампанию, в ходе которой продемонстрировало выгоды сотрудничества с властью для научной интеллигенции и представило широкой публике достижения советского просвещения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Директор ЛГУ проф. К. И. Лукашев – в Ленинградский Горком ВКП(б) и Президиум Ленинградского совета № 120-14-1 от 21.12.1938 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 525. Л. 7.
- ² Готовимся к юбилею // Ленинградский университет. 1938. 8 декабря. № 41. С. 3.
- ³ Директор ЛГУ – Председателю Комитета по делам Высшей школы при СНК СССР тов. Кафтанову № 102-9-7 от 1.02.1939 // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 525. Л. 15–16.
- ⁴ [Проект доклада от 13.03.1939 г.] директора ЛГУ А. Р. Марченко председателю Совета Народных комиссаров тов. В. М. Молотову // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 525. Л. 32–35.
- ⁵ Всесоюзный комитет по делам Высшей Школы – в Совет Народных Комиссаров Союза ССР. № 81/с. от 14 апреля 1939 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 521. Л. 79.
- ⁶ Проект Указа Верховного Совета Союза ССР О награждении орденом Ленина Ленинградского государственного университета // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 521. Л. 75.
- ⁷ Проект Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР О присвоении Ленинградскому Государственному университету имени товарища И. В. Сталина // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 521. Л. 74.
- ⁸ Проект Указа Президиума ВС СССР О награждении работников Ленинградского государственного университета // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 521 Л. 72–36.
- ⁹ Народный комиссар финансов РСФСР Т. И. Попов – в Совет народных комиссаров РСФСР. Заключение по письму Ленсовета о проведении 120-летнего юбилея Ленинградского университета. № 14119 от 15 апреля 1939 г. // ГАРФ. Ф. А259. Оп. 37. Д. 268. Л. 27.
- ¹⁰ Айрапетьянц Э. Ш. К 120-летию юбилею ЛГУ // Ленинградский университет. 1939. 14 февраля. № 7. С. 3.
- ¹¹ Накануне юбилея // Ленинградский университет. 1939. 5 марта. № 10. С. 1.
- ¹² Юбилейная хроника // Ленинградский университет. 1939. 7 апреля. № 15. С. 1.
- ¹³ Стенограмма заседания юбилейного комитета 14 апреля 1939 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 525. Л. 270.
- ¹⁴ Там же. Л. 280 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 276–277.

- ¹⁶ Там же. Л. 278.
- ¹⁷ Там же. Л. 282.
- ¹⁸ Там же. Л. 281 об.
- ¹⁹ Открытое письмо ко всем студентам, профессорам, аспирантам, рабочим и служащим Ленинградского университета в честь 120-летнего юбилея нашего университета // Ленинградский университет. 1938. 8 декабря. № 41. С. 1.
- ²⁰ Вестник знания. 1939. № 2.
- ²¹ Фридман М. Научно-теоретическая конференция студентов ЛГУ // Ленинградский университет. 1939. № 10. 5 марта. С. 3.
- ²² Маньков А. Г. Из дневника. 1938–1941 гг. // Звезда. 1995. № 11. С. 176; Гуковский М. А. В чем причина неудачи? // Ленинградский университет. 1939. 7 апреля. № 15. С. 3.
- ²³ Юбилейная хроника // Ленинградский университет. 1939. 7 апреля. № 15. С. 1.
- ²⁴ Протокол № 10 заседания Парткома Ленинградского Государственного университета от 13 апреля 1939 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИД СПб). Ф. Р-984. Оп. 5. Д. 30. Л. 102.
- ²⁵ Айрапетьянц Э. Ш Подготовка к юбилейным торжествам // Ленинградский университет. 1939. № 10. 5 марта. С. 3.
- ²⁶ За шесть дней // Ленинградский университет. 1939. 13 апреля. № 16. С. 4.
- ²⁷ Копелян Е. З. Несколько поколений // Ленинградский университет. 1939. 1 мая. № 19. С. 3–4.
- ²⁸ Замечательная выставка // Смена. 1939. 18 апреля. № 89. С. 4.
- ²⁹ Альшиц. Красноречивые итоги 120-летнего пути. На юбилейной выставке университета // Ленинградский университет. 1939. 21 апреля. № 17–18. С. 4.
- ³⁰ Юбилейная хроника // Ленинградский университет. 1939. 7 апреля. № 15. С. 1.
- ³¹ Открылась юбилейная сессия университета // Ленинградская правда. 1939. 17 апреля. № 88. С. 4.
- ³² На празднование 120-летия университета // Ленинградская правда. 1939. № 90. 20 апреля. С. 1; Юбилейный радио-митинг // Смена. 1939. 21 апреля. № 91. С. 4.
- ³³ За шесть дней // Ленинградский университет. 1939. 5 марта. № 10. С. 4.
- ³⁴ За шесть дней // Ленинградский университет. 1939. 13 апреля. № 16. С. 4.
- ³⁵ Праздник советской науки // Ленинградский университет. 1939. 1 мая. № 19. С. 4.
- ³⁶ На празднование 120-летия университета // Ленинградская правда. 1939. 20 апреля. № 90. С. 1.
- ³⁷ Список учреждений, высших учебных заведений, научно-исследовательских учреждений, приглашенных на празднование 120-летия Ленинградского Государственного Университета // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 525. Л. 111–111 об.
- ³⁸ Торжественное заседание, посвященное 120-летней годовщине со дня основания Ленинградского государственного университета 21 апреля 1939 г. Стенографический отчет // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 525. Л. 325 об.
- ³⁹ Праздник советской науки // Ленинградский университет. 1939. 1 мая. № 19. С. 4; Праздник советской науки. Торжественное заседание, посвященное 120-летию Ленинградского университета // Смена. 1939. 22 апреля. № 92. С. 4.
- ⁴⁰ Стенограмма заседания юбилейного комитета 14 апреля 1939 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 525. Л. 280.
- ⁴¹ План проведения 120-летнего юбилея Ленинградского государственного университета // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 525. Л. 85–85 об.
- ⁴² Ионов Б. Альпиниада значкистов // Ленинградский университет. 1939. 16 сентября. № 30. С. 4.
- ⁴³ Отчетный доклад тов. Сталина на XVIII-м съезде партии о работе ЦК ВКП(б) // Правда. 1939. 11 марта. № 69. С. 3–4.
- ⁴⁴ Стенограмма заседания юбилейного комитета 14 апреля 1939 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 525. Л. 279 об.
- ⁴⁵ 120-летие Ленинградского университета // Правда. 1939. № 110. С. 4; Делегации – на празднование юбилея Ленинградского университета // Известия. 1939. 21 апреля. № 93. С. 4.
- ⁴⁶ Народная социалистическая интеллигенция // Смена. 1939. 11 апреля. № 83. С. 1; Почетные задачи советской науки // Ленинградская правда. 1939. 16 апреля. № 87. С. 1.
- ⁴⁷ Стенограмма заседания юбилейного комитета от 14 апреля 1939 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 525. Л. 279.
- ⁴⁸ Накануне юбилея // Ленинградский университет. 1939. 5 марта. № 10. С. 1; Айрапетьянц Э. Ш. Подготовка к юбилейным торжествам // Ленинградский университет. 1939. 5 марта. № 10. С. 3.
- ⁴⁹ Ленинградский университет. 1939. 21 апреля. № 17–18.
- ⁵⁰ См., напр.: Берг Л. С. Развитие географической науки в ЛГУ // Ленинградский университет. 1939. 31 марта. № 14. С. 2; Баумгардт К. К. Физика в ЛГУ за 120-лет // Ленинградский университет. 1939. 7 апреля. № 15. С. 2 и др.

- ⁵¹ Жирмунский В. М. Развитие филологических наук в ЛГУ // Ленинградский университет. 1939. 13 апреля. № 16. С. 3.
- ⁵² Амбарцумян В. А. Будем бороться за подлинно научное, материалистическое мировоззрение // Ленинградский университет. 1939. 21 апреля. № 17–18. С. 2.
- ⁵³ 121-й год университета в цифрах // Ленинградский университет. 1939. 21 апреля. № 17–18. С. 4.
- ⁵⁴ Гаицхоки С. Д. Будущее наше полноценно и радостно // Ленинградский университет. 1939. 21 апреля. № 17–18. С. 2.
- ⁵⁵ Постановление Совета Народных комиссаров Союза ССР № 658 от 11 мая 1939 г. «О мероприятиях по Ленинградскому Государственному университету в связи со 120-летием со дня его основания» // ГАРФ. Ф. А259. Оп. 37. Д. 268. Л. 18.
- ⁵⁶ Приказ № 463/88 по Ленинградскому государственному университету от 27 апреля 1939 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 521. Л. 223–235.
- ⁵⁷ Отчет о деятельности Ленгосунiversитета за 1939/40 учебный год // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 14. Д. 476. Л. 36.
- ⁵⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Орденом Ленина Ленинградского государственного университета // Ленинградский университет. 1944. 12 марта. Специальный выпуск. С. 1; Награждение работников Ленинградского университета орденами и медалями Ленинградский университет. 1944. 12 марта. Специальный выпуск. С. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулина Б. М., Гольцов Н. В. Юбилей Санкт-Петербургского университета в информационном пространстве (на материалах периодики) // Уфа университетская: тренды развития науки и технологий в новейшей России: Сб. статей всерос. науч.-практ. конф. Уфа: ООО «Книга-принт», 2023. С. 220–229.
- Казакевич Р. А., Мандель С. З. К истории 100-летнего юбилея университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Т. 2. С. 159–167.
- Морозов О. В. Университетские юбилеи в России и Германии начала XX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 194 с.
- Посохов С. И. Механизмы самопрезентации университета: торжественные акты в университетах Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX века) // Вестник Черниговского национального педагогического университета. 2011. № 87. С. 10–15.
- Ростовцев Е. А. Революционные коммеморации в Петербургском университете на рубеже XIX–XX вв. // Клио. 2011. № 4. С. 89–99.
- Ростовцев Е. А. Санкт-Петербургский университет в советской историографии и коммеморативных практиках (1919–1939) // Вече: ежегодник русской философии и культуры. 2021. С. 174–189.
- Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Первые коммеморации Санкт-Петербургского университета // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 2. С. 251–256.
- Сладкевич Н. Г. О 50-летнем юбилее Петербургского университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Т. 2. С. 152–158.
- Тихонов И. Л. Из истории университетских юбилеев // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Науч. ред. Л. А. Вербицкая; Сост. Г. А. Тишкин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 435–442.
- Шевырев А. П. Праздники непослушания: студенческое движение в Москве и Петербурге во второй половине XIX – начале XX вв. // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: Труды междунар. науч. конф. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонов. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2009. С. 148–162.

Поступила в редакцию 18.11.2024; принята к публикации 24.01.2025

Original article

Bella M. Abdulina, Research Engineer, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-4062-9052; abdulinabe97@mail.ru

THE 120th ANNIVERSARY OF LENINGRAD STATE UNIVERSITY IN FOCUS OF THE USSR IDEOLOGICAL POLICY

Abstract. This article focuses on a significant event in the public and academic life of Leningrad on the eve of the Great Patriotic War – the 120th anniversary of Leningrad University, which was widely celebrated in 1939. The celebrations were attended by prominent state and party officials, as well as representatives from the scientific community and the creative intelligentsia. The author explores the socio-political context surrounding the preparations

for these celebrations, reconstructs their progression, and analyzes how the events were covered in the press. The article concludes that, under a totalitarian regime, the university's administration and staff viewed the anniversary as a chance to attract officials' attention to their needs. In turn, the Soviet state used the occasion to showcase the achievements of science in the post-revolutionary period, organize educational activities for the city's residents, and highlight the evolving status of the intelligentsia within society. Additionally, the 120th anniversary of Saint Petersburg/Leningrad University played a crucial role in shaping the prevailing narrative of its history and the contributions of its professors and students to the liberation movement.

Keywords: Saint Petersburg University, Leningrad State University, commemorations, anniversary, ideological policy, E. Sh. Ayrapetyants, V. L. Komarov

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation as part of the project "Anniversary commemorations of Saint Petersburg University" (Project No 23-28-01433).

For citation: Abdulina, B. M. The 120th anniversary of Leningrad State University in focus of the USSR ideological policy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):96–103. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1151

REFERENCES

1. Abdulina, B. M., Goltsov, N. V. Anniversaries of Saint Petersburg University in the information space (a study of periodical materials). *University Ufa: trends in the development of science and technology in modern Russia: Proceedings of the all-Russian research and practical conference*. Ufa, 2023. P. 220–229. (In Russ.)
2. Kazakevich, R. A., Mandel, S. Z. The history of the 100th anniversary of Leningrad University. *Essays on the history of Leningrad University*. Leningrad, 1968. Vol. 2. P. 159–167. (In Russ.)
3. Morozov, O. V. University anniversaries in Russia and Germany in the early XX century: Diss. Cand. Sc. (History). Moscow, 2016. 194 p. (In Russ.)
4. Posokhov, S. I. Mechanisms for the self-presentation of university: official declarations in universities of the Russian Empire (in the second half of the XIX century and the first half of the XIX century). *Bulletin of Chernihiv National Pedagogical University*. 2011;87:10–15. (In Russ.)
5. Rostovtsev, E. A. Revolutionary commemorations in Saint Petersburg University at the turn of the XX century. *Klio*. 2011;4:89–99. (In Russ.)
6. Rostovtsev, E. A. St. Petersburg University in Soviet historiography and commemorative practices (1919–1939). *Veche: Yearbook of Russian Philosophy and Culture*. 2021;174–189. (In Russ.)
7. Rostovtsev, E. A., Sosnitsky, D. A. The first commemorative practices of Saint Petersburg University. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2024;69(2):251–256. (In Russ.)
8. Sladkevich, N. G. The 50th anniversary of Saint Petersburg University. *Essays on the history of Leningrad University*. Leningrad, 1968. Vol. 2. P. 152–158. (In Russ.)
9. Tikhonov, I. L. Excerpts from the history of university anniversaries. *Celebrating the 275th anniversary of Saint Petersburg University. Documents and materials*. (L. A. Verbitskaya, Ed.). St. Petersburg, 2003. P. 435–442. (In Russ.)
10. Shevyrev, A. P. Feasts of disobedience: student movement in Moscow and St. Petersburg during the second half of the XIX century and the early XX century. *Saint Petersburg University in the XVIII–XX centuries: European traditions and Russian context: Proceedings of international research conference, 23–25 June 2009*. St. Petersburg, 2009. P. 148–162. (In Russ.)

Received: 18 November 2024; accepted: 24 January 2025

АРТЕМ МИХАЙЛОВИЧ СКВОРЦОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
(Москва, Российская Федерация)
доцент кафедры истории России и зарубежных стран
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3287-4154; artiom-skvorcov@yandex.ru

ВВЕДЕНИЯ К ДИССЕРТАЦИЯМ ПО АНТИЧНОСТИ 1940-х ГОДОВ И СОВЕТСКАЯ ДИССЕРТАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

А н н о т а ц и я . Цель исследования состоит в выявлении специфических черт диссертационной культуры антиковедов 1940-х годов на основе изучения Введений к диссертациям, защищенным в Ленинградском государственном университете. Новизна заключается в рассмотрении квалификационных сочинений на ученую степень как отдельного вида историографического источника, исходя из целеполагания самих соискателей. Актуальность обусловлена количественным ростом в последнее десятилетие исследований по истории диссертационной культуры, однако историографами не было предложено удовлетворительной программы анализа самих диссертаций. Автор устанавливает, что если на раннем этапе имелась определенная свобода в структурировании диссертаций, компоновке и изложении вводной части, то с конца 1940-х годов в связи с развернувшимися идеологическими кампаниями усиливаются формальные требования к представляемым на диспут научным сочинениям. В результате образуется разрыв в едином нарративном пространстве диссертаций: Введение по выдвинутым в нем положениям как бы обособляется от основного текста. Оно становится насыщенным враждебной по отношению к «буржуазной» науке лексикой и цитатами из марксистской литературы. Актуализация темы, постановка задачи, историографический обзор приобретают идеологический характер. Эти элементы становятся критериями оценки всего проведенного исследования.
К л ю ч е в ы е с л о в а : Ленинградский государственный университет, диссертационная культура, история науки, антиковедение, советская наука об античности

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 24-28-01315 «Послевоенный классицизм: социальный заказ и интеллектуальное пространство советских специалистов по древней истории, 1945–1956 гг.».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Скворцов А. М. Введения к диссертациям по античности 1940-х годов и советская диссертационная культура // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 104–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1152

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время появляется все больше исследований в области «диссертационной культуры» [3: 15], которые чаще всего представляют собой статьи, посвященные истории получения искомой степени каким-либо ученым. В основании такого рода научных статей обычно лежат архивные диссертационные дела из фондов учебных и научных учреждений. Но в этих архивных делах, как правило, отсутствуют сами диссертации, поскольку не требовалось их отсылать в ВАК, а до 1944 года – и в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. Для изложения концепции и положений, выносимых на диспут, историографы прибегают к тезисам

(объемом 1–2 страницы) либо к более поздним печатным изданиям (статьям и монографиям), не всегда дающим адекватное представление о самой диссертации.

Диссертация как квалификационное сочинение может рассматриваться не только как источник информации о концепции автора, но и как отдельный вид историографического источника. Понятие «историографический источник» в данной статье используется в том смысле, какой представлен в учебнике «Источниковедение» 2015 года под редакцией М. Ф. Румянцевой¹. В этом издании за основу процедуры выделения видовой структуры историографических источников предложен принцип целеполагания авто-

ра – создателя источника, а не целеполагание историографа-исследователя, а значит, и классифицировать такие источники следует не по цели современного исследователя, а исходя из представлений и задач самого автора (в данном случае историка – соискателя ученой степени), прошлого и культурного контекста его времени, то есть применять к этому понятию те же самые принципы, что и в отношении источников иных видов [6: 535]. В данной статье предполагается рассмотреть диссертацию с точки зрения диссертационной культуры своего времени. Содержательная же сторона исследований (выводы) нас будет интересовать в меньшей степени.

Архитектоника и повествовательная канва диссертации – результат творческого процесса, отражающего индивидуальные поиски конкретного исследователя. Но диссертация как квалификационное сочинение является одновременно и воплощением ряда конвенций научного сообщества [3: 366], что подразумевает наличие в ее структуре и тексте некоторых маркеров, служащих прежде всего цели аттестации соискателя. Наибольшее их число сконцентрировано во Введении (или, как иногда именовали эту часть в исследуемое время, Предисловии), где формулируются и развиваются теоретические положения, выявляющие элементы диссертационной культуры. Далее будет рассматриваться именно эта часть диссертации.

В качестве объекта исследования выступают диссертации антиковедов. Как известно, антиковедение – комплексная дисциплина, включающая в равной степени как историю, так и филологию. Наше внимание будет сосредоточено на филологах-классиках Ленинградского государственного университета. Кафедра классической филологии в Ленинграде была воссоздана в 1932 году в структуре ЛИФЛИ [8], а в 1937 году – снова возвращена в ЛГУ. Первая защита по этой кафедре прошла в 1935 году, в результате которой О. М. Фрейденберг, зав. кафедрой, была присуждена степень доктора филологических наук, однако самой диссертации ни в архиве, ни в библиотеке университета не сохранилось. Известно, что на основе этой диссертации в 1936 году издана монография – «Поэтика сюжета и жанра (период античной литературы)». Однако монография и диссертация, хотя и относятся к одному стилю речи, но все же разнятся по своему целеполаганию и специфике, поэтому нам не представляется возможным строить свои рассуждения о диссертационной культуре на основе вышедшей публикации. Собственно, диссертации филологов-классиков сохранились с 1941 года: в начале войны И. М. Тронский представил ква-

лификационную работу в виде учебника на соискание ученой степени доктора филологических наук «История античной литературы». За период 1941–1950 годов всего было защищено 12 диссертаций: две докторские (И. М. Тронским (1941), С. Я. Лурье (1944)), 10 кандидатских (Т. Н. Чикалиной (1943), С. В. Поляковой (1945), Н. В. Вулих (1946), Б. Л. Галеркиной (1946), Т. А. Красоткиной (1947), Н. С. Гринбаумом (1948), В. В. Каракулаковым (1948), К. П. Авдеевым (1949), Л. М. Черфас (1950), Н. А. Чистяковой (1950)). Ныне экземпляры этих диссертаций хранятся в Научной библиотеке им. М. Горького в СПбГУ.

ДИССЕРТАЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЯХ

Прежде всего необходимо ответить на вопрос: было ли единообразие в структурировании диссертаций? Первичный обзор выбранных диссертаций дает основание ответить на этот вопрос отрицательно. У Т. А. Красоткиной и Н. А. Чистяковой отсутствует Введение, у Т. Н. Чикалиной и С. Я. Лурье – Оглавление; до 1947 года (включительно) во всех отобранных диссертациях нет Списка литературы и Заключения. Прослеживается вариативность в оформлении титульного листа. Для понимания истоков такой рассогласованности следует обратиться для начала к нормативно-правовым документам 1930–1940-х годов о диспутах.

В постановлении 1934 года «Об ученых степенях и званиях» определяется, что докторская диссертация «должна обнаружить самостоятельную исследовательскую работу, в результате которой дано решение или теоретическое обобщение научных проблем или научно-обоснованная постановка новых проблем, представляющих значительный научный интерес». Кандидатская же «диссертация должна обнаружить общие теоретические знания в области данной дисциплины» [9: 47–51]. Другими словами, требования к самой диссертации со стороны правительственных структур прописывались самым общим образом (что считать, например, «значительным научным интересом» или «общими теоретическими знаниями?»), поэтому возникало широкое поле для трактовок сформулированных критериев.

В приказах, инструкциях и постановлениях ВКВШ за первую половину 1940-х годов обращалось внимание на актуальность и значимость для науки проблематики диссертаций, глубину разработки поставленных вопросов, форму изложения, оговаривалось содержание титульного листа [2: 43–46]. Другими словами, нормативные документы 1930–1940-х

годов решали в основном бюрократические вопросы, но не регламентировали сам диссертационный труд. Его структура в целом и наполнение Введения в частности были предметом внимания по сути научного сообщества, которое реализовывало свои, сложившиеся порой в течение десятков лет представления о квалификационных сочинениях различных уровней. Однако и внешняя среда, а именно политико-идеологические процессы, не могла не сказываться на формулируемых правилах.

Думается, объяснение довольно свободной структуры диссертаций до определенного времени кроется не только в специфике законодательства, но и в традициях, идущих с дореволюционных времен. Оппоненты в отзывах часто называли диссертацию книгой, иногда – монографией. Такой формат подразумевает выбор собственного пути решения поставленной проблемы, а соответственно, и творческой компоновки имеющегося материала. В этом отношении и Введение, предваряя авторское изложение, служит задаче кратко ввести в курс дела и настроить читателя на выбранный исследователем ракурс.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВВЕДЕНИЯ В ДИССЕРТАЦИЯХ

Уже в дореволюционный период сложилось представление о том, что Введение формулирует исследовательское поле диссертационной работы и служит для демонстрации базовых исследовательских навыков и академических конвенций [3: 366–367]. По нему можно судить о некоторых правилах и установках, принятых в научном сообществе, а при наличии разновременных образцов – выявлять динамику этих представлений и факторы, под влиянием которых она осуществлялась.

Определим некоторые общие параметры во Введении. В исследуемое время эта часть диссертации представляла собой сплошной последовательный текст без выделения рубрик. Введение не обходилось без постановки проблемы либо, как чаще писали, задачи. Причем этот элемент вводился описательно: «речь будет идти о...», «основная путеводная нить исследования...», «нас интересует...», «данная работа переводит проблему» в такую-то область, «настоящая работа посвящена» тому-то и др. Другими словами, здесь наблюдается лексическое разнообразие. Проблематика формулировалась не телеграфно, а являлась органической частью текста. Приведем пример из диссертации Б. Л. Галеркиной:

«Нас интересует структура, независимая от особенностей каждого трагика, от его манеры подачи сюжета, от стиля и словарного запаса, т. е. от всего того,

что так тонко исследуется, уже не говоря о старых работах, вышедших за последнее десятилетие»².

У Т. Н. Чикалиной задача плавно вытекает из особенностей источника, с которым она работает. Определив уникальность «Законов XII таблиц», заключающуюся в наличии в этом римском юридическом памятнике архаической лексики и синтаксиса, соискатель отметила неверное восприятие в современной науке своего основного источника как модернизированного в ходе неоднократного переписывания его положений более поздними авторами, отсюда можно понять главную задачу Чикалиной, выраженную имплицитно, – изучение особенностей языка древнейшего права³. Встречаются диссертации и с конкретной формулировкой задачи, причем одной, являющейся, по мысли автора, основной, которая найдет разрешение в Заключении (если таковое подразумевалось). Но и в этом случае она звучала в самом общем виде. Так, Н. В. Вулих ставила своей задачей исследование специфических особенностей поэзии Катулла⁴. Второстепенные промежуточные задачи (например, обращение к текстологии, часто встречающееся в то время в квалификационных сочинениях по классической филологии) обычно ставились по ходу изложения, в основном содержания работы.

По нашим наблюдениям, с конца 1940-х годов в диссертациях прослеживается уже более точная формулировка задачи. В. В. Каракулаков в 1948 году пишет:

«Одна из задач моего исследования будет состоять из попытки подробного разбора построения речей, произносимых действующими лицами Аристофана, из выявления риторических мест, речевой техники, служащей для введения различных частей речи и отдельных аргументов, и риторической терминологии, которой пользуется наш поэт, установление источников этих сведений у Аристофана»⁵.

Заметим, что описанная задача имеет комплексный характер и распадается на несколько составляющих. Такой же подход к пониманию формулировки задачи обнаруживается в диссертации Н. С. Гринбаума (в том же 1948 году). Заметим, что у Каракулакова и Гринбаума был один научный руководитель – академик И. И. Толстой.

Неизменным сюжетом Введения являлось также обоснование актуальности. Важность проведенного исследования до 1948 года преимущественно определялась: уникальностью изучаемой эпохи, своеобразием проанализированного источника, насущными вопросами современной науки. Во время Великой Отечественной войны распространенной была актуализация через запросы современности.

С. Я. Лурье, обращаясь к исследованию древнегреческих трагедий, называет свою диссертацию, защищенную в 1944 году, довольно показательно: «Художественная форма и *вопросы современности* (курсив наш. – А. С.) в аттической трагедии», заставляя читателя задаться вопросом: о какой «современности» будет идти речь – актуальной для античных авторов или для читателей XX века? Основным посылом соискателя, изложенный в начале квалификационного труда, заключается в том, что для правильной трактовки трагедий Еврипида, написанных в период войны, надо «проникнуться как можно глубже теми настроениями, которыми жили афиняне эпохи Пелопоннесской войны», и условия Советского Союза образца 1944 года, по его мнению, в этом помогают⁶. Тем самым С. Я. Лурье в своем повествовании как бы соединяет две эпохи – древнюю и современную. Указанная тенденция осовременивания древности в научных публикациях военных лет преобладала [7], но не являлась нормативом. Например, Т. Н. Чикалина в 1943 году пишет Введение так, что нельзя и заподозрить, что автор готовит диссертацию в годы войны: она актуализирует объект своего исследования, как уже отмечалось выше, через распространенное в науке неверное представление о характере памятника «Законы XII таблиц».

Наиболее часто встречающимся способом актуализации исследования (особенно в кандидатских диссертациях) являлась критика работ предшественников и отрицание сложившихся в историографии суждений. Нарочито противопоставлялось собственное исследование и труды предшественников. Но в диссертациях, как правило, отсутствует полноценный обзор историографии. Обычно соискатели ограничиваются указанием наиболее важных, по их мнению, работ (прежде всего монографий). Но и такой подход позволял удачно представить свой вклад в науку и заявить о себе как оригинальном исследователе, с другой стороны – показать для широкой общественности, что и в классической филологии (вопреки распространенному мнению) есть белые пятна. Н. С. Гринбаум после «разгромной» критики «буржуазных» ученых за изучение ими языка Алкея в отрыве от конкретных исторических условий его появления пишет, что ставит своей задачей показать «настоящее лицо» Алкея⁷.

Особенно важное значение Введение приобрело в тех работах, в которых взгляды соискателей радикально расходились с традиционными научными представлениями. Этот тезис можно проиллюстрировать на материалах диссертаций учениц О. М. Фрейденберг – С. В. Поляковой

и Б. Л. Галеркиной. Для первой из них античный исторический эпос представлял интерес не с точки зрения сообщаемых им сведений о прошлом, а как совокупность образов, которые она и пыталась выявить, устанавливая их генетическую связь с ранними представлениями человечества о мироздании. По ее мнению, исторический эпос античности слабо отличается от других произведений классической древности, поскольку содержит космогонические метафоры, позволяющие обнаружить эсхатологические представления греков и римлян и судить о циклическом восприятии ими процесса истории, то есть как смены гибнущих и нарождающихся этически полярных систем⁸. Б. Л. Галеркина в своей диссертации также стремилась продемонстрировать новый подход, чему служил обзор историографии во Введении. Для соискателя важно подчеркнуть, что ее интересует именно структура трагедии, независимая от особенностей каждого драматурга – манеры подачи сюжета, стиля и словарного запаса. Она заявляет о недостаточности «для науки XX столетия с ее сильно выдвинутыми проблемами генетики» рассмотрения литературных памятников в плане их функционирования в контексте исторической эпохи и далее излагает свое понимание агона – композиционного элемента греческой трагедии – как архаичного ритуала столкновения активного и пассивного начал⁹. По сути позиции своих предшественников (в том числе и коллег по кафедре классической филологии ЛГУ) в отношении греческих трагедий Б. Л. Галеркина характеризует как устаревшие, но использует для этого относительно корректное прилагательное «недостаточные». Но все же ее в некотором смысле воинственная позиция здесь вполне очевидна.

В диссертациях военных и первых послевоенных лет (до 1948 года) практически не наблюдается идеологической подоплеки в критике зарубежной («буржуазной») историографии. Ее вклад оценивается объективно, без известных для советской науки клише. Более того, можно встретить прямое принятие некоторых выдвинутых в мировой филологии идей. Так, Б. Л. Галеркина соглашается и даже берет за основу рассуждения английского литературоведа Д. Мюррея, который наметил в творчестве Еврипида две тенденции: одну, принадлежащую лично трагике и выраженную в характерном для него разнообразии в области сюжета, другую – в строгом следовании афинским драматургом тем формам ритуала, которые имеются в трагедии как жанре. Соискатель соглашается и с пониманием агона как столкновения, в котором демон, дух года, сражается со своим противником¹⁰.

Определенно можно сделать вывод, что некоторые содержательные изменения в структуре диссертаций, и в частности во Введении, начали происходить с 1948 года. Современный исследователь П. А. Дружинин сделал вывод об обострении идеологической работы на филологическом факультете ЛГУ в 1947/48 учебном году в связи с развернувшейся кампанией борьбы с «низкопоклонством перед Западом» [4: 554–565]. С этого же времени заметной тенденцией стало формулирование проблематики литературоведческих диссертаций с использованием характеристик общественно-политического контекста, в котором творил античный автор. Неизменными элементами Введения оказываются и отсылки к произведениям классиков марксизма-ленинизма. О том, что цитирование подобной литературы становится требованием, причем, вероятно, неожиданным, свидетельствуют два наших наблюдения. У Н. С. Гринбаума и В. В. Каракулакова набор используемых цитат практически идентичный, хотя первый из них писал о греческом поэте архаического периода Алкее (последняя четверть VII – первая четверть VI в. до н. э.), второй – о теории речи у Аристофана, творившего в эпоху Пелопоннесской войны и последовавшего за ней кризиса греческого полиса (420-е – 380-е гг. до н. э.). Каракулаков благодаря соответствующим ссылкам на идеологическую литературу определил изучаемое им время как высочайший взлет греческой культуры, а также вывел развитие софистики из условий демократического общества, где ценится мастерство публичных выступлений¹¹. Использование порой весьма далеких от предмета исследования цитат из марксистской литературы, в которой, как правило, общими фразами описано существо той или иной эпохи, позволяло в некоторой степени актуализировать свою тему в глазах неспециалистов, у которых могло создаваться впечатление об интересе к Маркса, и Ф. Энгельса, и В. И. Ленина к анализируемым сюжетам.

Квалификационное сочинение Л. М. Черфас, подготовленное в 1948, но защищенное в 1950 году, также иллюстрирует изменения, произошедшие в практике подготовки диссертаций в конце 1940-х годов. Страницы 1–2, 6–11а, 18 имеют следы вклейки. Их анализ показывает, что все они содержат либо ссылки на классиков марксизма-ленинизма, либо жесткую критику зарубежных авторов. Первый же лист посвящен пристальному вниманию советского литературоведения к проблеме художественного перевода (с перечислением фамилий советских авторов, которые внесли вклад в общую теорию перевода). Очевидно, Черфас была усилена

критика «буржуазных» авторов, по отношению к которым в переработанном варианте Введения используется уничижающая лексика. Особенно много примеров содержится на странице 9: зарубежные ученые «несостоятельны в разработке проблем перевода»; «неудовлетворительно», «поверхностно» и «формально» разрешают научные вопросы; не понимают, «что литература, один из видов идеологии, зависит от социально-экономической структуры общества, а выбор переводимых (римлянами. – А. С.) произведений определяется идеологическими потребностями».

В работе Н. А. Чистяковой 1949 года, посвященной «Аргонавтике» Аполлония Родосского, нет Введения, но в первой главе характеризуется эпоха III века до н. э., когда жил эллинистический поэт. Используя полученные выводы, автор пытается выйти на проблему мировоззрения своего главного героя. Такой подход Н. А. Чистякова объясняет указаниями А. А. Жданова (в связи с его выступлением по книге Г. Ф. Александра об истории философии в 1947 году) на необходимость связи изложения отдельных философских систем и конкретной исторической обстановки¹².

Примерно четверть всего объема диссертации Н. А. Чистяковой занимает первая глава, содержащая в большей своей части обзор исследовательской литературы. Здесь критикуется «буржуазная» историография (В. Тарн, М. И. Ростовцев), ей резко противопоставляется точка зрения об эллинизме как этапе развития рабовладельческого общества, заимствованная у А. Б. Рановича. Особенности же эллинистического эпоса как стадийно нового жанра соискатель устанавливает через характеристику развившихся в это время предпосылок для складывания более прогрессивной общественно-экономической формации¹³. Однако в целом у Н. А. Чистяковой не получается создать логически плавного перехода от определения сущности эллинизма к изложению мировоззрения поэта: не совсем, например, понятной оказывается связь между новым этапом рабовладельческого общества и пессимистическими настроениями Аполлония или его тяготением к старому греческому мировоззрению. Один из оппонентов, И. М. Тронский, указал на несогласованность и бросающуюся в глаза разновременность написания первых двух, наиболее идеологически выдержанных глав («Аполлоний Родосский и его время», «О литературных разногласиях в Александрии III в. до н. э.») и последующих, где представлен анализ образов главных героев «Аргонавтики» (Медей и Ясона) и разбор композиции этого произведения¹⁴. В отношении «буржуазной» науки Н. А. Чистякова использует довольно резкие слова, напри-

мер «ошибка», «непонимание», «игнорирование», «порочные выводы». Она бранит зарубежных коллег за формально-эстетический подход и рассмотрение автора и его произведения в отрыве от конкретно-исторической обстановки. В последних строчках в качестве доказательства своей правоты ссылается на В. И. Ленина, который заявлял о невозможности существования аполитичной литературы ни в прошлом, ни в настоящем¹⁵.

Показательно также, что Заключение с 1948 года стало постоянной структурной единицей диссертации. В нашей выборке квалификационных работ оно оказывается идеологически заостренным, наполненным цитатами из произведений основоположников марксизма. Проведенное исследование подается в контексте борьбы с «буржуазной» наукой, а методы и подходы советского литературоведения характеризуются как перспективные и единственно дающие плодотворные результаты. Так, Н. А. Чистякова в Заключении настаивает на отказе от «формально-эстетического метода» в изучении литературы, в рамках которого Аполлоний рассматривался как бездарный эпигон великого Гомера. Литературную борьбу Аполлония и Каллимаха она рассматривает на фоне политических процессов III в. до н. э. Пессимистический настрой автора «Аргонавтики» и его обращение к прошлому, по мнению диссертанта, связаны с критическим отношением поэта к действительности¹⁶. Для доказательства преимуществ выбранного подхода соискатель утверждает, что выявленные ею аллюзии на конкретные политические тенденции (обоснование греко-македонского господства в Африке, провозглашение Египта единственным законным наследником былого могущества Афин, враждебный выпад против Спарты в рассказе о происхождении Феры) позволили датировать само произведение концом 70-х – началом 60-х гг. III в. до н. э.

Новые требования, явившиеся следствием идеологических кампаний конца 1940-х годов, довольно часто исполнялись формально, что приводило к разрывам в последовательном нарративе диссертаций – некоторому обособлению непосредственно самого исследования от учитываемого общественно-политического веяния Введения. В этом отношении показательной является диссертация Н. С. Гринбаума, которая в сравнении с другими квалификационными работами дает возможность увидеть процесс поиска содержательного наполнения Введения и Заключения в условиях конца 1940-х годов. В работе довольно объемное Заключение (43 страницы), вероятно, поэтому оно получило нумерацию как отдельная глава. Здесь автор представляет творчество

Алкея как порождение сложных социально-экономических процессов VII–VI веков до н. э., приведших к созданию «классового рабовладельческого общества», и изображает греческого поэта как выразителя интересов родовой аристократии, которая вела борьбу с купцами и ремесленниками. Заметим, что у Н. А. Чистяковой подобные сюжеты содержатся в первой главе. Все необходимые цитаты из классиков марксизма-ленинизма Гринбаум помещает исключительно в Заключение. Во Введении (очень коротком, объемом три страницы) этих цитат нет, но дана несколько иная, в сравнении с предшествующими диссертациями по классической филологии, актуализация исследования. Первая и вторая причины обращения к заявленной теме вполне традиционны для подобных работ свойства: увеличение числа фрагментов произведений Алкея за последние 50 лет и отсутствие специальных работ по языку поэта. Третье же направление актуализации – неправильное толкование творчества Алкея «буржуазной» наукой, которая видит в поэте лишь певца любви и вина, старшего современника Сафо¹⁷, – является новацией в диссертациях по античному литературоведению. Однако политически грамотная актуализация темы и сформулированная задача остаются на заднем плане при переходе к собственно исследованию. Думается, не случайно Введение имеет отдельную пагинацию римскими цифрами, которая некоторым образом дистанцирует эту часть диссертации от основного текста. Непосредственно анализ стихотворений Алкея строится по привычной для классической филологии модели: текстологический анализ (разбор дошедших папирусных свитков и средневековых книг) – анализ лексики – анализ стиля. Стилиевые изменения у Алкея Гринбаум выводит из статистики употребления тех или иных слов и форм и объясняет, скорее, переменами в психологическом состоянии поэта, который, выступив вместе с другими аристократами против митиленского правителя, потерпел поражение и был изгнан¹⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, диссертационный нарратив в рамках обозначенного хронологического отрезка не был однороден. На структуре квалификационных сочинений, содержании их отдельных частей сказывалось влияние нескольких факторов: научной традиции, персонального взгляда на проблему, политико-идеологических обстоятельств. На развернувшуюся в 1947/48 учебном году идеологическую кампанию научное сообщество отреагировало усилением требований к формальной стороне представляемых к защите сочинений.

Именно в это время унифицируется титульный лист, закрепляются как неотъемлемые части диссертации Заключение и Список источников и литературы. Исследовательские задачи приобретают более конкретную формулировку и вместе с условно выделяемым разделом «Актуальность» становятся идеологически выверенными. Введение насыщается цитатами из классиков марксист-

ма-ленинизма и ожесточенной критикой «буржуазной» науки. При этом начинает теряться единство диссертационного нарратива: вводная часть в содержательном отношении несколько отделяется от основного текста. Диссертация все больше приобретает характер квалификационной работы, предполагающей выполнение прежде всего формальных требований.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Отметим, что этот учебник вызвал волну обсуждения самого понятия «историографический источник» [5]. См. также критику: [1: 71–72].
- ² Галеркина Б. Агон в структуре греческой трагедии: Дис. ... канд. филол. наук. [Л., 1946]. С. 4.
- ³ Чикалина Т. Н. Структура предложения в памятниках древнейшего римского права: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1943. С. 1–3.
- ⁴ Вулих Н. В. Поэзия Катутла (интерпретация и стилистические особенности): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1945. С. 1.
- ⁵ Каракулаков В. В. Теории речи второй половины V в. до н. э. и их отражение в комедии Аристофана: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1948. С. 13.
- ⁶ Лурье С. Я. Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии: Дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1944. С. 32.
- ⁷ Гринбаум Н. С. Язык Алкея: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1948. С. III.
- ⁸ Полякова С. Семантика образности античного исторического эпоса (5 в. до н. э. – 1 в. н. э.): Дис. ... канд. филол. наук. [Л., 1945]. С. 10–11.
- ⁹ Галеркина Б. Указ. соч. С. 5, 21.
- ¹⁰ Там же. С. 3–4.
- ¹¹ Каракулаков В. В. Указ. соч. С. 2.
- ¹² Чистякова Н. А. «Аргонавтика» Аполлония Родосского (место Аполлония в литературной борьбе III в. до н. э. и образы его главных героев): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1949. С. 2.
- ¹³ Там же. С. 5.
- ¹⁴ Дело о защите диссертации Н. А. Чистяковой // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 2724. Л. 29.
- ¹⁵ Чистякова Н. А. Указ. соч. С. 248.
- ¹⁶ Там же. С. 239–248.
- ¹⁷ Гринбаум Н. С. Указ. соч. С. I.
- ¹⁸ Там же. С. 150, 155.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антощенко А. В. О научной школе источниковедения: иной взгляд // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 69–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.871
2. В ы с к у б В. Г. Российская общественно-государственная система аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. М.: Логос, 2005. 256 с.
3. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защиты диссертаций (XIX – начало XX в.): Коллективная монография / Под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 464 с.
4. Д р у ж и н и н П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. 592 с.
5. И с а е в Д. П. «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия // Новое прошлое. 2019. № 2. С. 98–114. DOI: 10.23683/2500-3224-2019-2-98-114
6. Источниковедение: Учебное пособие / Отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: ИД ВШЭ, 2015. 685 с.
7. К о н о п а т к и н В. А. История Римской империи и советская идеология времен Великой Отечественной войны (на материалах «Исторического журнала») // Magistra Vitae: Электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 1. С. 88–95. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-1-88-95 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/37-magistra-vitae-1-2024.html> (дата обращения 12.07.2024).
8. С к в о р ц о в А. М. Кафедра классических языков и литератур ЛИФЛИ: история создания и организация учебного процесса // Philologia Classica. 2021. № 15 (2). С. 394–410. DOI: 10.21638/spbu20.2020.213
9. С к в о р ц о в А. М. Кадры решают все? Подготовка кадров по античной истории в 1920–1930-е гг. // Советская древность: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР / Отв. ред. С. Г. Карпук. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 7–55.

Поступила в редакцию 02.08.2024; принята к публикации 13.01.2025

Original article

Artyom M. Skvortsov, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), Associate Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3287-4154; artyom-skvorcov@yandex.ru

INTRODUCTIONS TO DISSERTATIONS ON ANTIQUITY IN THE 1940s AND SOVIET DISSERTATION CULTURE

Abstract. The aim of this study is to identify the specific features of dissertation culture among antiquity scholars in the 1940s, based on an analysis of the introductions to dissertations defended at Leningrad State University. The novelty lies in analyzing these qualification papers aimed at receiving an academic degree as a distinct type of historiographical source, based on the research objectives set by the candidates themselves. The relevance is underscored by the growing number of studies on the history of dissertation culture over the past decade; however, historians have yet to establish a satisfactory analytical framework for examining the dissertations themselves. The author finds that initially there was a certain degree of flexibility both in the structure of dissertations and the layout of their introductory sections. However, beginning in the late 1940s, alongside intensified ideological campaigns, the formal requirements for scientific papers submitted for disputation became significantly more stringent. As a result, fractures began to appear in the cohesive narrative structure of dissertations. The introduction became effectively separated from the main body of the text due to the issues it addressed. The language itself became infused with hostile terminology toward “bourgeois” science and incorporated quotations from Marxist literature. The articulation of the topic, the problem statement, and the historiographical review all took on an ideological dimension. These components also served as criteria for assessing the overall quality of the work produced.

Keywords: Leningrad State University, dissertation culture, history of science, antiquity studies, Soviet science of antiquity

Acknowledgements. The article was written as part of the Russian Science Foundation’s project No 24-28-01315 “Post-war classicism: social order and intellectual space of Soviet specialists in ancient history, 1945–1956”.

For citation: Skvortsov, A. M. Introductions to dissertations on antiquity in the 1940s and Soviet dissertation culture. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):104–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1152

REFERENCES

1. Antoshchenko, A. V. Scientific school of historical source studies: an alternative view. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):69–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.871 (In Russ.)
2. Vyskub, V. G. The Russian public-state system of certification of scientific and scientific-pedagogical personnel of the highest qualification. Moscow, 2005. 256 p. (In Russ.)
3. The culture of writing dissertations in the Russian historical and academic community: the experience and practice of preparing and defending dissertations (in the XIX and early XX centuries). (N. N. Alebras, N. V. Grishina, Eds.). Moscow; St. Petersburg, 2022. 464 p. (In Russ.)
4. Druzhinin, P. A. Ideology and philology. Leningrad, 1940s: Documentary study. Moscow, 2012. Vol. 1. 592 p. (In Russ.)
5. Isaev, D. P. “Historiographical source”: problems of the concept’s history and interpretation. *The New Past*. 2019;2:98–114. DOI: 10.23683/2500-3224-2019-2-98-114 (In Russ.)
6. Source studies: Textbook. (M. F. Rumyantseva, Ed.). Moscow, 2015. 685 p. (In Russ.)
7. Konopatkin, V. A. History of the Roman Empire and Soviet ideology of the Great Patriotic War (on the materials of the “Historical Journal”). *Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archaeology*. 2024;9(1):88–95. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-1-88-95. Available at: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/37-magistra-vitae-1-2024.html> (accessed 12.07.2024). (In Russ.)
8. Skvortsov, A. M. Department of Classical Languages and Literature of the LIPLH: creation and organization of the educational process. *Philologia Classica* 2020;15(2):394–410. DOI: 10.21638/spbu20.2020.213 (In Russ.)
9. Skvortsov, A. M. Cadres decide everything? Educating specialists in ancient history in the 1920s and 1930s. *Soviet antiquity: people, institutions, books and the study of ancient world in the USSR*. (S. G. Karpyuk, Ed.). Moscow, 2022. P. 7–55. (In Russ.)

Received: 2 August 2024; accepted: 13 January 2025

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГУТНОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования СМИ факультета журналистики Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

(Москва, Российская Федерация)

gutnov@yandex.ru

Рец. на кн.: Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье (сборник материалов и воспоминаний) / Сост., введ., комм. А. В. Антощенко, аннот. имен. указ-ль А. Ф. Кривоноженко. – Петрозаводск : ООО Verso, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).

Для цитирования: Гутнов Д. А. Рец. на кн.: Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье (сборник материалов и воспоминаний) / Сост., введ., комм. А. В. Антощенко, аннот. имен. указ-ль А. Ф. Кривоноженко. – Петрозаводск : ООО Verso, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD-R) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 112–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1153

В 2025 году российская общественность готовится отметить очередной, правда не совсем круглый, юбилей старейшего классического университета страны – Московского. Ему исполняется 270 лет. В научных и научно-популярных изданиях, а также в интернете уже царит предпраздничная суета. Востребованы и появляются разные публикации, как научные, так и публицистические, отражающие историю Московского университета, вехи его развития и... историю его юбилеев. А история эта весьма занятная. Всем известно, что Московский университет был основан 12 (25 по новому стилю) января 1755 года, в день святой мученицы Татианы. С тех пор эта дата считается официальным днем основания Московского университета, а святая Татиана – его покровительницей.

Родившись из корпоративного торжества (до празднования первого столетия своего основания в 1855 году День святой Татианы, как и торжества 25- и 50-летия основания, не выходил за пределы университетской ограды), этот праздник московской ученой корпорации сначала вышел за его стены, приобрел общегородское значение, а сегодня отмечается как день всего российского студенчества. Это стало возможным потому, что уже в середине XIX века государство осознало возрастающее значение образования и науки в повседневной жизни общества и оценило роль университета как учреждения для подготовки научных, управленческих, медицинских, педагогических и иных кадров. Первым из русских самодержцев, кто лично 8 (20 по новому стилю) марта 1851 года одобрил программу юбилейных торжеств 100-летия со дня основания Московского университета (и ассигновал на это средства), был Николай I. С тех пор по мере роста числа выпускников и влияния Московского университета

на жизнь страны университетские юбилеи становились все более значимыми событиями общественной жизни Москвы и всей России и не обходились без покровительства и участия высшей власти. С одной стороны, это было признанием уважения и заслуг к учащей корпорации. С другой – служило некой дополнительной связующей нитью между государством и обществом, отношения между которыми часто в нашей истории были довольно напряженными. Но даже когда в силу складывающейся внутривластной ситуации, как это было со 150-летием со дня основания университета в 1905 году, власти запрещали публичные торжества, без «реверансов» в сторону юбиляра не обходилось. В самом конце XIX века правительство и московские власти ассигновали значительные средства на реновацию университетского квартала в центре Москвы и расширение университета за счет новых территорий на Девичьем поле, где разместились клиники медицинского факультета.

Сменившая самодержавие советская власть и постсоветские власти придерживались того же принципа. К 200-летнему юбилею Московскому университету были переданы обширные территории на юго-западе столицы, где были построены главное здание МГУ и многочисленные научные, учебные корпуса, новые общежития и профессорские квартиры. Существенно увеличилось число факультетов, студентов и преподавателей. 250-летний юбилей в 2005 году еще более расширил территорию и оснащение МГУ им. М. В. Ломоносова. Видимо, грядущий 270-летний юбилей не станет исключением из этого правила.

Однако в истории Московского университета был один юбилей, который никак не вписывается в эту уже освященную временем парадигму. Речь идет о 175-летнем юбилее Московского университета, который был совершенно проиг-

норирован в СССР, но широко отмечался в кругах русской эмиграции 24–26 января 1930 года. Революция 1917 года и Гражданская война вихрем промчались по территории бывшей Российской империи, выкинув за пределы страны, по разным подсчетам, от двух до шести миллионов человек. Среди них было много интеллектуалов, которых новые власти презрительно называли «буржуазной интеллигенцией» и в услугах которых в силу критического к себе отношения не нуждались. Победители в Гражданской войне принялись за строительство нового, невиданного доселе общества, где не было места старым кадрам, знаниям и традициям, а многие учебные заведения были упразднены или реформированы. Прервалась традиция Татьянинного дня, да и сам этот праздник в государстве, обозначившем воинствующий атеизм одной из своих программных целей, не мог отмечаться как праздник, даже корпоративный.

С другой стороны, рассеянная по миру, разобщенная бытовой неустроенностью на чужбине и приверженностью разным, часто взаимоисключающим политическим взглядам русская эмиграция очень остро чувствовала потребность в какой-то объединяющей, «надпартийной» идее, которая могла бы хоть на время воссоединить разрозненные русские общины и дать возможность почувствовать себя единым целым. Такой идеей стало образование и связанное с ним просвещение общества, а конкретным поводом – некруглый юбилей Московского университета. С инициативой отметить 175-летие своей alma mater 15 мая 1929 года выступило «Общество бывших воспитанников Императорского Московского университета» в Париже. Там же и был образован первый юбилейный комитет по ознаменованию 175-летия императорского Московского университета. Чуть позже аналогичный комитет возник в Праге. На призыв откликнулась почти вся русская эмигрантская общественность, раскиданная по различным странам и континентам. Всего в странах рассеяния было образовано 17 юбилейных комитетов, которые взаимодействовали друг с другом. Несмотря на формальное равноправие всех этих организаций, очень скоро неформальными лидерами в подготовке юбилейных торжеств стали Пражский и Парижский юбилейные комитеты.

Совершенно очевидно, что своеобразием подготовительных мероприятий этого юбилея было отсутствие какого-либо значимого государственного финансирования и поддержки. Советские власти, по понятным причинам, к данному мероприятию отношения не имели, а страны, принявшие эмигрантов, ничем им обязаны не были. Его организация и устройство всецело легли на плечи самой эмигрантской общественности. В общем,

был начат сбор средств, центром которого стала Прага. В итоге Пражскому комитету удалось аккумулировать сумму в 25 393 чешских крон. Около половины этой суммы пошло на издание юбилейного сборника. Остальные средства стали основой для формирования фонда, обеспечившего предоставление стипендии Московского университета. Полугодовая работа юбилейных комитетов увенчалась торжествами, состоявшимися в разных центрах русской эмиграции в период 24–26 января 1930 года. Они стали значительными событиями в жизни русской эмиграции.

Заграничный юбилей Московского университета совершенно не освещался в СССР, но в последнее время в России появился ряд публикаций об этом событии¹, благо подготовительные материалы некоторых юбилейных комитетов отложились в Пражском архиве² и сейчас доступны исследователям. Учитывая крайне ограниченный тираж юбилейного сборника, изданного в 1930 году, и трудности его попадания в Советскую Россию, важным источником сведений об этом юбилее являются предъюбилейные и юбилейные публикации в русской эмигрантской прессе. В основном они печатались во второй половине 1929 – самом начале 1930 года. Это были как материалы мемуарного характера, так и научные статьи, политические памфлеты, исторические очерки, биографии значимых профессоров Московского университета, стихи и даже музыкальные произведения. Какие-то материалы должны были войти в юбилейный сборник, но не вошли, какие-то представляли собой печатные варианты речей, произнесенных в честь юбилея в разных аудиториях, что-то писалось непосредственно для публикации в газетах. Опять же в силу условий той эпохи эмигрантская пресса попадала в советские библиотеки фрагментарно, под грифом «Секретно». Подшивки хранились в спецхранах, разбросанных в разных книгохранилищах, и доступ к ним был ограничен. Все это в какой-то степени сказывается на доступности данных материалов для исследований и сегодня.

В связи с вышесказанным не могу не приветствовать появление сборника материалов «Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье», в котором собраны все наиболее значимые публикации русской эмигрантской прессы о данном событии. Эту благородную задачу решил профессор Петрозаводского государственного университета А. В. Антощенко. С темой юбилея Московского университета 1930 года он знаком не понаслышке и разрабатывает ее с начала 2000-х годов³. Некоторые итоги этой работы и перспективы на будущее были обозначены им в прошлом году⁴. В русле намеченного благодаря его усилиям удалось собрать воедино, подготовить к печати и опубли-

ковать 38 материалов, вышедших в парижских, пражских, берлинских, белградских эмигрантских газетах и журналах, которые отражают весь спектр мнений русской эмиграции о Московском университете, его истории и состоявшемся юбилее. Ряд материалов публикуется по архивным документам из фонда Пражского юбилейного комитета. Сам факт появления данного сборника сильно упрощает обращение исследователей к изучению темы заграничного юбилея Московского университета 1930 года. И за это его составителью отдельная благодарность.

Публикуемые статьи и материалы предваряет обширная вступительная статья, где составитель дает довольно подробный исторический очерк подготовки юбилея и представляет типологию публикуемых текстов по авторам, жанрам и органам печати, их характеру и направленности. Там же содержатся сведения об источниках и принципах публикации материалов, включенных в сборник. Ценным дополнением к выполненной работе является аннотированный именной указатель, составленный А. Ф. Кривоноженко. Он очень полезен, ибо современный российский читатель если и знает некоторые имена русских эмигрантов, то явно наиболее известные, такие как С. Н. Булгаков, В. А. Маклаков, П. Н. Милюков, П. Б. Струве. Менее знаковые фигуры рус-

ской эмиграции забываются куда быстрее, и данный указатель дает возможность восстановить эти незаслуженно забытые имена. К тому же он позволяет лучше ориентироваться в разном университетском сообществе Российской империи, ведущую роль в котором с момента образования Московского университета играла его профессура и преподаватели, а также определяет круг лиц, тем или иным образом связанных с этим сообществом.

Вместе с тем представляется, что сборник только выиграл бы, если бы наряду с указателем авторов туда был включен и указатель печатных источников, где впервые были опубликованы данные статьи. Всего, по моим подсчетам, это 11 печатных изданий, краткая характеристика которых (год выпуска, место издания, редактор) дополнительно украсили бы проделанную работу. Лично мне также не хватает более строгой структурированности публикуемых материалов по каким-то более формальным разделам, хотя я вполне принимаю принципы, изложенные в вводной статье, которыми руководствовался автор-составитель при компоновке материала.

В целом же рецензируемое издание является ценным вкладом в изучение истории Московского университета, российского высшего образования и истории русской эмиграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Антощенко А. В. Празднование 175-летнего юбилея Московского университета в русском зарубежье // Культура исторической памяти: Материалы научной конференции. 17–22 сентября 2001 г. Петрозаводск, 2002. С. 73–86; Горелова С. И. Русская эмиграция о 175-летию Московского университета // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 104–112; Гутнов Д. А. Празднование 175-летия со дня основания Московского университета в Париже 24–26 января 1930 г. // Вестник МГУ. Сер. История. 2004. № 3. С. 88–101; Щеблыгина И. В. Воспоминания об alma mater: выпускники Московского университета в эмиграции // Вестник МГУ. Сер. История. 2010. № 4. С. 17–34.
- ² См.: Пражский комитет по ознаменованию 175-летия Московского университета. 1929–1930 // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 1–11.
- ³ Антощенко А. В. Празднование 175-летнего юбилея Московского университета в русском зарубежье // Культура исторической памяти: Материалы научной конференции. 17–22 сентября 2001 г. Петрозаводск, 2002. С. 73–86.
- ⁴ Антощенко А. В. Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье (о методиках исследования) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10. № 1. С. 61–68.

Поступила в редакцию 18.11.2024; принята к публикации 24.01.2025

Review

Dmitri A. Gutnov, Dr. Sc. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
gutnov@yandex.ru

The book review: The Russian Abroad celebrating the 175th anniversary of Moscow University (collection of materials and memories). (A. V. Antoshchenko, A. F. Krivonozhenko, Eds.). Petrozavodsk, 2024.

For citation: Gutnov, D. A. The book review: The Russian Abroad celebrating the 175th anniversary of Moscow University (collection of materials and memories). (A. V. Antoshchenko, A. F. Krivonozhenko, Eds.). Petrozavodsk, 2024. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):112–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1153

Received: 18 November 2024; accepted: 24 January 2025

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА АРХИПОВА

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций исторического факультета Историко-архивного института

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)

archipova-iai@mail.ru

Рец. на кн.: Признание : сборник статей / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории ; ответственные редакторы: А. В. Антощенко, С. Э. Яловицына. – Петрозаводск : ВЕРСО, 2024. – 240 с. – Посвящается Александру Алексеевичу Кожанову.

Для цитирования: Архипова Т. Г. Рец. на кн.: Признание : сборник статей / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории ; ответственные редакторы: А. В. Антощенко, С. Э. Яловицына. – Петрозаводск : ВЕРСО, 2024. – 240 с. – Посвящается Александру Алексеевичу Кожанову // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 115–117. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1154

Человеческая память, с одной стороны, избирательна, с другой – имеет свойство слабеть, что не в последнюю очередь зависит от того, что или кого вспоминают. Если говорить о людях, то среди них есть те, за встречу с которыми вспоминающие благодарят Создателя. И при этом не важно, кем был этот человек для мемуариста – родственником, другом, учителем, коллегой. К таким людям относятся и Александр Алексеевич Кожанов (01.09.1949 – 29.05.2021), окончивший исторический факультет Петрозаводского госуниверситета, затем аспирантуру Института этнографии АН СССР имени Н. Н. Миклухо-Маклая, защитившего диссертацию по новому исследовательскому направлению – этносоциологии. В 1976 году он окончательно связал свою судьбу с Петрозаводском, в который влюбился еще в студенческие годы. Когда в середине 90-х годов прошлого века я спросила у него: «Неужели Вы разлюбили Таллин?» (о нем он много рассказывал), то он ответил в свойственной ему манере: «Я не разлюбил Таллин, я просто сильнее полюбил Петрозаводск и Карелию». Доказательством тому служат его подробнейшие рассказы о тех местах в Карелии, которые он показывал мне в каждый мой приезд в университет, – Киваче, Марциальных водах, Кондопоге, Сямозере, Кижях, не говоря о самом Петрозаводске. В первую нашу встречу мы долго ходили по городу, и в ответ на просьбу показать мне любимое место Александр Алексеевич привел меня к зданию университета.

Более десяти лет А. А. Кожанов работал в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра, где оставил о себе самую добрую память. В 1989 году он перешел на работу в университет. Мне, дружившей с ним около четверти века (мы познакомились в мае 1996 года, когда я была приглашена в Петрозаводск на научно-практическую конференцию «Государственное управление и местное самоуправление на европейском Севере: исторический опыт и современность»), он не рассказывал о причине перехода в ПетрГУ. Думаю, причинами были желание работать в альма-матер и, главное, реализовать свою любовь к молодежи, которая отвечала ему тем же. Свое отношение к ней он, стесняясь, пытался скрыть за иронией, но студенты его обожали. Большую часть времени работы в университете Александр Алексеевич посвятил организации в рамках истфака нового направления подготовки – архивистов-документоведов. Вот на этой почве наше знакомство переросло сначала в приятельские отношения, а потом в многолетнюю дружбу. Взяв за основу план подготовки таких специалистов в Историко-архивном институте РГГУ, он существенным образом его улучшил – я заявляю об этом как многолетний декан факультета документоведения. Он хотел путем совмещения практических (прикладных) и теоретических дисциплин расширить сферу использования выпускников этого направления подготовки, но имеющиеся у него возможности не позволили продолжить реализацию этого желания. На объективные причины наложились субъективные. Надо было видеть,

как Александр Алексеевич страдал от этого. Ему, сильному человеку, с трудом удавалось скрыть это страдание, мне кажется, оно укоротило его жизнь.

Вместе с заведующим кафедрой документоведения РГГУ Т. В. Кузнецовой мы читали лекции первому набору студентов этого профиля, затем два раза в год я приезжала в университет в качестве председателя ГАК, на конференции, проводимые кафедрой, на различные мероприятия университетского масштаба.

По инициативе и финансовой поддержке родных, коллег, друзей и учеников на основе решения Ученого совета ИЯЛИ КарНЦ РАН издательство «ВЕРСО» (Петрозаводск) выпустило сборник, посвященный памяти А. А. Кожанова, под весьма символическим названием «Признание». В данном случае это признание в любви, о которой не кричат громко и на всех углах. По ряду причин я не смогла присоединиться к коллегам при подготовке сборника, пусть эта рецензия будет моим дополнением к их коллективной памяти.

Издание это приятно держать в руках, его дизайн соответствует сочетанию черт характера А. А. Кожанова – скромно-нежно-стального. За вежливостью, стеснительностью и другими интеллигентскими качествами пряталось сильнейшее начало. Такое сочетание встречается нечасто. Впечатляет и подбор материалов сборника: он необычен и тем замечателен. В этом состоит заслуга составителей и редакторов, в первую очередь профессора А. В. Антощенко и доцента С. Э. Яловицыной. Можно было бы высказать замечания по поводу группировки собранных под одной обложкой материалов, но, во-первых, это может выглядеть как вкусовщина, а, во-вторых, главное не в этом, главное в том, что они собраны и стали достоянием общественности.

Первый из четырех разделов под названием «Коллега» состоит из воспоминаний тех, кто учился с А. А. Кожановым в аспирантуре, работал в КарНЦ РАН, ПетрГУ. Этот набор воспоминаний не мог не быть разноплановым – Александр Алексеевич был разносторонне увлеченным трудоголиком, пробовал себя во многом и все, за что брался, делал с полной отдачей сил, старался доводить до конца, тяжело переживал неудачи, в которых, будучи редким самоедом, винил исключительно себя. Для меня, принимавшей самое активное участие в организации подготовки новой для ПетрГУ специальности, интересны воспоминания В. В. Волоховой, И. В. Савицкого, И. Г. Петуховой,

что ни в коей мере не умаляет значения мемуаров других авторов. Свою работу в «эпоху Кожанова» (И. В. Савицкий именуется «временем Кожанова») они вспоминают как время счастливого драйва, ощущения сопричастности большому и важному делу, что всегда возвышает человека над обыденностью, с одной стороны, а с другой – повышает самооценку. В это весьма сложное для страны время на коротком его отрезке А. А. Кожанову удалось многое: убедить руководство университета в необходимости открыть набор на новую специальность, разработать учебный план, привлечь к преподавательской деятельности не только ученых, но и практиков, сформировать коллектив единомышленников, создать специальную кафедру и особую атмосферу в коллективе, наладить учебный процесс, активизировать научную деятельность коллег, добывать гранты для проведения научных конференций. Это было похоже на хобби. При этом он не забросил прежние свои увлечения: собирал уникальные издания, вырезки из газет (многое из собранного он подарил библиотеке университета), воспитывал (это его выражение) кошек. Надо было видеть этого высокого, с мужественным лицом человека, со стеснительным умилением рассказывающего о своих питомцах.

Не менее информативен второй раздел сборника «Учитель». Можно представить, сколь трудным делом для составителей был сбор материалов для этой его части. И тем не менее здесь помещено интервью, данное Александром Алексеевичем в 2015 году для сборника к юбилею ПетрГУ, воспоминания М. А. Мешкова, К. В. Годунова, А. В. Сабисевича и других выпускников истфака и возглавляемой им кафедры. Написанные много лет спустя, они поражают яркостью впечатлений, взвешенностью оценок: кто-то из них справедливо считает время работы А. А. Кожанова в ПетрГУ золотым веком последнего (с. 112), кто-то благодарен ему за помощь в определении вектора судьбы (с. 116), кто-то с восторгом вспоминает его как преподавателя... Он же всегда старался не терять связь со своими учениками.

Раздел сборника «Вдохновитель» составлен по иному принципу, который заложен в его названии. Тематика этих статей была predeterminedлена во время общения авторов с А. А. Кожановым, с одной стороны, а с другой – совместной с ним научной работой. В данном разделе авторами размещенных материалов являются весьма известные не только в Карелии ученые: И. Н. Данилевский, А. В. Антощенко, Л. И. Вавулинская, З. И. Строгальщикова, С. Э. Яловицына,

А. И. Бутвило. Воспоминания последнего являются серьезной попыткой по-новому оценить этапы «историографической ситуации» (это его термин) советского периода в отечественной историографии. Название статьи («Историк в предлагаемых обстоятельствах») не случайно: оно предваряет перечень научных публикаций А. А. Кожанова, размещенных в последнем разделе рецензируемого сборника.

Читателя, безусловно, впечатлит количество работ, хронологические их рамки, неизменная по актуальности проблематика, несмотря на то, что преподавательская и организационная работа отнимала у А. А. Кожанова много времени. Я не раз спрашивала у него, почему он не пишет докторскую диссертацию. Александр Алексеевич старательно уходил от ответа на вопрос. Могу только предположить, что причин было несколько: безгранично критическое отношение к себе; нежелание тратить время на выполнение разного рода квалификационных требований при работе над диссертацией; нежелание надолго «бросать» студентов: научная работа требует не только самоотдачи, но и уединения. Долгого уединения он не любил. Здесь следует отметить умение А. А. Кожанова работать в коллективе: значительная часть работ написана им в соавторстве. В этой части сборника

помещено несколько публикаций его работ. Их значимость для специалистов этой области науки очевидна с точки зрения новизны, постановки задач и выводов.

Следует отметить прекрасно подобранный иллюстративный материал, которым заинтересуются не только знавшие Александра Алексеевича. Многим он напомнит их студенческую юность. Как-то он показывал мне фото из фильма «А зори здесь тихие», в котором снялся в роли немца. Показ сопровождался комментарием: «Я ведь еще и артист». Позднее это фото я видела, кажется, в одном из иллюстративных изданий о Петрозаводске.

К коллективу авторов этого сборника могли бы присоединиться сотни других, чей жизненный путь пересекался с кожановским по самым разным поводам. Он был патриотом России и Карелии, которая в силу ряда обстоятельств стала его малой Родиной. Его научная работа была непосредственным проявлением любви к ней. Коллектив университета на вполне законных основаниях может гордиться своим выпускником и коллегой. Знавшие Александра Алексеевича Кожанова, взяв в руки данный сборник, вспомнят о нем в очередной раз, те же, кто был лишен возможности его знать, познакомятся с этим удивительным человеком.

Поступила в редакцию 09.01.2025; принята к публикации 27.01.2025

Review

Tatiana G. Arkhipova, Dr. Sc. (History), Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)
arkhipova-iai@mail.ru

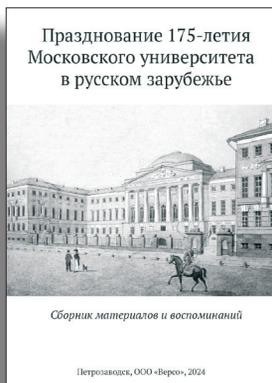
The book review: Recognition: collection of articles. (A. V. Antoshchenko, S. E. Yalovitsyna, Eds.). Petrozavodsk, 2024. 240 p. Dedicated to Alexander Alekseevich Kozhanov.

For citation: Arkhipova, T. G. The book review: Recognition: collection of articles. (A. V. Antoshchenko, S. E. Yalovitsyna, Eds.). Petrozavodsk, 2024. 240 p. Dedicated to Alexander Alekseevich Kozhanov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):115–117. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1154

Received: 9 January 2025; accepted: 27 January 2025

CONTENTS

<p>Editorial note ..... 7</p> <p>ARCHAEOLOGY</p> <p><i>Manko N. V.</i> NEW CHALCOLITHIC FLINT WORKSHOPS WITH A LARGE BLADE COMPONENT IN NORTHWESTERN DONBASS ..... 8</p> <p>HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH</p> <p><i>Smirnova N. V.</i> YUXIN MA ON WOMEN JOURNALISTS IN QING CHINA DURING THE LATE XIX CENTURY... 18</p> <p>WORLD HISTORY</p> <p><i>Serova E. V.</i> THE LIMITS OF RIGHTS OF THE NEUTRAL STATES IN 1914–1918 IN THE CONTEXT OF WESTERN HISTORIOGRAPHY (THE CASE OF THE SCANDINAVIAN COUNTRIES)... 25</p> <p>RUSSIAN HISTORY</p> <p><i>Vinokurova I. Yu., Dubrovskaya E. Yu.</i> GALINA NIKOLAYEVNA BOGDANOVA: THE 100TH ANNIVERSARY OF THE SCHOLAR ..... 33</p> <p><i>Pashkov A. M., Sokolov A. A.</i> VASILY ALEXANDROVICH TROSHIN: FROM A SOCIALIST REVOLUTIONARY TO THE FOUN- DER OF THE MARCIAL WATERS MUSEUM..... 43</p> <p><i>Godunov K. V., Volokhova V. V.</i> “DEMOCRACY” VS “BOURGEOISIE”: THE LANGUAGE OF POLITICAL CONFLICT IN MARCH – SEPTEMBER 1917 ..... 50</p> <p>FROM THE HISTORY OF THE RUSSIAN EDUCATION SYSTEM</p> <p><i>Gracheva Yu. E.</i> FUNCTIONING OF THE MAIN SCHOOLS’ DI- RECTORATE UNDER THE MINISTER OF PUB- LIC EDUCATION, COUNT ALEXEY RAZUMOVSKY. 59</p>	<p><i>Pustovoit I. S.</i> COUNT SERGEY UVAROV AND THE “SCHOL- ARLY CLASS” OF SAINT PETERSBURG UNI- VERSITY IN THE 1810S AND THE EARLY 1820S .. 65</p> <p><i>Ashikhmin A. V.</i> COUNT SERGEY UVAROV AND THE “JEWISH QUESTION” IN THE EDUCATION POLICY OF THE SOUTHWESTERN REGION..... 76</p> <p><i>Rakovsky D. O.</i> GRADUATES OF SAINT PETERSBURG (PETROGRAD / LENINGRAD) UNIVERSITY AMONG THE RUSSIAN MUSEUM STAFF (1917–1934)..... 86</p> <p><i>Metel O. V.</i> SOVIET HIGHER EDUCATION REORGANIZA- TION PROJECTS COVERED BY THE <i>SCIEN- TIFIC WORKER</i> JOURNAL ..... 91</p> <p><i>Abdulina B. M.</i> THE 120TH ANNIVERSARY OF LENINGRAD STATE UNIVERSITY IN FOCUS OF THE USSR IDEOLOGICAL POLICY ..... 96</p> <p><i>Skvortsov A. M.</i> INTRODUCTIONS TO DISSERTATIONS ON ANTIQUITY IN THE 1940S AND SOVIET DIS- SERTATION CULTURE ..... 104</p> <p>Reviews</p> <p><i>Gutnov D. A.</i> The book review: The Russian Abroad celebrating the 175th anniversary of Moscow University (col- lection of materials and memories) ..... 112</p> <p><i>Arkhipova T. G.</i> The book review: Recognition: collection of articles... 115</p>
--	--

ПРАЗДНОВАНИЕ 175-ЛЕТИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

В сборнике представлены материалы и воспоминания, появившиеся в эмигрантской прессе в связи с празднованием 175-летнего юбилея Московского университета в центрах русского зарубежья в январе 1930 г. Во введении характеризуются основные темы юбилейных публикаций и определяются принципы исследования создаваемого в них многообразного облика Московского университета. Публикация сопровождается аннотированным именной указателем.

Издание адресовано прежде всего историкам старейшего университета страны, а также исследователям университетского образования в России.

Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье (сборник материалов и воспоминаний) / Сост., введ., комм. А. В. Антощенко, аннот. имен. указ-ль А. Ф. Кривоноженко. – Электрон. дан. – Петрозаводск : Версо, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD-R)

Отзыв на издание читайте в рубрике «Рецензии»

ПРИЗНАНИЕ Посвящается Александру Алексеевичу КОЖАНОВУ

Сборник посвящен университетскому преподавателю, руководителю кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин, этносоциологу, библиофилу и просветителю, кандидату исторических наук Александру Алексеевичу Кожанову (1.09.1949–29.05.2021). Сборник подготовлен коллегами и учениками Александра Алексеевича как дань уважения и признательности человеку, у которого посчастливилось учиться и (или) иметь удовольствие работать вместе. Тексты статей, включенные в него, в большинстве своем носят мемуарный характер, но некоторые из них подготовлены как специальные исследования. Их тематика не случайна и была «задана» сотрудничеством авторов с героем сборника. Разнообразие сюжетов, жанр исполнения той или иной статьи во многом отражают широкий кругозор и многогранность личности Александра Алексеевича Кожанова, которому авторы с искренней любовью и глубоким уважением посвящают настоящее издание.

Признание : сборник статей / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории ; ответственные редакторы: А. В. Антощенко, С. Э. Яловицына. – Петрозаводск : Версо, 2024. – 240 с. – Посвящается Александру Алексеевичу Кожанову.

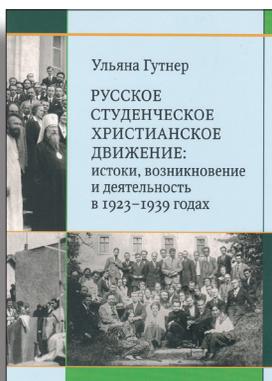
Отзыв на книгу читайте в рубрике «Рецензии»

Ульяна Гутнер РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: истоки, возникновение и деятельность в 1923–1939 годах

Данная книга является первым в российской историографии исследованием, посвященным различным аспектам жизни Русского студенческого христианского движения (в эмиграции). Исследование охватывает «классический» период жизни Движения, существующего до сих пор, с момента его образования в 1923 г. до начала Второй мировой войны в 1939 г. и затрагивает не только исторические вопросы существования Движения, но и вопросы его духовных основ и ориентиров. Особое внимание уделено возникновению РСХД: факторам, повлиявшим на его создание и развитие, а также Первому Пшеровскому съезду 1923 г., на котором Движение не только оформилось организационно, но и родилось духовно. Описаны основные идеи жизни Движения, формы его существования – студенческие кружки и съезды, а также принципы христианского воспитания детей и молодежи; вопросы отношения РСХД с Русской православной церковью и протестантскими организациями.

Ульяна Гутнер. Русское студенческое христианское движение: истоки, возникновение и деятельность в 1923–1939 годах. – М.: Свято-Филаретовский институт, 2023. – 432 с.

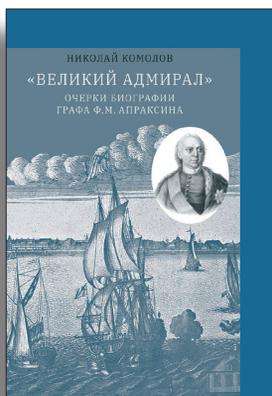

Николай Комолов «ВЕЛИКИЙ АДМИРАЛ» ОЧЕРКИ БИОГРАФИИ ГРАФА Ф. М. АПРАКСИНА

Книга представляет собой первое в отечественной историографии комплексное исследование биографии ближайшего сподвижника Петра Великого, генерал-адмирала, азовского и эстляндского генерал-губернатора, графа Федора Матвеевича Апраксина (1661–1728). Сделана попытка в первую очередь раскрыть личность этого выдающегося государственного деятеля через призму его обширной переписки, через его предков и семью, дела служебные и личные, особенности как управленца. Исследование основано на значительном количестве не использованных ранее, в том числе и уникальных архивных источников. Издание богато иллюстрировано.

Для читателей, интересующихся историей Петровской эпохи, военно-морского флота, историей России, дворянских родов, московского Златоустовского монастыря.

Комолов Н. А. «Великий адмирал»: очерки биографии графа Ф. М. Апраксина. – М.; Рыбинск, 2023. – 456 с.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004